МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОГО ОНОМАСТИКОНА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

МОНОГРАФИЯ

Ставрополь
2020

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2
Б82

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
«Ставропольского государственного
педагогического института

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор **С.Н. Бредихин,**
кандидат педагогических наук, доцент **А.В. Морозова**

Борисова Т. Г., Кузнецова Т.Б., Луговая Е.А.

Б82 **Лингвопрагматический потенциал русского ономастикона в поликультурном пространстве Ставропольского края:** монография / Т.Г. Борисова, Т.Б. Кузнецова, Е.А. Луговая. – Ставрополь: Изд-во «Тимченко О.Г.», 2020. – 136 с.

ISBN 978-5-6045560-5-4

Монография посвящена рассмотрению проблем теории имени собственного с учетом регионального компонента: особенности формирования ономастического пространства региона, определение принципов номинации различных типов ономастических единиц, характеристика функций онимов в картине мира первопоселенцев.

В исследовании представлен этнолингвистический анализ имен собственных на синхронном и диахронном уровнях, что дает возможность проследить изменения, которые произошли в ономастическом пространстве поликультурного региона на протяжении двух столетий.

Адресована бакалаврам, магистрам, аспирантам, преподавателям и исследователям, интересующимся вопросами русской ономастики, регионоведения, теории языка, методики преподавания русского языка, истории, мировой художественной культуры. Может быть рекомендована как учебное пособие для спецкурсов и спецсеминаров.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

ISBN978-5-6045560-5-4

© Борисова Т. Г., Кузнецова Т.Б., Луговая Е.А., 2020
© ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», 2020
© Издательство «Тимченко О.Г.», 2020

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. Ономастическое пространство Ставропольского края: история и современность 6
1.1. Теоретические основы исследования регионального ономастикона 6
1.2. Ставропольский край как регион вторичного заселения..... 18
1.3. Лингвометодологические основания изучения топонимикона Ставропольского края..... 26

ГЛАВА 2. Этнокультурные подходы к изучению регионального ономастикона..... 52
2.1. Функционирование системы личных имен в регионе: история и современность 52
2.1.1. Формирование категории отчества в исследуемом регионе ... 73
2.1.2. Производящие основы фамильных онимов в регионе..... 74
2.2. Функционирование топонимов Ставропольского края как отражение наивной картины мира первопоселенцев 89
2.2.1. Этнолингвистический анализ гидронимов гидронимов региона..... 101
2.2.2. Этнолингвистический анализ геонимов региона..... 106
2.3. Система ценностных ориентиров в топонимиконе Ставропольского края..... 113

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 124

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 126

ПРИЛОЖЕНИЯ 130

ВВЕДЕНИЕ

Современные образовательные стандарты обязательно включают в себя региональный компонент. В обучении русскому языку этот аспект играет большую роль, т.к. всестороннее освоение языка немыслимо без познания культуры народа, его духовных ценностей, традиций и обычаев. К. Паустовский писал, что «русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли»1.

Предлагаемая работа представляет опыт исследования русского ономастикона Ставропольского края как поликультурного региона со своей самобытной историей и культурой. Это часть страны с неповторимой совокупностью устойчивых ментальных, исторических, экономико-географических особенностей.

Таким образом, объектом изучения является ономастикон сравнительно ограниченной территории Северного Кавказа, что позволяет более точно выявить системные связи между собственными именами различных классов, составляющих онимическое пространство региона. При этом были учтены особенности диалектной, словообразовательной и лексической систем, а также проведен этнолингвистический анализ ономастического пространства, в процессе которого был сделан акцент на особенности национальной духовной культуры переселенцев.

Издавна на территории края в тесном соприкосновении развивались, как известно, две культуры, две ментальности: земледельческая и скотоводческая. Исходный покой земледельческой ментальности, обусловленный цикличностью явлений бытия и кочевой образ жизни, аккумулирован в целом ряде лингвистических единиц, в том числе и в имени собственном. В связи этим значимым представляется соотношение двух типов ментальности, выявляемых в ономастиконе на языковой основе.

В результате целью исследования становится рассмотрение ономастического пространства региона через призму как языкового, так и культурологического анализа, т.к. это дает возможность глубже по-

---

[1] Паустовский К. Золотая роза. – М.: Эксмо-Пресс, 2017. – с. 28.

нять языковую личность первопоселенцев, выявить лингвистические и этнокультурные особенности современной речевой коммуникации, корни которых уходят в период становления нашего региона.

Предметом нашего исследования стали различные ономастические единицы, в частности антропонимы, включающие личное имя, отчество, фамилию, и топонимы, в состав которых входят гидронимы и геонимы.

Принципиально важным является то, что этнолингвистический анализ ономастических единиц осуществлялся как на синхронном, так и на диахронном уровне, что дало возможность проследить изменения, которые произошли в ономастическом пространстве региона на протяжении двух столетий (1811 – 2020 гг.).

Материалом изучения послужили различные документы: ревизские сказки; посемейные и рекрутские списки 1789,1811, 1830, 1835, 1858гг., хранящиеся в Государственном архиве Ставропольского края (ГАСК); похозяйственные книги с 1940 по 2000 годы XX в., статистические данные переписи населения конца XIX в., официальные сведения ЗАГС Ставропольского края, данные анкетирования и опроса жителей исследуемой территории.

Представленный в монографии материал поможет учителям русского языка не только обогатить материал школьных уроков по русскому языку и литературе, но и составить программу элективных курсов или факультативов по ономастике и лингвокраеведению. В вузовском преподавании данное исследование может быть востребовано на спецкурсах и спецсеминарах по региональной ономастике и регионоведению.

ГЛАВА 1. ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

1.1. Теоретические основы исследования регионального ономастикона

Степень совершенства языка определяется мерой его способности точно соответствовать бесконечно сложному миру изображаемых и выражаемых им предметов, событий, признаков, понятий, представлений, а также субъективно оцениваемых модусов их проявлений. Совершенство языка заключается в способности всё возрастающего объективирования заключенного в нем содержания. Поступательный характер познавательного опыта человека соотносится с языковыми структурами. Лишь на первый взгляд эти структуры выглядят независимыми от мировоззрения субъекта. В действительности картина мира, о которой открыто заговорили в XX веке, несет в себе образ своего создателя, отражает особенность человеческого миропонимания. По характеру языковой картины мира судят о своеобразии менталитета нации; «картины мира, и тем более языковые картины мира, этнически специфичны» [1, с. 66].

Типология языковых картин мира вызывает у ученых значительный интерес и исследуется в трудах В.В. Иванова, С.М. Толстой, В.Н. Топорова, А. Вежбицкой, А.Ф. Журавлева, С.Е. Никитина, Е.В. Урысон и других авторов; языковая картина мира и ее отражение в зеркале разных языковых уровней – в работах Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, А.С. Герда, Д.Н. Шмелева, Б.А. Успенского, Е.С. Яковлевой и др.; языковая модель мира через призму аксиологии – у Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф и т.д. «Лингвокультурологическая интерпретация языковой картины мира с позиции языковой личности представляет определенный интерес (Ю.Н. Караулов, В.П. Нерознак, А.Г. Баранов, и др.), поскольку непосредственно анализирует проблему культурных концептов в аспекте общей концептуализации мира» [2, с. 31].

Область манифестации картины мира чрезвычайно широка, однако ярче всего система ценностей этноса представлена на лексиче-

ском уровне – в слове, хотя выявляется лишь при условии системного подхода к материалу.

Имя больше, чем другие языковые единицы, является точкой, в которой соприкасаются язык и национальная духовная культура: «именем и словами создан и держится мир. Имя носит на себе каждое живое существо, именем и словами живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и к победе глухие народные массы, имя победило мир» [3, с. 96]. Имя – это результат человеческой деятельности, факт культуры, который во многом определяется духовным опытом народа, историческими условиями формирования этноса, «ибо прошлое не проходит совсем, оно не проходящее, тень его не только на сем дне, но и на будущем, и есть возможность установить связь с этим прошлым, ввести его, хотя бы отчасти, в пространство жизни и понять его смысл» [4, с. 7].

В науке о языке до настоящего времени нет единой точки зрения о том, что считать именем собственным, чем имя собственное отличается от имени нарицательного, обладает ли оно значением, что понимается под этим значением и многое другое. Дискуссия о проблемах, касающихся значения имен собственных, продолжается и в наши дни.

Несмотря на стремительное развитие языкознания в целом, по мнению некоторых исследователей, «русская ономастика как самостоятельная лингвистическая дисциплина остается в основном в рамках традиционно-описательной лингвистики; видимо, этим и объясняется ее экстенсивное изучение: впечатляющее накопление эмпирического материала вне системного уяснения его места в языке и речи, без определения онтологической сущности ономастической подсистемы в ее антропоцентрическом осмыслении с точки зрения этно-, психо-, социо-, прагмалингвистики и других аспектов теории речевого общения» [5, с. 34].

Оним (имя собственное) тоже представляет собой «звуковой комплекс, который соотносится с называемым объектом (денотатом)» [7, с. 87]. Проблемным в этой смысловой организации является определение того понятия, которое вызывается в сознании в связи с денотатом, скорее, отсутствие этого понятия. Ни для одного, даже самого «устойчивого», самого частотного онима мы не в состоянии сформулировать такого понятия, которое хоть бы отдаленно напоминало тот устойчивый гносеологический комплекс, которым обладает апеллятив.

Самой трудноразрешимой проблемой оказалась проблема определения своеобразия значения имени собственного.

Весь спектр взглядов на эту проблему как философов, так и лингвистов сводится к трем основным позициям.

Первая позиция (ее придерживались исследователи Дж. Ст. Милл, А. Гардинер, А.А. Реформатский и др.) основывается на том, что онимы никаким образом не связаны с выражением постоянных понятий-сигнификатов. Так утверждалась возможность существования лишь концентрата ассоциаций, опосредованно связанных с денотатом и входящих в план содержания (т. е. предполагалась возможность существования со значения без значения). Например, значение имени Владимир в принципе должно сводиться только к бесконечному числу смысловых ассоциаций, которые концентрируются и суммируются в нашем сознании из разрозненных ассоциаций, вызываемых у нас каждым известным нам носителем имени Владимир.

Вторая позиция, разделяемая Г. Суитом, Л. Витгенштейном, А.В. Суперанской и многими другими, базируется на том, что оним может обрести полноправное значение, но только тогда, когда станет употребляться в речи, в специально подобранном речевом окружении и особой речевой ситуации. А.В. Суперанская пишет, что «ономастическая семантика – совершенно особый тип семантики… В семантику имени входят и субъективные, социально обусловленные факторы и эмоции, которые референт вызывает у говорящего» [12, с. 402]. Таким образом, логическая и понятийная связь с денотатом является необходимым условием для определения семантики онима, где немалую роль играют и созначения. И эта точка зрения имеет преимущественное распространение, так как определяет семантику онима в неразрывной связи с логикой появления и развития имен собственных в процессе онтогенеза: по мере познания окружающего мира человек называл отдельные его части, при этом либо классифицировал, либо индивидуализировал их, включая объекты в общую структуру мироздания.

Третья позиция, поддерживаемая Л.В. Щербой, Л.М. Щетининым и другими, пытается «примирить» и в определенном смысле аккумулировать первые две и утверждает существование значения имени собственного и в языке, и в речи. Однако значение это существенно отличается от семантики имени нарицательного. Так как по отношению

к имени нарицательному речь идет преимущественно о чем-то обобщенном, постоянном, общем в структурной организации объектов действительности (уровень языка). По отношению к имени собственному – о чем-то конкретном, единичном, уникальном отдельного предмета в совокупности его отличительных признаков (уровень речи).

В последние несколько десятилетий продолжает развиваться именно эта точка зрения на проблему значения имени собственного благодаря использованию методов компонентного анализа идиалектическому подходу к соотношению общего и частного, абстрактного и конкретного, социального и индивидуального в семантике онимов.

Кроме вышеуказанных позиций, существуют также и другие точки зрения по проблеме семантики имен собственных. Рассмотрим их с целью создания более глубокого и целостного представления о данной проблеме.

Значение имени собственного в лингвистике, как уже отмечалось, остается недостаточно изученным и даже противоречивым: «семантика собственных имен – область не только не исследованная, но и не определенная <...> Иногда семантику имен приравнивают к семантике тех нарицательных, от которых они образовались <...> Иногда семантику имен собственных переносят на те образы, которые складываются в нашем сознании как определенные денотаты имен, переходя всецело в экстралингвистическую сферу и уходя от самой сущности семантики. Наконец, есть мнение, что основное значение имен собственных в том, что это имена» [12, с. 113]. Некоторые исследователи считают, что имена собственные несут в себе своеобразные свойства: «повышенная знаковость, денотативность, отсутствие логического смысла, способность наполниться любым заданным содержанием» [12, с. 234].

М.В. Горбаневский считает, что значение имени собственного состоит из нескольких компонентов и выделяет четыре таковых:

а) бытийный, или интродуктивный – существование и предметность обозначаемого;

б) классифицирующий – принадлежность предмета к определённому классу (денотат имени);

в) индивидуализирующий – специальная предназначенность данного имени для наречения одного из предметов в рамках денотата(референт имени);

г) характеризующий – набор признаков референта, достаточных, чтобы собеседники понимали, о чём или о ком идёт речь [13, с. 302].

Одним из важнейших отличительных свойств имени собственного является его соотнесенность с изменяющимися во времени явлениями действительности. Любая онимическая единица вмещает в своем содержательном объеме позиции референта, т. е. конкретного объекта номинации, и денотата, т. е. предмета, типа. Полемичным остается вопрос о сигнификативном содержании единиц ономастической системы.

М.Э. Рут полагает, что, «если идти по обычной схеме: сигнификат – денотат – коннотат, – определяющей в общем структуру лексическогозначения, очевидно отсутствие ярко выраженного сигнификата. Логически сигнификат личного имени вполне конструируем (одушевленность, признак пола и т. д., однако актуальность его практически равна нулю», но «с другой стороны, денотат антропонима максимально нагружен – имя имеет смысл, если оно соотнесено с реальным человеком. Знать значение имени – значит знать названного этим именем человека», в то же время «нередки ситуации, когда и имя, и человек известны, но не соотнесены друг с другом – тогда отсутствие знания об этой соотнесенности обусловливает семантическую пустоту имени. С другой стороны, если носитель имени лично мне не знаком, но известен социум, в котором этот носитель имени находится, то семантика имени, не имея образного компонента, содержит, тем не менее, набор денотативных признаков, достаточный для функционирования имени как такового» [14, с. 242].

Итак, в семантике имени собственного выделяют три основных компонента: денотативный – соотносится с денотатом, т. е. предметом, типом, определяющим характер именования; сигнификативный – соотносится с сигнификатом, т. е. с темпонятием, которое опосредованно воплощается в имени собственном; прагматический – состоит из бесконечного числа субъективных созначений и ассоциаций, возникающих на основе объективной информации о денотате.

Подход к имени собственному как свернутому национально-культурному тексту позволяет «выявить культурные, социальные, политические, эстетические, профилактические, мемориальные, харизматические приоритеты», так как «ономастикон этноса выявляет аксиологическую шкалу, мифологизацию, героизацию, идеализацию, концептуальные установки … субъекта, в конечном счете духовный стиль эпохи» [5, с. 56].

Тенденцией последнего времени стало не только изучение региональных ономастиконов, но и выявление заложенных в них этнокультурных «данных», «этимологической памяти слов» (Т.И. Вендина). Объектом исследования лингвистов-историков становятся обозначения наиболее крупных культурных понятий, вовлеченных в национальную традицию. При всем единстве общерусской модели восприятия мира каждый регион имеет свои специфические символы и ценности, воплощенные в том числе и в ономастиконе.

«Ономастикон – это лексикографический свод проприальных имен разных разрядов как в широком смысле (страны, региона, области), так и в более узком – онимы отдельной деревни, сельсовета, церковного прихода…» [6, с. 441].

Сфера географических названий достаточно разнообразна, увлекательна, занимательна, любопытна. Эти названия имеют отношение к различным историческим периодам, языкам. Ежедневно мы неоднократно сталкиваемся с ними в газетах, интернете, на телевидении. Обращаясь к карте, атласу, мы не можем обойтись без географических имен собственных. В жизни каждого человека какое-либо событие тем или иным образом соотносится с географическими названиями и человек изредка задумываемся над их обозначением, этимологией.

Трудно представить себе существование современного общества без географических названий. С уверенностью можно сказать, что они являются визитной карточкой любой страны, города, населенного пункта, природного объекта. Вопросами этимологии топонимов, их модификацией занимается топонимика.

Известна классификация А.В. Суперанской, которая делит имена на «имена живых существ и «существ, воспринимаемых как живые» и «именования неодушевленных предметов», среди которых наиболее значительное место занимают топонимы [12, с. 72].

С точки зрения лингвистики, топонимы – это слова языка, имена собственные. Они представляют собой целый пласт языка и отражают историю его становления и развития. Географические названия – это элемент лексики, категория лингвистическая, поэтому подчиняются законам языка и должны изучаться языковедами [11, с. 88].

Топонимика входит в состав языкознания, представляя в каждом языке свой специальный раздел со своими принципами и интереса-

ми, и может быть признана, прежде всего, лингвистической, языковедческой наукой, – пишет А.И. Попов, в работе «Географические названия. Введение в топонимику» [9, с. 7–8].

Рассмотрим несколько трактовок понятия «топоним». Так, в «Современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремова дает следующее понимание термина: «Топоним – собственное наименование географического объекта (реки, поля и т.д.)» [13, с. 863].

В «Кратком понятийно-терминологическом справочнике по этимологии и исторической лексикологии» Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлева мы находим следующее определение: «Топоним греч.[/р] topos «место, местность» ὄνομα «имя» - собственное имя любого географического объекта, местное имя» [17, с. 457].

Таким образом, мы видим, что в различных словарях термин «топоним» имеет приблизительно одинаковое толкование. Однако при э том возникает необходимость разграничения терминов «топонимика» и «топонимия». Если топонимика «занимается исследованиями в области этимологии, эволюции, фонетики, орфоэпии географических наименований в целом» [12, с. 18], то топонимия – «наука, занимающаяся исследованием совокупности географических названий определенной территории» [Там же, с. 19].

Рассматривая топонимику в системе наук, видим, что она является интегральной научной дисциплиной. Прослеживается связь с рядом таких наук, как лингвистика, история, география. Они подвластны законам языка, являются компонентом лексики, некой лингвистической группой, следовательно, подлежат исследованию языковедами.

Как уже отмечалось ранее, топонимы берут начало в различных эпохах, являясь подтверждением исторических событий. У географических названий происходили метаморфозы как в плане выражения, так в и плане содержания. Определенные исторические события (война, миграция, межэтнические отношения) накладывали отпечаток на топонимию. С каждым событием в истории происходило пополнение географических названий. Таким образом, складывались индивидуальные асинхронные топонимические пласты. Географические названия встречаются также и в исторических документах, в которых они выступают объектом научного исследования, что доказывает прямое отношение топонимики к исторической науке.

Особое внимание топонимике уделяет география. Важнейшим элементом карты являются географические названия. Они обладают пространственной привязкой, мы узнаем по ним о ходе заселения, освоения территории, климатических условиях. С помощью топонимов мы можем узнать о характере ландшафта в прошлом. Знание топонимического материала дает географам предварительное представление о природных ландшафтах, знакомит их с характером хозяйственной деятельности населения, особенностями его этнической принадлежности.

Из вышесказанного следует, что топонимика является самостоятельной смежной наукой, которая развивается на стыке трех наук: лингвистики, истории и географии.

Интерес к топонимам, их этимологии, структурно-семантическим особенностям зарождался еще на начальных этапах становления культуры. Первые попытки описать, структурировать географические названия были замечены в древнеегипетских текстах. Тем не менее, аргументированность происхождения географических наименований той эпохи была разноплановой. Некоторые наименования привязывали не только к мифологии, а толкование давалось с опорой на знания греческого языка или латыни, но также давалось реальное описание объекта, его местоположение [15, с. 126].

Топонимика как научная дисциплина в большинстве своем благодарна своим отграничением в отдельный раздел вследствие практических научных запросов. Ученые XVIII – XIX вв. впервые накопили и применили наименования различных объектов в ходе их изучения, описания и картографирования.

С XVIII в. в отечественной науке появляется интерес к изучению географических имен собственных. В.Н. Татищев является одним из первых исследователей в области топонимики. Ученый предлагал рассматривать топонимию как фрагмент географии. По его мнению «… собственно география представляет описание коея-либо области или предела, в чем первое – имя, какого языка и что значит…» [16, с. 93].

С XIX века область применения топонимов расширяется, в частности, широко применяются в географии. Исследованиями в данной области занимались такие ученые, как А.Х. Востоков, М.А. Кастрен, Я.К. Грот. Обратимся к работе Н.И. Надеждиной «Опыт исторической географии русского мира» (1837), где автор актуализирует внимание

на картографическом методе в историко-географических исследованиях топонимического плана. А.К. Киркор является одним из первых белорусских исследователей, вложивших свою лепту в развитие топонимики. В своих трудах ученый говорит о том, что топонимы являются важным элементом для восстановления древних этнических границ.

Из вышесказанного следует, что в XVIII – XIX веках была накоплена основательная база топонимического материала, раскрыты единичные случаи закономерности в науке.

Неоценимый вклад в формирование и эволюцию современной топонимики внесли академики Л.С. Берг и В.П. Семенов-Тян-Шанский. Преимущественно в первой половине XX века в своих работах Л.С. Берг отмечал весомость сбора, систематизации, исследования и применения географических терминов и названий. Впервые ученым была выдвинута теория смыслового сдвига терминов.

Вторая половина XX века является следующим шагом на пути развития науки. Невероятных успехов в исследовании топонимов достигли многие лингвисты. В.А. Никонов определил ведущие законы топонимики, представил ее историчность, важность, сгруппировал и систематизировал топонимы. Свой вклад в развитие науки внесла А.В. Суперанская, разрабатывая концепцию имени собственного. О.Н. Трубачев, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, А.И. Попов, Ю.А. Карпенко в своих работах анализировали географические наименования с точки зрения теории.

Э.М. Мурзаева заслуженно можно считать отцом одного из современных направлений в науке – геотопонимика. Обобщив анализируемый материал, ученый пришел к выводу, что возникает необходимость применения народных географических терминов для получения данных географической направленности. Исследователь выдвинул суждение, что топонимы являются источником информации о географической обстановке, а также указывал на уникальную информативность народных топонимов. Все умозаключения, выводы, теории ученый изложил в огромном количестве трудов. Но по праву одним из главных считается «Словарь народных географических терминов». Е.М. Поспелов в своих работах отмечал различные приемы в топонимике, а именно математический, картографический [14, с. 26].

Исследованиями в области топонимики также занимались и зарубежные ученые в XX веке. Стали появляться школы, в которых

особое внимание уделялось изучению топонимов. Значительный вклад в изучение географических названий различных регионов Земли внесли А. Доза, А. Шерпилё (Франция); Г. Краэ, М. Фасмер (Германия), Э. Экуолл, А. Смит, А.. Рум, С. Мэттьюз (Великобритания); А. Профоуз, В. Шмилауэр (Чехия); В. Тащицкий, Й. Сташевский, С. Роспонд, К. Рымут (Польша); В. Георгиев (Болгария); Л. Киш (Венгрия), И. Иордан, Г. Драгу (Румыния); М. Ольсон (Швеция); Дж. Р. Стюарт, Н. Холмер (США), Дж. Армстронг (Канада), А. Кардозу (Бразилия) и многие другие ученые. Таким образом, топонимика укоренилась в системе наук.

Таким образом, ономастикон включает в себя все онимические единицы, которые находятся в системных отношениях друг с другом, занимая определенное место. Так, ядром ономастического пространства являются антропонимы: личное имя, фамилии, а периферию занимают топонимы.

В зоне наших интересов находится ономастикон сравнительно ограниченной территории Ставропольского края. Это позволяет более точно выявить системные связи между собственными именами различных классов, составляющих онимическое пространство региона, с учетом особенностей диалектной, словообразовательной и лексической систем, а также провести этнолингвистический анализ ономастического пространства, акцентируя при этом внимание на особенности национальной духовной культуры переселенцев.

В нашей монографии мы обращаемся к изучению русского ономастикона Ставропольского края как самобытного и неповторимого. В центре нашего внимания оказывается часть страны с исключительной совокупностью устойчивых экономико-географических особенностей. Проблемы заселения территории Ставропольского края затрагиваются в XIX в. в трудах таких авторов, как И.В. Бентковский, И.А. Бородин, П.Г. Бутков, П.П. Короленко, В.А. Потто. Многие из них содержат ценную информацию об особенностях национального и социального состава жителей региона. Широкую известность получила работа А. Твалчрелидзе «Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях»1897 года (Твалчрелидзе 1897), труды Г. Прозрителева (Прозрителев 1909, 1912, 1913), Бородина И.А. «Историко-статистическое описание с. Надежды в Ставро-

польской губернии (Ставрополь, 1885 г.). Издана «История сел и станиц Шпаковского района» (Шпаковское, 1997), исследования (Колесников 1995, 2000); (Колесников, Федосов 2001). Из работ, касающихся этногенетических и этнокультурологических проблем, назовем труды В.А. Авксентьева, А.В. Авксентьева (1998), Т.А. Невской, С.А. Чекменева (1994), «Очерки по истории Ставропольского края (1984), «Российская цивилизация на Северном Кавказе» (2001). В историко-литературном аспекте стоит отметить работу Штайн К.Э «Caucasica. Кавказоведение. Страницы прошлого. По материалам архива библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С. М. Кирова (1926-1937)» (2017). Историко-культурологический аспект рассмотрен к трудах Германа Р.Э. «Социальное и экономическое развитие Ставрополья в контексте геополитики России на Кавказе: конец XII – начало 60-х гг. XIX века (2017), Немашкалова П. Г. Образование Кавказской епархии и ее роль в жизни Северного Кавказа в 1840-е годы (2017). Однако отраженная в этих изданиях информация ономастического и этнолингвистического характера по данному региону фрагментарна и касается преимущественно предшествующих периодов истории Ставрополья.

Список литературы

1. Хроленко А.Т. Проблемы современного лингвокультуроведения //Этнос. Язык. Культура: национальное и индивидуальное мировидение: Материалы 3-ей Всерос. науч. конф. – Вып.3. – Славянск –на –Кубани, 2001.- С.3-11.
2. Буров А.А. Когниолингвистические вариации на тему современной русской языковой картины мира. Монография: Из-во ПГЛУ, Пятигорск, 2003 – 358с.
3. Лосев А.Ф. Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. – СПб.: Алтея, 1997.-614с.
4. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс, 1995.- 624с.
5. Ефанова Л.П. Ставропольская топонимия как отражение картины мира. // «Сельская Россия: прошлое и настоящее»: Доклады и сообщения 8-й рос. науч.-практ. конф. – М., 2001.-С.235-236.
6. Ефанова Л.П. Выявление компонентов этнокультурного со-

знания в ономастиконе Ставропольского края // Этнос. Язык. Культура: национальное и индивидуальное мировидение: Материалы 3-ей Всерос. науч. конф. – Вып.3. – Славянск –на –Кубани, 2001. – С.84-88.

7. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношении. – Ставрополь, 1897. – 750с.

8. Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской (1801-2001): к 200-летию со дня основания. – Ставрополь, «Юркит», 2001. –368 с.

9. Caucasica. Кавказоведение. Страницы прошлого. По материалам архива библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С. М. Кирова (1926-1937) : антология / сост. : К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. – Ростов н/Д.: Полиграф-Сервис, 2017. – 1148 с.

10. Герман Р.Э. Социальное и экономическое развитие Ставрополья в контексте геополитики России на Кавказе: конец XII – начало 60-х гг. XIX века : монография. – Ставрополь : Ставролит, 2017. – 204 с.

11. Немашкалов П. Г. Образование Кавказской епархии и ее роль в жизни Северного Кавказа в 1840-е годы: монография. – Ставрополь: СГПИ, 2017.- 186 с. 15 экз.

12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М: Наука, 1973. – 214 с. 28.

13. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе. М., 2008. 194 с.

14. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Астрель, 2006. – 1168 с.

15. Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. В 2 томах / О. Н. Топоров. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 243с.

16. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. – М., 1950. – 248 с.

17. Варбот Ж. Ж., Журавлев А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. – М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка, 1998. – 615 с.

1.2. Ставропольский край как регион вторичного заселения

Исследуемая северо-западная часть Ставрополья является регионом вторичного заселения, в результате которого возникла неповторимая этноязыковая культура.

Территорию Предкавказья издавна занимали кочующие ногайские племена и горские народы. «Если глубже заглянуть в историю Темного леса и горы Стрижамент, то выяснится, что до прихода казаков в этих местах кочевали ногайцы. В 1779 г. в вершине р. Егорлык располагались кочевья ногайцев касаевской орды» [1, с. 42].

Экономическое и политическое развитие Российской империи требовало выхода к Черному морю, укрепления торговых связей с Востоком. Кроме того, неспокойная обстановка на Северном Кавказе и Закавказье вызывала необходимость укрепления южных границ страны. Одним из испытанных способов укрепления пограничных районов страны была военно-казачья колонизация. 24 апреля 1777 г. вышел указ Екатерины II о создании Азово-Моздокской укрепленной линии, растянувшейся на 500 верст. Осуществление этого проекта Екатерина II поручила князю Потемкину, который представил императрице доклад: «… Сия линия имеет простираться от Моздока к Азовской губернии в следующих местах, где построят новые укрепленные селения, коим примерный план у сего представляется, а именно 1) на Куре 2) на Куре ж., 3) на Цалуге 4) на Куме, где командир вышеописанных укреплений квартиру свою иметь должен; 5) на Томузловке 6) на Бийбале 7) на Калаусе 8) на Ташле 9) на Егорлыке 10) в главном укреплении от Черного леса к Дону…

– Назначенным к переселению на ту линию Волжскому войску, а также Хоперскому казацкому полку перейти туда наступающей весной…

– Назначенные вновь линейные укрепления именовать как благоугодно будет. И чтоб все оные окончены были строением будущим летом, для чего хотя бы третью часть войск, отряженных на закрытие их, употребить в работу … [2, с. 518-519].

В очень сжатые сроки были построены десять крепостей: Екатериноградская, Павловская, Марьинская, Георгиевская, Андреевская, Александровская, Ставропольская, Северная, Московская и

Донская. Эти десять крепостей выполняли функцию первой оборонительной линии; казаки, живущие в этих укрепления, постоянно находились на военном положении. «Таким образом, рядом крепостей и образованных при них казачьих поселений положено было начать колонизацию обширных пустынных степей, протянувшихся от Терека до Черного моря, по которым до этого времени свободно разгуливали полчища ногайцев и кабардинцев, державших в осадном положении порубежное население» [3, с.467].

Казаки, заселившие крепости, охраняли южные рубежи России, отражали набеги горцев, имели правительственное довольствие, которое должно было обеспечивать их продуктами и снаряжением. Но обозы с продовольствием очень долго шли и часто не доходили до места назначения, в результате чего казаки стали выказывать недовольство. Это стало одной из причин, побудивших Екатерину II издать указ о переселении крестьян из центральной России. *«По плодоносию земель, составляющих обширную степь, простирающейся по линии Моздокской, и их удобности, не токмо для хлеборобия и скотоводства, но и произведения разных произрастаний, тамошнему климату свойственных, мы всемилостиливейше дозволяем раздать те земли желающим под поселение, перепоручая исполнение сего в единственное распоряжение нашего генерал-губернатора Новороссийского, Азовского, Астраханского и Саратовского князя Потемкина, с таковым наблюдением, дабы при переводе в тамошний край помещичьих крестьян поступать во всей точности, по Указу нашего данного Сенату 20 октября 1782 года»* [4].

К 1784 г. право переселения распространяется на однодворцев и «на всех без различия роду и звания желающих», в результате чего на данную территорию хлынул огромный поток переселенцев из Харьковской, Курской, Пензенской, Азовской, Воронежской, Рязанской, Тульской, Калужской, Симбирской, Ярославской, Нижегородской, Екатеринославской, Казанской, Орловской, Киевской, Саратовской, Владимирской, Черниговской, Вологодской, Московской, Новгородской, Могилевской, Костромской, Смоленской, Тверской губерний [5, с.8]. В таблице 1 отражается информация о местах, откуда прибыли переселенцы, и их количестве за 1804 год.

Таблица 1

1804 год	**число семей**	**Записанные**		**Рожденные**	
		муж.	**жен.**	**муж.**	**жен.**
Орловской губернии	181	511	433	207	182
Смоленской губернии	12	28	26	5	12
Воронежской губернии	293	877	105	327	264
Итого прибывших	486	1416	564	539	458
1805 год					
Орловской губернии	35	83	78	40	45
Смоленской губернии	230	521	468	40	21
Воронежской губернии	51	138	132	38	20
Курской губернии	61	190	159	15	43
Пензенской губернии	67	151	114	84	76
Калужской губернии	21	73	73	36	36
Итого прибывших	471	1156	1018	481	446

Высочайшим именным указом Правительственного Сената об открытии Кавказского наместничества от 9 мая 1784 года князю Потемкину было дано повеление об устройстве Кавказской губернии; губернию было велено образовать из 6-ти уездов: Екатериноградского, Кизлярского, Моздокского, Георгиевского, Александровского и Ставропольского. А вся система укреплений от Каспия до Тамани стала именоваться Кавказской линией [6., Оп.1.Д. 275].

В своем исследовании русского ономастикона мы обращаемся поселениям, возникшим на территории Ставропольского уезда: селение Михайловское, селение Пелагиада, селение Надежда, селение Марьевка (Старомарьевское), селение Дубовское, отселок Казинский, селение Татарка, деревни Тугулук и Кугульта и др. Данные поселения образовали вторую оборонительную линию, что радикально повлияло на жизнь переселенцев-земледельцев. «Из-за частых набегов горцев возникла необходимость создания такого населения, которое было подвижно и способно собраться, как и горцы, нужно было население, которое всегда было бы под ружьем и само себя бы охраняло» [5, с.14]. Таким образом, «в правительстве возникает мысль об образовании казачества на «линии» такого же, каким было Терское войско и войско Черноморское» [5, с.43]. Последовало распоряжение об обращении тридцати одного селения в казачьи

станицы, основную массу здесь составляли поселения, вошедшие в Ставропольский уезд. *«Покорнейше прошу повергнуть на высочайшее его императорское величества утверждение следующее:*

1. Для усиления Кавказского казачьего линейного войска обратить в казачье сословие 31 казенное селение разных округов Кавказской области…

3. Всем упомянутым 31 селению поступить в ведомство с 1 января предстоящего 1833 г.» [7, Оп 1, Д. 64].

В результате этого указа в состав Ставропольского линейного казачьего полка из Ставропольского уезда вошли селение Михайловское, селение Пелагиада, селение Надежда, селение Старомарьевка, селение Сенгилеевское (Богоявленское), Татарское, Темнолесское и др., которые получили статус военного поселения – станиц.

Жизнь в казачьих станицах была тяжелой для переселенцев вдвойне: помимо того, что им самим приходилось обрабатывать поля, выращивать скот, крестьянам пришлось учиться обращаться с оружием, нести сторожевую службу на пикетах, участвовать в походах и сражениях [8, с.52].

Земледельческий строй жизни оседлых крестьян-переселенцев тесно переплелся с походной жизнью казачьих станиц. В 1864 году закончилась война с горцами, в ходе которой пограничная линия передвинулась к югу. В верховья Кубани возникли новые казачьи укрепления, в результате чего Ставрополь потерял свое военное назначение, а оставшиеся в тылу станицы были обращены в гражданское состояние и включены в состав Ставропольской губернии. Казаки этих станиц, желающие остаться в действующих казачьих полках, обязаны были переселиться во вновь устроенные станицы Закубанского края [9, с.14]. Поскольку казаки не поехали, с 1 января 1870 года станицы Пелагиадская, Михайловская, Надежденская, Дубовская и др. вернулись в гражданское ведомство и стали селами, Темнолесская же и Новомарьевская свой статус станиц сохранили.

Формированию особенной ментальной культуры способствовало своеобразное расселение переселенцев на местах. Каждое поселение организованно таким образом, чтобы состав населения был разнородным. «Расселение на месте происходило довольно своеобразно. Селили всех понемножку и каждому селению давали поселенцев всех родов» [5, с.8]. «Ведомость о первоначальном поселении крестьян по

открытии Наместничества, составленная генерал-поручиком Потемкиным, правящим должность Саратовского и Кавказского генерал-губернатора Кавказского мушкетерского полка», дает нам следующие сведения о составе населения в первых поселениях (см. табл. 2):

Таблица 2

Откуда, когда и в какое селение поселены	**Число душ**		**Год основания и место**
	муж. пол	**жен. пол**	
Ставропольский округ			
Село Надежда *Курской губернии* однодворцев отставных солдат цыган	 1523 22 15	 999 4 15	В 1784 г. на р. Мамайке
Село Марьино *Воронежской губернии* однодворцев отставных солдат *Курской губернии* однодворцев *Костромской губернии* цыган	 872 4 8 28	 571	В 1790 г. на р. Чле
Село Михайловское *Курской губернии* однодворцев отставных солдат цыган *Тверской губернии* экономических крестьян	 1492 5 8 1	 1106 5 10	В 1784 г. на р. Ташле
Село Пелагиада *Курской губернии* однодворцев отставных солдат цыган малороссиян	 1635 3 18 12	 964 5 3	В 1783 г. на верховье Ташлы

Из данного документа следует, что основную массу переселенцев составляли однодворцы. «Под однодворцами разумеется класс людей, образовавшийся из служилых людей, детей боярских и, преимущественно, низших разрядов – казаков, стрельцов, драгун, солдат-копейщиков, пушкарей, воротников и засечных сторожей, селившихся в XVI – XVII вв. на восточной и на южной границах Московского государства, для защиты его от ногайских и крымских татар» [10, с. 550]. Отметим, «что само слово «однодворец» было известно еще до своего официального вхождения в обиход (1714 г.) и как раз означало служилого человека, поселенного на небольшом участке земли одним двором без пожалованных ему крестьян» [11, с.31] Однако из архивных документов следует, что однодворцы владели небольшим количеством крепостных крестьян, которые становились объектом торга. Например, «однодворец села Михайловского Михаил Сезенов продал однодворцу того же села, Василию Телепневу, собственного крестьянина Константина Леонова» [11, с. 32].

Однодворцы представляли наиболее культурную и развитую часть российского крестьянства, многие из них были грамотны и имели книги, в основном церковного содержания. «Однодворцы были грамотны, и в то отдаленное и глухое время в семьях их можно было встретить даже гражданскую книгу, составляющую редкость и среди городского населения России» [5, с. 9]. Как показал опыт, однодворцы оказались наиболее приспособленными к тяжелым условиям жизни в степях Предкавказья, во многом благодаря тому, что сочетали себе опыт и воина, и земледельца.

Значительный процент переселенцев-однодворцев объясняется мобильностью этой группы населения, но в большей степени к переселению их двигало растущее малоземелье в прежних местах проживания и тот факт, что «правовой статус однодворцев все ближе приближался к положению государственных крестьян» [11, с. 42]. На новом месте заселения за ними закреплялся земельный надел, но социальных привилегий они уже не имели, хотя отличия между однодворцами и различными категориями крестьян признавались центральными властями.

Основной поток однодворцев на Северный Кавказ следовал из Курской, Воронежской, Тульской, Рязанской областей, что объясняется локализованностью их прежнего проживания. По свиде-

тельству В.А. Колесникова, эта область была «весьма обширной: на юге ее границы захватывали бы северные и центральные районы нынешней Харьковской, Сумской и Луганской областей Украины, а на севере – южные районы Тульской и Рязанской областей России. Однако максимальное количество однодворцев все же оказалось на территории Курской и Воронежской областей» [11, с.35].

Следует отметить, что расселение крестьян-однодворцев на новом месте происходило рационально, таким образом, чтобы в каждом селении была вода, т.е. селение возникало там, где протекала река. Так, селение Дубово-Казинское образовалось на двух небольших реках: Тоненькой и Казинке; на р. Татарка – селение Татарское, Станица Темнолесская – на р. Темной, селение Сенгилеевское – на р. Сенгилее и др.

Селения, образованные однодворцами, расширялись за счет личных земельных наделов, которые превращались в хутора и становились самостоятельными населенными пунктами. Так возникли хутора Верхний Егорлык (в прошлом Николаевский), Гремучий, Садовый, Липовчанский, Калиновый, Темнореченский и др.

Таким образом, «однодворцы несомненно представляли из себя более развитых и культурных людей сравнительно со всеми остальными и в служилом отношении были более приспособленным элементом» [5, с. 8].

Помимо однодворцев, часть переселенцев составляли и другие категории государственных крестьян – экономические, дворцовые, занимавшие промежуточное положение между свободным населением и крепостными, а также отставные солдаты и беглые, арестанты, войсковые и казенные обыватели, цыгане [12, с. 12]. Государственные крестьяне, оставаясь лично свободными, экономически были полностью зависимы от государства за счет земельной ренты, которую они выплачивали.

Земли раздавались не только государственным крестьянам, но и дворянам. Заселение помещичьих земель проводилось двумя путями: во-первых, переселением крепостных крестьян из внутренних губерний, во-вторых, закрепощением беглых крестьян, обосновавшихся на этих землях. Так, на территории Ставропольского уезда деревня Тугулук принадлежала поручику Криворучкову с 1787 г., селение Кугульта числилось за купцом Волковым, деревня Емануиловка (Терновка) принадлежала сыну генерала Емануэля. «Помещичье землевладение

не приобрело на Северном Кавказе той силы, которую оно имело в центральной России, а, наоборот, было нерентабельным по сравнению с экономикой государственных крестьян и казачества» [13, с. 63].

Мы обращаем внимание на состав переселенцев в связи с тем, что специфика того или иного этноса складывается из своеобразия национальной культуры, которая находит свое отражение в языке, «поскольку сам язык – форма выражения особенностей миропонимания, мировосприятия, уклада жизни этноса» [14, с. 10].

Список литературы

1. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1. История края. – Екатеринодар, 1910.
2. Полное собрание законов Российской империи. (Собр.1) Т. 20, № 14607, СПб., 1830, с. 518-519
3. Памятная книга Ставропольской губернии. Ставрополь, 1893.
4. Полное собрание законов Российской империи. (Собр. 1-е) Т.21, № 15619, СПб. 1830, с. 784. Указ Екатерины II о раздаче земель по Азово-Моздокской линии переселенцам из центральной России.
5. Прозрителев Г. Первые русские поселения на Северном Кавказе и в нынешней Ставропольской губернии. – Ставрополь,1912.
6. ГАСК. Ф.54. Оп.1.Д. 275 Отношение Таврического гражданского губернатора об оказании содействия казакам-переселенцам 1821 г.
7. ГАСК. Ф. 444, Оп 1, Д. 64 Из отношения корпусного командира Розена военному министру об обращении в казачье сословие 31 казенного селения Кавказской области от 4 октября 1832 г.
8. Прозрителев Г. Сборник сведений о Северном Кавказе на 1913 год. – Ставрополь, 1913.
9. Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение Кавказской области// Ставропольские губернские ведомости. – 1883. – №37.
10. Энциклопедический словарь Гранат. Издание Русского Библиографического института. – СПб., 1909. Т.25. –551с
11. Колесников В.А. Казаки – однодворцы. – СПб. Нестор, 2000. – 319 с.
12. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. – Пятигорск, 1994.– 164с.
13. Очерки по истори Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт линг-

вокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород, 2002. – 288с.

14. Очерки по истории Ставропольского края. – Ставрополь, 1984, Т. 1.

15. Ефанова Л.П. Ставропольская топонимия как отражение картины мира. // «Сельская Россия: прошлое и настоящее»: Доклады и сообщения 8-й рос. науч.-практ. конф. – М., 2001. – С.235-236.

1.3. Лингвометодологические основания изучения топонимикона Ставропольского края

Существует множество различных аспектов, мнений и взглядов на изучение любого события или определенной реалии. Окончательное осмысление происходит после того, когда мы изучаем какое-либо явление или объект со всех сторон, используя при этом различные методы и приемы.

Географию отдельных территорий можно трактовать с разных точек зрения:

1) наименования относятся к реальным географическим объектам, например: балка, река, возвышенность;

2) времени и причины происхождения географических названий;

3) непосредственного отношения к языку;

4) смысла и этимологии;

5) морфологии, потому что наименование есть слово, а любое слово должно подобать определенным правилам и нормам конкретного языка;

6) научного обоснования отображения при передаче с языка на язык и правильного написания на родном языке;

7) области распространения, когда выясняются ареал названия, пути его миграции [1, с. 32].

Невозможно ответить на вышеизложенные вопросы, используя какой-то один метод. Используя методы не в совокупности, а индивидуально, толковать наименования можно под разным углом зрения. Занимаясь изучением в области топонимики, исследователи ставят перед собой одну из задач – комплексное исследование. Только таким образом можно достичь высоких результатов в науке.

Наименование географических объектов есть единица топонимии конкретной местности, следовательно, исследование будет верным, если учитывается особенность целой совокупности топонимов. Частное наименование, изолированное от совокупности, не является материалом научного анализа. Отсюда вытекает второе условие изучения географических наименований – изучение топонима в контексте всей топонимии.

Географический метод топонимического исследования возник на основе *народных географических терминов* – это слова, определяющие характер географического объекта, его род и вид (например, *балка, гора, лес, озеро)* . Народные термины являются нарицательными и сфера употребления их это называние определенного географического объекта. Существует тесная связь между народным термином и географическим объектом, выражающаяся в топонимике, и является неким накопителем большого количества понятий. Такая связь является универсальной закономерностью топонимики. Топонимия – это некий язык географии, при помощи которого местность, объект, понятие говорит о своем происхождении, эволюции, специфики. При помощи топонимов мы можем узнать о рельефе, почве, растительном и животном мире, нации, языке.

Между топонимикой и ***картографическим методом*** существует тесная связь. Данный метод используется для установления закономерностей размещения топонимических явлений, динамики их развития во времени, пространственных связей и зависимостей, как между отдельными топонимическими фактами, так и между ними и разного рода социальными и природными реалиями, отраженными на картах [2, с. 14].

Целостное толкование и обзор топонимов невозможен без применения ***исторического метода***. В получении подлинных результатов исследования необходимо принимать во внимание исторические события. Географические наименования, как правило, утилитарны по значению, так как выражают связь человека с природой, складывающуюся в течение продолжительных исторических промежутков.

Всякий исторический промежуток обладает определенным топонимическим набором, соответственно особое место в исследовании занимает *историко-хронологический анализ* топонимов. Но данный анализ не всегда имеет место быть: народные физико-гео-

графические термины и названия природных объектов редко поддаются точной датировке, в тоже время социально-экономические термины и названия в подавляющем большинстве имеют достаточно точную хронологическую привязку.

Изучая *исторические документы*, мы получаем информацию о заселении территорий, узнаем, какие природно-климатические изменения происходили на определенной местности. К историческим документам относятся русские летописи; актовые материалы (писцовые книги, акты имений, фольварков); законодательные документы (различного рода рескрипты, дарственные на право пользования землями); периодическая печать; традиционные мемуарные материалы; описания путешественников [2, с. 16].

Картографические источники многозначительны. Анализируя разновременные карты, ученые пытаются рассмотреть эволюцию овладения территории. Особенность исследуемого материала не дает точных сведений об историческом процессе в топонимике, в связи с этим эта информация воспринимается в виде характерного исторического памятника.

В науке используется ***лингвистический метод***, включающий в себя различные виды анализов географических наименований как слов языка.

Анализ, касающийся этимологии, является одним из древнейших и играет большую роль в топонимике, с помощью которого ученые воссоздают первоначальное значение конкретного наименования. При этом следует учитывать географию, культуру, историю, социально-политические отношения, касающиеся определенной территории.

Немаловажен ***словообразовательный (структурно-грамматический)*** метод исследования топонимов, основывающийся на анализе часто повторяющихся компонентов имени собственного. Такие компоненты называются ***формантами*** (от лат. *formans* – «тот, кто образует»). Как правило, это элементы, находящиеся в конце названия (суффиксы и окончания). Остальные словообразовательные компоненты также интересны в анализе топонимов. Но они имеют меньшую частоту употребления, поэтому не вызывают научного интереса у ученых. Большинство исследователей, придерживающихся такого метода, говорят о его надежности. Ведь часто повторяющиеся форманты в именах собственных выступают в качестве костяка,

что указывает на типологию, а также миграцию жителей, перемещающих географические имена собственные в другие регионы.

При анализе исследуемого материала ***статистическому методу*** отведено конкретное место. Благодаря этому методу ученые отмечают численное соотношение топонимов с другими группами названий, определяют количественные показатели и связь различных категорий имен собственных. Данный метод базируется на картографическом методе.

Причины, касающиеся географии и истории, часто нуждаются в конкретизации именно на территории. Чаще всего результат не бывает положительным, так как кроме историко-географического и языковедческого материала необходимы вспомогательные факты определенной местности. Таковыми являются *полевые изыскания, топонимические экспедиции*, ознакомление с объектами непосредственно на месте, являющиеся вспомогательным элементом смыслового понимания географических названий, терминов, а также возможность корректировки некоторых достигнутых результатов. Данного рода экспедиции позволяют собирать информацию о географических именах собственных, небольших объектах, так как по разного рода обстоятельствам они теряются, но привносят немалое значение в науку.

Географические имена появились в глубочайшей древности, их корни уходят в первобытное общество. Формируя их, человек исходил из надобности отличить один объект от иного.

Исследование топонимики в средней школе содержит ряд социально-педагогических функций:

– просветительная, которая предполагает всевозможные органы информации и научно-исследовательские учреждения получат информацию от населения с пожеланием поведать об этимологии именований населенных пунктов, находящихся на их территории;

– педагогическая, при реализации которой учителя подчеркивают необходимость и результативность применения топонимики в процессе обучения. Языковеды зачастую обращаются к ономастике на занятиях по истории языка, так как имена собственные – своеобразный пласт лексики, сохраняющий большое количество консервативных и архаичных признаков, характеризующих историю в языке и его эволюции;

– именование и переименование географических объектов, при которой одна группа жителей выступает за изменение неблагозвучных, издавна сформировавшихся названий, другая защищает абсолютное сбережение топонимов, как устного и исторического памятника;

– адресная функция очень значимая и должна функционировать непрерывно. Несмотря на это не всякий раз так выходит. Препятствует этому однотипность. Прежде всего обостряются проблемы при наличии часто повторяющихся объектов в пределах одной местности, а к тому же в пределах одного административного региона;

– правильное написание топонимов, объединение и процесс коммуникации, в которой в первую очередь акцентируется внимание на орфографии. Унифицируя топонимы, мы сталкивается с определенными трудностями, связанными с различными знаковыми системами: латиницы, кириллицы, арабицы, алфавитов Индии, Китая и др.

Топонимы являются существенным средством коммуникации. С освоением новых территорий, экономического подъема, культуры, международных связей их роль и смысл в жизни народов возрастет. Очевидно, что на унификацию географических объектов обращают внимание сотрудники средств массовой информации, автотранспорта, просвещения. Ими проводится огромная работа по составлению памяток, выходят новые издания нормативных словарей. Следует отметить, что географические объекты Ставропольского края получили названия по ландшафту, антропонимичному образованию, народной этимологии. Исследование характерных признаков топонимов привлекает внимание к изучению языкознания. Школьник имеет возможность собрать и исследовать именования географических объектов. Поставить перед обучающимися такого рода задачу есть цель учителя. Наиболее актуальной тенденцией в развитии современной ономастики является теоретическое осмысление языка как антропоцентрического феномена. Это обуславливается тем, что, по отношению к другим языковым единицам, человеческий фактор в имени собственном прослеживается наиболее ярко. Имя – важнейший элемент сознания народа, сугубо личностный слой культуры, показатель связь истории, традиций, ценностных ориентиров этноса, что находит отражение в работах В.А. Никонова, А.В. Суперанской, Ю.А. Карпенко, Э.М. Мурзаева, В.П. Нерознака, М.В. Горбаневского, А.К. Матвеева, Е.С. Отина, Е.М. Поспелова, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, Е.Л. Березович, М.В. Голомидова, М.Э. Рут и др.

Сфера географических названий достаточно разнообразна, увлекательна, занимательна, любопытна. Эти названия имеют отношение к различным историческим периодам, языкам. Ежедневно мы неоднократно сталкиваемся с ними в газетах, интернете, на телевидении. Обращаясь к карте, атласу, мы не можем обойтись без географических имен собственных. В жизни каждого человека какое-либо событие тем или иным образом соотносится с географическими названиями, и человек изредка задумываемся над их обозначением, этимологией.

Трудно представить себе существование современного общества без географических названий. С уверенностью можно сказать, что они являются визитной карточкой любой страны, города, населенного пункта, природного объекта. Вопросами этимологии топонимов, их модификацией занимается топонимика.

С точки зрения лингвистики, топонимы – это слова языка, имена собственные. Они представляют собой целый пласт языка и отражают историю его становления и развития. Географические названия – это элемент лексики, категория лингвистическая, поэтому подчиняются законам языка и должны изучаться языковедами [3, с. 88].

Занимаясь изучением основ топонимики в школе, мы наглядно показываем взаимоотношение теории и практики, взаимодействие смежных дисциплин, создаем условия для формирования базовых исследовательских способностей, что повышает познавательную активность обучающихся.

Познавательный интерес благоприятно воздействует на психические процессы обучающихся. Применяя на уроках методы сравнения, сопоставления, сбора и изучения топонимов происходит включение в образовательный процесс. Как отмечает Т.И. Шамова, «эффективность обучения находится в прямой зависимости от уровня активности ученика в познавательной деятельности, степени его самостоятельности в этом процессе. Активность школьников в учении обеспечивает развитие их творческих возможностей, новых познавательных потребностей, навыков познавательной деятельности» [3, с. 204].

Отношение обучающихся к процессу обучения характеризуется активностью. Активность устанавливает уровень «соприкосновения» обучаемого с предметом его работы. Неотъемлемой составляющей активности является стремление к выполнению учебных заданий, тяга к независимой работе; осмысленность выполнения за-

даний; регулярность обучения; желание к самосовершенствованию.

Управление активностью обучающихся традиционно называют активизацией. Активизацию можно определить как постоянно текущий процесс побуждения обучающихся к энергичному, целенаправленному учению, преодоление пассивной и стереотипной деятельности, спада и застоя в умственной работе. Главная цель активизации – формирование активности обучающихся, повышение качества учебно-воспитательного процесса.

В педагогической практике используются различные пути активизации познавательной деятельности, основные среди них – разнообразие форм, методов, средств обучения, выбор таких их сочетаний, которые в возникших ситуациях стимулируют активность и самостоятельность обучающихся.

Приобщение подростков к учебно-познавательной работе осуществляется при взаимодействии форм активизации, характерной чертой которых являются содержание образования, методы и формы обучения.

Осознавая потребность в изучаемом материале, у обучающихся формируется интерес к обучению. В связи с этим учителю необходимо акцентировать внимание на методике преподаваемого предмета, отводить больше времени нахождению активных форм и методов обучения, вносить в процесс обучения элемент занимательности, уникальности, что будет мотивировать обучающихся на познавательную работу.

Следует обратить внимание на мотивы, формирующиеся в процессе обучения. Один из наиболее эффективных и результативных заключается в заинтересованности к изучаемому предмету. Обучающиеся осмысливают и понимают его гораздо лучше и быстрее, чем иные мотивы. Вовсе не значит, что учителю нужно учить только тому, что ученикам интересно. Знание заключается в постоянной непрерывной работе. Следовательно, у учеников нужно формировать и развивать силу воли, стремление к решению проблемных вопросов. Несмотря на это необходимо найти упрощенные способы подачи материала, делая его интересным и увлекательным.

В процессе становления познавательного интереса учеников отметим несколько ступеней. Изначально познавательный интерес наблюдается в форме любопытства. Далее следует любознательность,

благодаря которой обучающиеся хотят углубиться, постараться выяснить, найти решение в затруднительных вопросах либо тем. Исходя из этого, ученики будут проявлять активность на уроке. Целевая установка учителя – поддержать учеников, нацелить их на развитие постоянного и непрерывного интереса к изучаемому предмету.

Так как познавательный интерес проявляется в желании детально освоить изучаемый предмет, постичь его суть, следовательно, динамика и формирование интереса отмечается в критериях развивающего обучения. Навык самостоятельности содействует переходу от любопытства и любознательности к более устойчивому пределу индивида – познавательному интересу.

Формирование интереса у учеников к изучению предмета, привлечение к инициативности осуществляется непосредственно на уроке. Следует задействовать интеллектуальные способности обучающихся и повышать познавательный интерес на абсолютно всех этапах уроках и на каждом уроке, применяя всевозможные методы, формы и виды работы, например: индивидуальный подход к ученикам и индивидуальную работу с обучающимися, использовать раздаточные материалы, содержащие дидактику, иллюстрации, схемы, а также информационно-коммуникативные технологии.

Занятия в игровой форме это наиболее излюбленная форма работы на уроке у учеников. Такая форма работы способствует более легкому усвоению материала, делая его занимательным, формирует у обучающихся положительное отношение к восприятию, создавая непринужденную обстановку на уроке.

На каждом уроке необходимо создавать своеобразные формы обучения, что поможет сформировать познавательный интерес, внимательность к изучению предмета, активизирует обучающихся, например: урок-путешествие, урок-игра. Создание нетрадиционной обстановки на уроке благоприятно сказывается на формировании познавательного интереса, повышает целеустремленность, способствует снятию усталости.

Взаимообучение также является неотъемлемой частью учебного процесса. В процессе учебно-познавательной деятельности ученики взаимодействуют между собой, обмениваясь знаниями.

Среди основополагающих принципов, подталкивающих учеников к активной деятельности, отмечают креативный, активно стимулиру-

ющий учебно-познавательную деятельность, который является основным требованием к процессу обучения. Активизация познавательной деятельности обучающихся предполагает исследовательскую работу, а также самостоятельный поиск материалов исследования.

Кроме этого, важным критерием является проблемное обучение, сущность которого заключается в преодолении практических и теоретических препятствий в сознании таких ситуаций в процессе учебной деятельности, которые приводят обучающихся к индивидуальной поисково-исследовательской деятельности.

Важным условием развития интереса предмету являются отношения между учащимися и учителем, которые складываются в процессе обучения. Воспитание познавательного интереса к предмету у школьников во многом зависят и от личности учителя, обладающего следующими личностными характеристиками:

– увлеченность предметом и любовь к работе, умение побуждать обучающихся к поиску различных решений познавательных задач;

– доброжелательное отношение к учащимся, создающее атмосферу полного доверия, участливости. Все это располагает к тому, что можно спокойно подумать, найти причину ошибки, порадоваться своему успеху и успеху товарища и т.д.;

– педагогический оптимизм – вера в ученика, в его познавательные силы, умение своевременно увидеть и поддержать слабые, едва заметные ростки познавательного интереса и тем самым побуждать желание узнавать, учиться.

Таким образом, активизация познавательного интереса – важное условие успешного овладения предметом в системе средств развивающего обучения и правильного стиля отношений между учителем и учащимися.

Перед разработкой методов активизации познавательной деятельности обучающихся необходимо обратить внимание на следующие положения:

1. Практический материал обязательно должен находиться в корреляции с возрастными особенностями обучающихся, уровню их интеллектуального развития, например, всегда интересны легенды, сказания, фантастические рассказы об известных вещах, людях, событиях. Элемент занимательности позволяет активизировать мыслительную деятельность ученика, подготовить его к изучению

нового материала, повторить ранее изученную тему или блок тем на уроке. Например, река Томузловка. Предание гласит, что после потопа на землю спустились ангелы добра и зла. Ангел зла хотел воссоздать свое царство, но ангел добра одержал победу. Так появилась река, именуемая Томузловка («тому назло»). Люди начали осваивать и заселять эти земли, а по краю Прикалаусских возвышенностей прошел злобный ангел. Здесь сохранились лишь оголенные камни, песок и сжатые под его тяжелыми ногами складки горных пород.

2. Выбирать материал для урока нужно с учетом эмоциональных переживаний, необычности приводимого факта.

Одним из приемов активизации деятельности является сопоставление научных и житейских толкований отдельных явлений, свойств. Для создания эмоциональных ситуаций в ходе уроков большое значение имеет художественность, яркость, эмоциональность речи учителя. Однако элементы занимательности на уроке, усиленные звуком, графикой, видеоинформацией, используемой в презентации, воздействуют на учащегося намного сильнее, чем только слово учителя, вызывая неподдельный интерес к изучаемой теме и желание узнать больше по данному вопросу, в дальнейшем формируя устойчивую мотивацию изучения данного предмета.

3. Разнообразие занимательных форм обучения на уроках (игры-упражнения, состязания, конкурсы, живое, образное описание событий, эпизода, рассказ-задача, игры-путешествия, шарады, загадки, курьёзы, шутки, конкурс на быстрое отыскание ошибок и т.д.) создаёт положительный эмоциональный фон деятельности, располагает к выполнению тех заданий, которые считаются трудными и даже непреодолимыми. Все формы обучения, перечисленные выше можно реализовать с помощью ИКТ, отразить в презентации. Занимательность и иллюстративность особым образом окрашивают материал, делают процесс овладения знаниями более привлекательным, дают пищу переживаниям. Рамки использования занимательности на уроке весьма подвижны.

Система работы учителя по активизации учебной деятельности школьников должна строиться с учетом планомерного постепенного и целенаправленного достижения желаемой цели – развития познавательных творческих способностей обучающихся. Умелое применение приемов и методов активного обучения обеспечит высокую активность обучающихся в учебном познании.

Успешным условием лингвокраеведческой работы является глубокое знание самим учителем своего края, владение методикой его изучения, систематическое использование местного языкового материала на уроках и постоянная перспективная внеклассная и внешкольная работа на глубокой научной основе. Учителю необходимо подходить к изучению региональных языковых фактов как исследователю и нести ответственность за научную добротность фактического материала, применяемую в учебном процессе.

Учителя русского языка и литературы преследуют цель познания местной географической терминологии во всем ее богатстве, точной дифференциации и многообразии, которая служит важным средством воспитания сознательного восприятия окружающей природы, познания своего края и воспитания любви к нему.

Материалы, используемые учениками и учителем, необходимо проверять по словарям и справочникам, так как на стабильности употребляемых форм и названий сказывается изменение правил орфографии, правил передачи иноязычных названий.

Топонимика находится в поле зрения школьного преподавания на междисциплинарном уровне. Она необходима при изучении краеведения в двух отношениях: в первую очередь, исследуя географические названия, мы узнаем об особенностях природ, хозяйства, исторического прошлого края, быта его населения; в процесс обращения к названиям возникают ассоциации, которые необходимы для более детального понимания событий и фактов настоящего, активизирует интерес к родным местам. Исходя из этого можно выделить в региональном образовании по русскому языку познавательный и педагогический аспекты.

Познавательный аспект разноплановый, поэтому учителю необходимо показать на ярких примерах, насколько интересна расшифровка тайн имени, увлечь учеников познанием местной топонимики, помочь найти отличия между житейским и научным познанием. Именно поэтому педагогический аспект тесно связан с познавательным аспектом.

Рациональное применение накопленного материала возможно на всех уроках. Изучая фонетику и лексику, словообразование и правописание, грамматику и речеведческие понятия, мы отбираем материал экстралингвистического характера. Это тесты на знание диалектизмов, предметов быта, фольклора той или иной местности, топонимии, бо-

гатства природы родного края, о его людях и делах, о подвигах, о произведениях искусства. Кроме того, учитель русского языка и литературы имеет возможность продемонстрировать и языковые особенности местных топонимов, не отходя от школьной программы [4, с. 52].

Топонимы на уроках русского языка можно рассмотреть с точки зрения:

– значения и происхождения;

– состава слова и словообразования;

– принадлежности топонима к части речи, возможности образования форм и сочетания с другими словами, образования от него других слов;

– правописания;

– произношения [6, с. 84].

Разумеется, не стоит перегружать урок информацией об этимологии, дабы не заслонять других не менее главных дидактических и воспитательных задач, все же говорить об этом нужно. Учитель доведет до сведения обучающихся в виде справки о значении и происхождении топонимов и личных имен, встретившихся в задании, либо постарается включить в упражнение географические названия, которые наиболее знакомы ученикам.

Рассказывая о смысле названия и его истории, необходимо отметить, что захватчики всех времен и народов, пытаясь насадить свой язык и обычаи, начинали с переименований населенных мест. К. Г. Паустовский в очерке «Мещерская сторона» отмечал: *«Я открыл для себя под Москвой неведомую и заповедную землю Мещеру. Открыл я ее случайно, рассматривая клочок карты. На этой карте было все, что привлекало меня с детства: глухие леса, озера, извилистые лесные реки и даже постоялые дворы… Ничего так не обогатило меня, как этот скромный и тихий край. Там впервые я понял, что образность и волшебность, по словам И.С. Тургенева, русского языка неуловимым образом связаны с природой и бормотаньем рудников, криком журавлиных стай, с угасающими закатами, отдаленной песней девушек в лугах и тянущим издалека дымком от костра»* [6, с. 226-257]. Выходит, что «образность и волшебство языка» К.Г. Паустовский узнал благодаря обычной географической карте с ее привычными, но не простыми названиями.

Программы и учебники по русскому языку 5-7 классов разработаны таким образом, чтобы ученики имели возможность микроисследования топонимического материала на уроках.

К примеру, задание к упражнению для 5 класса (раздел «Словообразование»). Объясните устно, почему так названы перина, земляника, шиповник. Расскажите об одном из этих слов по плану.

Секрет названия

1. Почему этот предмет так называется?
2. Какая часть слова помогает объяснить название предмета?

Для того чтобы показать, что не только окружающие нас предметы, но и топонимы строятся по тем же словообразовательным законам, можно немного скорректировать тему, например: «Секрет названия нашего села (реки, озера, улицы и т.п.)» или – точнее – «почему наша речка Мокрая Буйвола так называется?» План ответа останется прежним, только «предмет» заменим на «топоним», или «географическое название». Следует обратить особое внимание на ложную этимологию, свойственную, как правило, легендам, бытующим среди населения и называющим так называемое житейское познание. Можно рассказать обучающимся о методе научного познания, элементы которого представлены в приведенном упражнении. М.Н. Скаткин советует: «В преподавании всех предметов надо при удобных случаях проводить сравнение научных знаний и методов познания с житейскими, показывая на конкретных примерах преимущества методов научного познания» [5, с. 69].

Чтобы показать преимущества научного познания, необходимо сначала спросить учеников, как можно объяснить значение и происхождение топонима с житейской точки зрения (т.е. что они слышали от старшего поколения).

Далее предложить план ответа и выяснить его роль в объяснении слова, обратить внимание на точность формулировок, последовательность, научную терминологию и т.д. Это позволит сравнить научный метод познания с житейским и показать, что, по словам М.Н. Скаткина, житейское познание, как правило, обычно отражает внешние, несущественный, бросающиеся в глаза признаки вещей, процессов. Нужно донести до обучающихся мысль о том, что житейские наблюдения и обобщения хотя и играют большую роль в деятельности людей, но имеют существенные недостатки. Житей-

ские знания поверхностны – отражают внешнее, то, что бросается в глаза, не проникают в глубину, не раскрывают сущность явлений, процесса развития, его закономерностей и движущих сил. Житейские знания недостаточно достоверны, а часто ошибочны.

Для анализа на уроке мы возьмем топонимы с прозрачной и легко устанавливаемой по словарям этимологией, например: г. Светлоград; села Ореховка, Благодатное; речки Калаус, Кума, Мокрая и Сухая Буйвола, для чего понадобятся словари В.И Даля, М. Фасмера, толковый и топонимический школьные словари, «Краткий топонимический словарь» В.А. Никонова, «Словарь народных географических терминов» Э.М. Мурзаева и др.

Ряд упражнений, связанных с темой «Имена существительные собственные и нарицательные», также позволяет активизировать познавательную деятельность обучающихся, приблизить к жизни их знания и умения. Так, по карте, размещенной в учебнике, необходимо назвать (и записать) 10 существительных собственных, обозначающих самые крупные реки, озера нашей страны, крупные города. Целесообразнее включить в этот список и те названия, которые знают и употребляют ученики, живущие в данной местности, обратив внимание на их правописание, произношение, склонение. Рассматривая употребление имен существительных с предлогами *в – из, на – с*, покажем его на топонимических примерах, сообщив правило, что русское название склоняется в обыденной речи вместе с номенклатурным термином: *живу в селе Ореховка* или *живу в Ореховке*, вернулась *из села Ореховка* или в*ернулась из Ореховки*, но не *с Ореховки*.

Ученикам будет интересно заниматься небольшими топонимическими исследованиями; следует рассказать, что они знают об одном из тех, в чью честь названы город, село, улица, площадь, то есть выяснить историю появления топонима. Также можно обратить внимание на то, в какой форме употребляется топоним, образованный от антропонима: без изменения формы, целиком (*с. Гофицкое*), либо с суффиксом -ск- (*с. Константиновское*), или -ов- (*г. Ефремов*), в форме родительного падежа по модели: «имени + родительный падеж» (улица *имени Кауля*). Какая форма более употребительна в нашем городе, селе?

Безусловно, воспитывая культуру употребления того или иного топонима в устной речи, невозможно не затронуть и его правильного написания. В программах по русскому языку обязательно от-

водится определенное место и время для обучения деловой речи, в частности – написанию адреса. Именно на этом уроке можно дать элементарное представление об орфографии имен собственных, записать их на доске, правильно произнести в начальной форме и в контексте, учитывая правила склонения/несклонения онимов, номенклатурный термин, с которым сочетается географическое название, и его правильное сокращение при написании адреса (например, город – г., поселок – пос., село – с.).

Географические названия нередко состоят из двух и даже более слов. Ученики вспомнят местные топонимы (с. Сухая Буйвола, с. Донская Балка).

Но единые орфографические правила написания имен собственных до сих пор не выработаны. А.В. Суперанская предлагает ряд таких правил, основанных на закономерностях возникновения и употребления географических названий в русском языке, на самих законах русского языка, распространяющихся естественно, и на местную топонимию.

Задания, связанные с выявлением значения и происхождения, употребления в речи и написания географических названий, можно составить при изучении параграфов о несклоняемых существительных, о роде существительных, при рассмотрении способов словообразования существительных и прилагательных, среди которых обязательно должны быть местные, знакомые ученикам названия. Рассказать о том, что в языке есть особые, топонимические суффиксы (топоформанты) и суффиксы, обозначающие жителей того или иного поселения (А как называют жителей вашего города, вашего села? С помощью какого суффикса образовано слово?). Интерес обучающихся вызовет историческая справка о том, что несколько столетий назад жители знакомых городов назывались по-иному.

Возникает проблема произнесения топонима, особенно ударения в нем. Решить ее могут только местные жители: как говорят они, так нужно произносить название, ведь орфоэпические и акцентологические ошибки в речи населения при употреблении местных названий довольно редки.

Обратимся к тем упражнениям, специфика которых позволяет разобраться в особенностях словообразования топонимов, их морфемном составе.

При изучении суффиксов прилагательных предлагается записать прилагательные, образованные от существительных с помощью суффикса -ск-, и решить вопрос о написании мягкого знака перед этим суффиксом, указать способ словообразования, составить с получившимися словами предложения. Целесообразно включить в дидактический материал подобного упражнения местные топонимы и заодно сообщить, что прилагательные, образованные от имен собственных, пишутся либо с прописной буквы, образуя новое название, либо со строчной, например *улица Тульская – тульские пряники*. Суффикс -ск- является одним из продуктивных топонимических аффиксов, поэтому обучающиеся с легкостью вспомнят названия городов, поселков, улиц своей местности.

Умение разбирать слово по составу и делать словообразовательный разбор, тесно связано с правописными умениями. Поэтому, называя состав слова-топонима, обращаем внимание на его написание, не только на прописную букву. В учебном материале всех действующих учебников для 5-7 классов достаточно топонимов, но практически нет упражнений, где бы требовалось объяснить, какую букву и почему надо писать в названии, например: *Печора, Щёково.* Известен целый сбор трудных написаний топонимов, образованных сложением слов (основ): *Никольское-Вяземское, Староникитская*.

Известны также названия, образованные от сложных слов:

1) суффиксальным способом: *Новозагаличное* (от села *Галица*). В образовании участвовал не только суффикс *-н-*, но и приставка *за-*, обозначающая, что деревня находится за селом;

2) путем сложения основ с прибавлением суффикса: *Беломестное, Красногорье*.

Следует обращать внимание не только на местные названия, но и на каждый, встреченный на страницах учебника топоним, на его значение и происхождение, написание и употребление в речи.

Обращение к региональной топонимии на уроках русского языка, с опорой на имеющийся в учебнике дидактический материал, расширит, во-первых, рамки самого учебника, во-вторых, укрепит познавательные интересы школьников, познакомит их с научным и житейским познанием, активизирует их мыслительную деятельность, повысит культуру речи, приблизит преподавание русского языка к жизни, к тому месту, где они родились. «Человеку надо

знать свои корни. Тогда и воздух, которым он дышит, будет целебен и вкусен, и земля, на которой стоят его ноги, будет дороже, и все, что будет выходить из рук его, будет овеяно мастерством его предшественников, красотой, наполненной в веках. Давайте же будем помнить об этих корнях», – эти слова В.М. Пескова говорят о той воспитывающей силе, которой обладает наш предмет – русский язык и его важная составная часть – лингвокраеведение. Это тот материал, который предоставляет богатые возможности объяснить такие явления языка, которых не предусмотрено ФГОС, но с которыми ученики постоянно встречаются в окружающей действительности.

Теоретическая методика, существующие школьные и вузовские программы и учебники все еще слабо ориентируют учителей русского языка на использование в повседневной учебно-воспитательной работе регионального языкового материала. В результате преподавание русского языка в школе в определенной мере лишается объяснительной силы, так как учащиеся не получают разъяснений по поводу многих наблюдаемых ими языковых фактов и явлений; ослабляется учебно-воспитательное значение русского языка как учебного предмета; не все возможности используются для работы по развитию речи и мышления.

В школьном лингвокраеведении выделяются два плана:

1) выявление и сбор, обработка и анализ местного языкового материала;

2) непосредственное использование этого материала при изучении программных тем школьного курса русского языка, а также во внеклассной работе.

И в том и другом случае может иметь место как индивидуальная деятельность учителя и работающих под его руководством отдельных обучающихся, так и коллективная работа в рамках кружка, факультатива и других организационных форм.

Непременным условием успеха является непрерывность лингвокраеведческой работы в каждой школе. В ней должно принимать участие каждое поколение школьников, а кабинет русского языка должен располагать необходимыми собраниями лингвокраеведческого материала, обработанного и систематизированного.

Известно, что выяснение происхождения местных географических названий оказывается весьма сложной задачей. Тем не менее, к этому следует стремиться в процессе сбора и обработки топонимов.

В одних случаях их значение вскроется в результате непосредственного обследования на месте (например, переименование некоторых географических объектов по естественно-географическим признакам). Этот же метод незаменим, если анализировать топоним, построенный на иноязычном материале. В других случаях, когда название связано с историческими событиями, условиями жизни и быта местного населения в далеком прошлом, собственными именами людей, необходимо выяснить его происхождение по литературным или архивным источникам, а также путем опроса местных жителей-старожилов. Нельзя пренебрегать и легендарными сведениями, если даже заведомо известно, что они не соответствуют реальным фактам. Подобный топонимический фольклор представляет определенный интерес и должен быть зафиксирован топонимистами.

Работа с информантом строится в два этапа. На первом – ему предоставляется возможность выговориться по интересующей нас теме. Это необходимо для того, чтобы установить личность информанта, знание им местности, степень владения. На втором этапе беседы ведется опрос по программе, которая является основным средством получения топонимических сведений. Чтобы однотипные вопросы не подтолкнули старожила к простому перечислению названия объектов, которые он помнит, нужно восстановить в памяти рассказчика карты, схематические планы местности. Можно даже попросить информанта составить самому или вместе с собирателями карту-схему расположения всех названных им объектов (при включенном диктофоне). Это помогает выявлению отдельных названий, которые могут быть пропущены при перечислении объектов и их названий.

В работе с каждым информантом собирателю приходится быть хорошим психологом, учитывать массу побочных моментов. В первую очередь надо расположить к себе рассказчика, чтобы он усиленно припоминал все, что когда-то имело названия. Важно следить за степенью утомляемости информанта, так как, устав, он может сказать, что больше ничего не знает. Задача собирателя – всеми возможными средствами помочь информанту окунуться в мир географических названий прошлого, чтобы зафиксировать наибольшее их число.

Без активной помощи местного населения: краеведов, учителей, работников сельских администраций – в собирании и обработке топонимии своего края просто не обойтись.

Вот примерные вопросы, которые зададут информанту собиратели, и методические рекомендации для них.

1. Как называется ваш населенный пункт (село, деревня, поселок)? Укажите официальную и народную форму названия. Всегда ли так называлось ваше поселение? Если существовало несколько названий, то перечислите их и укажите последовательность, время и причины переименований.

Примечание для обучающегося: выясни историю каждого названия, приведи формы родительного падежа от названия селения, имя прилагательное, а также именования жителей мужского и женского пола.

2. Кем и когда поселение было основано? Откуда пришли жители в эту местность? Не имеет ли местное население каких-нибудь особых названий?

3. Укажите название площадей, улиц, других частей вашего поселения (старые и новые, официальные и народные). Чем вызваны эти наименования? Называют ли жителей по имени части поселения в собирательной форме (например, с. Гофицкое*:* жители *гофитчане*)?

4. Имеют ли названия отдельные дома, другие постройки?

5. Какие фамилии ваших односельчан считаются коренными, наиболее распространенными? Бытуют ли отфамильные и отыменные прозвища?

Примечание для обучающегося: запиши названия мест в окрестностях селения; выясни:

– название объектов, связанных с деятельностью человека (колодцев, кладбищ, могил, дорог, тропинок, ворот, выездов и т.д.);

– названия естественных и искусственных водоемов (рек и их частей, ручьев, протоков, ключей, родников, озер, прудов, болот, мостов, берегов, омутов и пр.);

– названия особенностей рельефа, то есть холмов, курганов, бугров, оврагов, балок, долин, низин, спусков, подъемов, обрывов;

– названия лесов, рощ, пастбищ, выгонов, полей и участков, отдельно деревьев.

6. Как называется ваш районный центр и соседние селения? Что вам известно об этих населенных пунктах?

Примечание для обучающегося:

– записывать следует все географические названия, включая и те, которые обозначают исчезнувшие объекты (высохшие болота и речки, вырубленные леса, остатки поселений и т.д.);

– желательно брать сведения от нескольких человек, местных по рождению, с указанием их фамилий, имен и отчеств, возраста, профессии, постоянного местожительства;

– при описании местонахождения поселения и других объектов указывайте расстояние до опорного пункта, ориентира, лучше в линейном направлении (например, по реке, дороге); пользуйтесь понятиями: север, юг, восток (от чего-нибудь), или: выше, ниже (по течению), или: на правом, на левом берегу (реки) и т.д.; а также: около, вблизи вдали (чего-либо), по направлению и т.п.;

– при записях нужно указывать номер вопроса, на который дается ответ;

– каждое географическое название должно быть записано в двоякой форме: а) орфографически, с указанием ударения; б) по произношению (в транскрипции) в контексте.

Четкую методику сбора и систематизации географических названий обучающимися разработал Е.М. Поспелов. Он утверждает, что собранный материал как минимум должен отвечать на следующие вопросы:

1) называемый объект (село, хутор, река, озеро, урочище т.п.);

2) его современное название;

3) имеет ли объект другие названия, имел ли их в прошлом;

4) с каких пор (насколько это можно выяснить) известно название;

5) есть ли вблизи другие такие названия (реки, села и т.п.);

6) как местное население объясняет название;

7) подтверждается ли это объяснение фактическими данными [7, с. 214].

Не стоит забывать о местных преданиях, легендах, фольклорных данных, связанных с местными географическими названиями, и по мере возможности записывать их, однако следует относиться к ним критически, осторожно, так как часто народная этимология уводит от правильного ответа на вопрос.

Е.М. Поспелов дает несколько образцов заполнения карточек для топонимической картотеки своей местности. Поэтому образцу мы составили карточку для фиксации топонимов:

Ставропольский край	Ставропольский край
Петровск. р-н, с. Гофицкое	Петровск. р-н, с.Шангала
[гΛф’и´цкъјэ]	[шънгΛла´]
происх.: «им. активн. участника Гражд. войны В.О. Гофицкого»	происх.: ——
легенда: ——	легенда: «от имени дочери хана Батыя Шангалык»
Записал: _____	Записал: _____
Информант: _____	Информант: _____

Если материал собран правильно, с учетом обязательных требований, изложенных выше, к его записи и оформлению, то он представляет значительную научную ценность. Он накапливается в школе для использования его в краеведческих целях учителями географии, истории, русского языка и литературы. Таким образом, успешно реализуется принцип заинтересованности в результатах своего труда, повышения интереса к предмету.

В XXI веке интенсификация и модернизация образования требует внедрения таких инновационных технологий, которые преследуют цель творческого воспитания личности в интеллектуальном и эмоциональном измерении. Такими инновационными технологиями являются: развивающее обучение, проектирование, проблемное обучение, уровневая дифференциация, тестовая система, игровое обучение, обучение в сотрудничестве, самовоспитание и автономия, интеграция, а также здоровьесберегающие, исследовательские, информационно-коммуникативные и личностно-ориентированные технологии.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования одной из значимых компетенций выделяется «проектирование содержания образовательных программ и современных педагогических технологий с учетом особенностей образовательного процесса, задач воспитания и развития личности через преподаваемые учебные предметы» [8, с. 5], что

может быть реализовано на основании метода проектов, который успешно решает не только учебные, но и воспитательные задачи.

Метод проектов даёт возможность обучающимся активно проявить себя в системе общественных отношений, способствует формированию у них новой социальной позиции, позволяет приобрести навыки планирования и организации своей деятельности, открыть и реализовать творческие способности, развить индивидуальность личности.

Данный метод можно рассматривать как «способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологию), которая должна завершиться вполне определённым…практическим результатом, оформленным тем или иным образом» [10, с. 66].

Русская топонимия Ставропольского края до сих пор не получила достаточно полного и всестороннего лингвистического освещения. Если антропонимический материал исследован достаточно широко как в диахронии на материале ревизских сказок, так и в синхронии [11, с. 17], то изучение, описание и систематизация топонимов Ставропольского края остается перспективным направлением. Топонимическая система определенной территории подвержена воздействию не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов. Географическое имя собственное связано с культурной жизнью человека и может рассматриваться как памятник истории, культуры, помогающий реконструировать языковую картину мира. На наш взгляд, принципиальная связь имени и имядателя должна стать предметом школьного курса русского языка. Однако «уровень знаний по ономастике не только обучаемых, но и обучающих свидетельствует об отрыве обучения от антропоцентрической парадигмы знания, об использовании чистых ассоциаций и народной этимологии, и это мало связано с уровнем образованности реципиентов» [12, с. 3].

Реализация регионального компонента в рамках антропоцентрического подхода возможна при включении в профильное обучение проекта «Топонимы Ставропольского края как памятники истории и языка народа», характер которого проецируется как на предмет изучения (выбор языкового материала), так и на направленность анализа: поиск закономерностей, превращающих ономастическое пространство региона в целостную систему. При этом возникает ряд ключевых понятий, которые раскрываются и становятся предметом исследования в рамках предлагаемого проекта: региональная топо-

нимика и регионимы как маркеры региональной культуры в рамках культуры общенациональной.

В нашем понимании регионимы выходят за рамки топонимикона, как это ранее утверждали Зеванин К., Неверова Т., Сахно О., они также включают антропонимы, поскольку этот ономастический пласт также обладает историко-культурной и этнической «памятью».

Пояснительная записка

Проект «Топонимы Ставропольского края как памятники истории и языка народа» отражает переориентацию современной школы на «культуросообразную» систему преподавания и направлен на усиление развивающей и воспитательной функций обучения, на приобщение обучающихся к ценностям национальной и мировой культуры, на усиление регионального аспекта современного образования.

Предлагаемый проект в системе профильной подготовки расширяет знания, способствует социализации личности, приобщению к ценностям национальной культуры, осознанию связи языка с жизнью общества, формированию чувства ответственности за свою фамилию, семейные ценности, понятия об Отечестве как единой для каждого человека Родины – через понятия национальный дух, национальный характер, язык народа, языковая картина мира, ментальность воспитывается национальное самосознание.

Комбинированный (предметно-ориентированный и межпредметный) проект по топонимике имеет целью реализации интереса учеников к предмету, расширение лингвистического кругозора и развитие языкового чутья. В нем выделяются следующие содержательные модули: лингвистический, включающий блоки по развитию лингвистической и культуроведческой компетенций, и практический, предполагающий индивидуальную проектно-исследовательскую деятельность обучающихся и работу в группах по сбору, накоплению, систематизации топонимического материала. Оптимальный объем проекта составляет от 4 до 6 часов.

Проект снабжен библиографией современных исследователей в области топонимики.

Тема 1. Введение. Имя собственное в языковой системе. Специфика и функции имени собственного. Соотношение топонимии и внеязыковой действительности. Социолингвистический, лингвокультурологический, этнолингвистический аспекты изучения имени собственного.

Имя нарицательное и имя собственное. Функция называния как основное назначение топонимов. Именование как процесс исторический, зависящий от ментальности и мировоззрения, а значит, и этнокультурного кода: «Имя – импульс культуры, поскольку оно вводит человека в знаковый космос, но оно же и результат ее, поскольку ее смыслы возрастают в пространстве культуры, ею держатся и ею же контролируются… Имя открыто человеку, который может трактовать его и как предельно обессмысленную «кличку» вещи, но и как высший предел смысла и инструмент смыслостроительства одновременно» [11, с. 147].

Понятийный аппарат: язык, языковая система, культура, этнос, ментальность, языковая картина мира, имя нарицательное, имя собственное (оним), антропоним, топоним, зооним, онимия, лингвокультурология, социолингвистика, этнолингвистика.

Тема 2. Методы сбора и классификации топонимического материала.

Описательный метод как ведущий метод в топонимике, представленный приемами наблюдения, интерпретации и обобщения; методы исторического и синхронного срезов (рассмотрение эволюции топонимических единиц во времени), статистический (количественный учет топонимических единиц для выявления тенденций в изменении и развитии), стратиграфический (выявление процессов в хронологической последовательности), исследование основ (выявление ономастического ряда на основании идентичности основ в данной группе имен собственных), этимологический, экспериментальный, реализованный приемами опроса информантов и анкетирования, помогающими уточнять мотивированность некоторых топонимов.

Понятийный аппарат: метод исследования, прием исследования, синхрония и диахрония.

Тема 3. Топонимы как памятники истории и языка народа.

Имя собственное как знак и символ культуры; кодирование в топониме информации о духовной культуре народа, формирующей основы общей картины мира; выражение через язык материально-духовной практики человека, его ценностных установок.

Два главных яруса топонимии: макротопонимы (названия крупных природных или созданных человеком объектов и политико-административных объединений) и микротопонимы (индивидуализированные названия малых географических объектов, особенностей

местного ландшафта. Виды топонимов: ойконимы, гидронимы, оронимы, хоронимы, урбанонимы, дромонимы, дримонимы и т.д.

Словообразование как способ оценки внеязыковой действительности. Основные линии и способы наименования в топонимике: группы топонимов, соотнесенные с человеком, качественно-характеризующие средства. Лексико-семантический переход слов в разряд собственных имен и трансонимизация как особенности образования зоонимов.

Понятийный аппарат: языковая картина мира, имена официальные и неофициальные.

Организация проектно-исследовательской деятельности имеет следующую структуру: *мотив, проблема, цель, задачи, методы и способы, план, действия, результаты, рефлексия*.

Топонимика дает прекрасный материал для формирования устойчивого интереса к филологии в целом, ассоциативно связывает все предметы гуманитарного цикла, обеспечивая межпредметные связи и региональную составляющую в частности.

Список литературы

1. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 2011. – 349 с.
2. Басик С.Н. Общая топонимика: Учебное пособие для студентов географического факультета. – Мн.: БГУ, 2006. – 200 с.
3. Шамова Т.И. Активизация учения школьников. – М.: Педагогика, 1982. – 204 с.
4. Скаткин М.Н. Проблемы современной дидактики. – М.: Педагогика, 1984. – 96 с.
5. Майорова Т.В. Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка. – Тула, 2007. – 285 с.
6. Паустовский К.Г. Мещерская сторона. – М.: Просвещение, 1969. – Т.6. – 647 с.
7. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М.: Астрель, 2002. – 512 с.
8. «Школа 2100» // Непрерывное образование: начальная, основная и старшая школа, 2001. – Вып.5. – 239с.
9. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Учеб. пособие для студентов вузов и системы повышения квалификации педагогических кадров. – М: Издательский Центр «Академия», 2001. – 286 с.

10. Луговой Д.Б. Русский ономастикон Ставропольского края (на материале антропо-, топо- и зоонимии еверо-западного региона): Дисс. … кандидата филологических наук. Ставрополь, 2013. – 254 с.

11. Ефанова Л.П. Духовная культура переселенцев сквозь призму микротопонимии // Ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония). – Ставрополь: Изд–во СГУ, 2008. – 292 с.

12. Луговая Е.А., Луговой Д.Б. Народная этимология в топонимии мест вторичного заселения // Academic science – problems and achievements V (1-2 декабря 2014 г.), North Charleston, USA. p. 140-142.

ГЛАВА 2. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО ОНОМАСТИКОНА

2.1. Функционирование системы личных имен в регионе: история и современность

В современном языкознании, разрабатывающем проблемы, связанные с формированием языковой картины мира и реконструкцией системы ценностей, существуют различные подходы к анализу ономастикона: лингвострановедческий, лингвокультурологический, этнолингвистический. При первых двух подходах на первый план выдвигается национально-культурная специфика имени собственного, которая сводится, по словам А.М. Кузнецова, только к ассоциативному фону – «самой эфемерной» и периферийной зоне семантического потенциала слова, – и ассоциации зачастую «отодвигаются в сферу неязыковой (энциклопедической) семантики».

Национально-культурное своеобразие имени собственного рассматривается при этом с внешних по отношению к самому имени позиций (определяются фоновые знания, энциклопедическая, экстралингвистическая, культурная, социальная, ментальная информация), что не позволяет выявить специфику репрезентации в имени духовной культуры народа, раскрывающуюся только при этнолингвистическом подходе. Изучение и анализ взаимоотношений этноса, культуры и языка нашли свое отражение в этнолингвистике. Человек и этнос находятся в центре внимания мифологии, фольклористики, истории, методы изучения которых также использует этнолингвистика.

Обращение к вопросам взаимосвязи языка и национальной культуры, выражения через язык материально-духовной практики человека, его ценностных установок в последние годы занимает в лингвистической науке одну из ведущих позиций. По замечанию Н.И. Толстого, «коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки. Язык может рассматриваться как орудие культуры, даже как одна из ее ипостасей (в особенности литературный язык, сакральный язык или язык фольклора) и, как таковой, может описываться через признаки, общие для всех явлений культуры» [19, с. 36].

В русской филологии взаимоотношения языка, культуры и этноса устанавливаются в работах А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, позже Д.К. Зеленина. Научный поиск этнолингвистики в отчественном языкознании представлен именами Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.Ф. Журавлева, А.С. Герда, А.В. Гуры, Е.Л. Березович и др. Ономастическая проблематика органично вплетается в канву многих из этих исследований, т.к. в имени собственном наиболее глубинно проявляется идиоэтническое своеобразие, обусловленное закономерностями семантического пространства онома.

Ономастикон – достаточно определенный и существенный признак конкретного этноса, поскольку в языке реализуются его национальные регистры, например, суффиксы оценки (увеличительно-, уменьшительно-ласкательного или уничижительного значения в личных именах *Иванище-Ванюша-Ванечка-Ванька*, в прозвищных основах фамилий *Гостище(в), Мокрище(в)*, в топонимах *Глиняще, Головище*, в зоонимах *Борька, Машка, Звездочка, Орлик*); деривационная модель фамилий (образования от календарных, прозвищных имен с формантами *-ов/-ев, -ин/-ын* – наиболее частотными формами в русском этноязыковом обществе) и др.

Русский антропонимикон региона исследован в недостаточной степени, т.к. оним и его трансформация отражают в первую очередь фрагмент языковой картины мира и ментальность народа, его заселяющего.

Казачья колонизация просторов Ногайской степи, отошедшей от России в 1774 году по мирному договору с Турцией, создала особые условия развития земледельческого населения юга России, контакта культур и языков, обычаев и запретов, в которые органично включались бытовая и языковая культура народов: ногайцев, туркмен, калмыков, кочевавших здесь.

Это обеспечило своеобразие обиходно-разговорной речи коренного пласта переселенцев, составляющих на сегодня основную часть населения русских сел, деревень, хуторов, сохранивших даже традиционное деление на сотни.

Конец XVIII – начало XIX вв. – период интенсивного развития русской антропонимической системы; в это время происходит складывание и закрепление трехчленной формулы официального именования человека, выделяются как самостоятельные классы отчества, фамилии.

Процесс имятворчества является одним из важнейших показателей развития культуры и общества. Исследование антропонимов дает возможность определения национальной специфики имен собственных (ИС), которая обусловлена этнопсихологией носителей языка. Изучение истории и условий функционирования СИ имеет большое значение не только для ономастики, но и для таких дисциплин, как этнография, история, философия, культурология, география.

В ономастическом пространстве русского языка антропонимам принадлежит центральное место, и личное имя относится к собственно ядру ономастического пространства, структурированного как поле; фамилии и отчества занимают околоядерное положение; прозвища принадлежат к периферии антропонимии.

Исследование истории личных собственных имен, отражающих состояние общества: структуру, уровень культуры, положение носителя имени в обществе, – имеет большое значение не только для ономастики, этно- и социолингвистики, но и для таких наук, как история, этнография, география, культурология. Анализ региональной антропонимической системы показывает, что она не входит в противоречие с общерусской системой официального именования человека, которая имеет свою формулу имени.

Постоянная формула именования была известна еще в античном Риме: praenomen (личное имя) + nomen (родовое имя) + cognomen (прозвище, позднее фамильное имя) + (иногда) agnomen (добавочное прозвище). Например: Publius Cornelius Scepio Africanus major [ЛЭС 1990, с. 36].

Проведенное нами исследование антропонимов региона показало, что региональная антропонимическая система развивалась по тем же законам именования человека, что и общерусская, с небольшими отклонениями во временных рамках. Последнее связано с отсутствием в регионе Предкавказья крепостного права и переселенческим образом жизни. Это обстоятельство повлияло на процесс документального оформления переселенцев, ускорив тем самым формирование неповторимой трехчленной модели именования (имя + отчество + фамилия), обязательной в настоящее время для всех жителей России. В современном русском языке структура имени представлена уникальной трехсловной формулой официального именования лица (имя + отчество + фамилия), обоснование которой относится к числу нерешенных проблем исторической антропонимики [8, с. 20-21].

Складывание русской антропонимической системы как социально языковой и юридической категории происходит в XVIII веке. Так, у русских в XVII – XVIII вв. в официальных записях отражались пять следующих компонентов: 1) личное имя, 2) указание на родственные отношения, 3) индивидуальное прозвище или фамилия, 4) место происхождения, 5) профессия или занятие. При записи женщин указывалось также имя или группа имен мужа или свекра [12, с. 113].

В.Д. Бондалетов замечает, что «победа церковного именослова и юридическая регламентация форм имени («полуименами никому не писаться») создавали впечатление, что с XVIII в. установился единый для всех сословий именник, который, будучи строго регламентированным церковью, практически не развивался. Но тем не менее «с окончательным вытеснением нецерковных имен к концу XVII в. … история личных имен в России не прекратилась, в ней продолжалась борьба, опосредованно отражая социальные процессы» [3, с. 114].

При анализе состава личных имен первопоселенцев выявилась тенденция, в принципе отвечающая нормам имянаречения, установившимся в России после принятия христианства, когда языческие имена и прозвания славян были оттеснены на второй план. Как и в других российских территориях, вытеснение языческих имен из общественной жизни завершается не их упразднением, а сменой функционального и семантического статуса: прозвищные имена уходят из центра ядра ономастического поля, впоследствии закрепляясь в составе фамилий.

Ревизские сказки – это основной документ, по которому мы можем проследить процесс становления модели именования в изучаемом регионе на диахронном уровне. В одной из первых ревизских сказок, датируемой 1811 годом («Ревизская сказка селения Пелагиада»), указывалось только мужское население, антропонимическая модель была двучленной и выглядела следующим образом: *Иван Васильев, Федор Нарышков, Архип Маслов, Никифор Титов, Илья Сабакин* [здесь и далее сохранена орфография источника] и др. В ревизской сказке после главы семьи перечислялись дети и другие родственники мужского пола (братья, племянники, внуки, дядья, деверя, незаконнорожденные сыновья и др.), что увеличивало значение двучленной модели именования. Женщины в ревизских сказках этого периода не назывались, т.к. не считались за душу населения: за ними не закреплялся надел земли. Наглядное представление о модели именования (имя +фамилия) начала XIX века дает расположенная ниже

таблица 3, составленная на баз «Ревизской сказки 1811года сентября 30 Кавказской губернии, Ставропольского округа, селения Пелагиады мужского пола казенного населения» [1, Оп.2. Д. 2069]

Таблица 3

№ п/п	Фамилия Имя	Лета		
		По последней ревизии состояли	**Из того числа выбыли**	**Ныне налицо с прибылыми и вновь рожденными**
1	Однодворцы Илья Маслов У него дети: Андрей Дмитрий Григорий У Андрея дети: Василий Захар У Дмитрия дети: Иван Илья Тимофей	 70 43 40 36 18 13 - - -	 умер в 1806	 55 52 48 30 25 9 6 новорожд.
2	Андрей Есин	53		65
3	Емельян Огородников	39		52
4	Григорий Филимонов У него сын Николай	29 5		41 17
5	Федор Нарышков У него дети: Селантий Тимофей Василий	32 10 5 новорожд.		44 22 17 13
6	Григорий Серопков У него брат Иван	20 16		32 28
7	Фирс Евдокин У него сын Дмитрий	41 18		53 30
8	Карп Чернышов	23	Отдан в рекруты	
9	Федор Акимов У него сын Арсений	20 новорожд.		32 12
10	Архип Маслов У него брат Матвей У Архипа сын Андрей	19 15 новорожд.		31 27 13

11	Трофим Тихонов У него сын Арсений племянник Александр Трофимовы братья: Захар Стефан Захаров сын Григорий Стефанов сын Петр Трофимов зять Герасим	43 22 22 40 32 19 15 23		55 34 34 52 44 32 27 35
12	Илья Сабакин У него брат Степан	20 16		32 28
13	Кондратий Маслов У него дети: Тимофей Иван У Тимофея дети: Петр Григорий пасынок Михаил	65 32 28 11 6 8	умер в1809	 44 40 23 18 20

Из документа видно, что расширение модели происходит за счет указания на родственные отношения (*сын, брат, племянник, родственник и др.*). Помимо этого, в некоторых документах («Ревизская сказка 1811год Кавказской губернии, Ставропольского округа, селения Михайловского мужского пола казенного населения» [2, Ф.459.Оп.2. Д.1764]) фиксируется социальное положение *(однодворцы, цыгане, малороссияне, крепостной крестьянин, дворцовый, ясачный, экономический, не помнящий родства, отставной солдат, гусар, офицер и др.),* модель дополняется за счет указания, откуда прибыли переселенцы (см. табл. 4)*:*

Таблица 4

№ п/п	Фамилия Имя	Лета		
		По последней ревизии состояли	**Из того числа выбыли**	**Ныне налицо и вновь рожденными**
	Отставные солдаты Кавказского корпуса Егор Наумов	 -		 24
	Андрей Захарин У него сын Михаил	-		28 6

	Петр Муров У него дети: Иван Григорий пасынок Илья	- - - -		45 21 17 12
	Государственные крестьяне *Белгородской губернии* *Демьяновского уезда* *села Лучек* Силантий Смирный У него дети: Андрей Павел	33 10 новорожд.		45 22 12
	Павел Водолажский У него брат Андрей	15 12		27 24
	Села Рождественского Тарас Толстиков У него дети: Иван Павел пасынок Терентий	26 3 новорожд. -		38 15 12 6
	Иван Плехов У него сын Василий	14		26 2
	Малороссы Иван Бутенко У него брат Михайло У Ивана дети: Марко Гаврила	44 36 12 8		56 48 24 20
	Павел Датченко У него дети: Андрий Петро Иван племянник Грицко	23 2 - - -		35 14 10 3 5
	Осип Полторацкий У него дети: Никола Иван	22 - -		34 10 5
	Единоличные крестьяне *Курской губернии* *Тищенского уезда* *села Покровского* Федор Зотов У него брат Степан Федоровы дети: Петр Савелий Зять Антон	30 23 9 2 21		42 35 21 14 29

	Федор Устинов У него дети: Терентий Денис Терентия сын Никита	43 20 9 -		55 32 21 новорожд.

«База данных» переписных документов исследуемого региона представлена в таблице 4, составленной на основе «Ревизской сказки Ставропольской губернии, Ставропольского уезда, селения Пелагиады 1858 года крестьян мужского и женского пола» [3, Оп.1. Д. 618]

Таблица 5

№	Фамилия имя	Лета				Лета		
	муж.	по последней ревизии состояли	из того числа убыли	ныне на лицо и вновь рождёнными	жен.	по последней ревизии состояли	из того числа убыли	ныне на лицо и вновь рождёнными
1	Игнатий Иванов сын Истомин У него сын Андрей Федор	31 9 -		54 32 18	Игнатия жена Аксинья Андреева жена Анна, дочь Настасья	25 5 -		48 27 14
2	Захар Федоров Маслов у него сын Семен	- -		22 новорожд.	Захарова жена Акулина	 -		19
3	Никифор Васильев Титов у него брат Иван его дети Герасим Михаил	12 7 - -		35 30 2 новорожд.	Никифора жена Авдотья дочь Ирина Анна Ивана жена Настасья	 8 2		 31 5 12 25

Документ [5, Опс, 1, Д.618] дает нам информацию о том, что к середине XIX в. складываются трех- и четырехчленная модели но-

минации, где после имени появляется сначала компонент именования по отцу, а затем – фамильный оним. Следует отметить включение лиц женского пола в ревизских сказки, при этом женщины по-прежнему не считались за душу населения и поэтому были бесфамильными: фиксировались по мужу или, (если были вдовами) по свекру.

Огромную роль в формировании русской личной антропонимики сыграло принятие христианства. С религиозными канонами на Руси появился и новый именник. Л.М. Щетинин замечает, «из этого вовсе не следует, что роль древнерусской антропонимики в образовании нашей системы имен свелась к пассивному принятию византийского подарка … Почти 8 веков шла напряженная борьба между старой мирской и церковной антропонимической традициями… Заморские гости вышли из долгой борьбы поредевшими и измененными» [4, с. 8]. Таким образом, в результате длительного отбора и трансформации сформировалась русская антропонимическая система.

Состав именника. При анализе состава именника переписных документов изучаемого региона первой и второй половины XIX века нами было установлено, что из 217 мужских и 65 женских основную массу составляют имена, имеющие греческую этимологию: мужские – 63% (137), женские – 67% (44). Среди имен, восходящих к иудейским корням, мужские составляют 16% (35), женские –10,7% (7). Латинские корни встречаются в 14,7% (32) мужских имен и 18,4% (12) женских. Славянские имена (*Борис, Владимир, Горазд, Глеб, Яна*) в именнике первой половины XIX века составляют незначительный процент: мужских – 2,7% (6), женских – 3% (2). Единичными являются мужские имена, имеющие грузинские 1,8% (4), персидские 0,9% (2), египетские корни 0,46% (1). Такая тенденция в основном отвечает общерусским нормам имянаречения (См: [4, с. 8]).

Следует отметить, что в середине XX века преобладание имен с греческой этимологией сохраняется, однако за счет увеличения онимов, восходящих к латинскому языку, уменьшается процент имен с иудейским корнями. Количество славянских имен немного возрастает благодаря появлению в именнике женских имен: *Светлана, Людмила, Янина*. Это связано с большей свободой в номинации новорожденных: процесс перестал регулироваться каноническими календарными законами [5, с.68].

К концу XX началу XXI века удельный вес имен греко-латино-иудейского происхождения остается определяющим. Увеличивает-

ся рост имен славянского происхождения. В именнике появляются такие онимы, как *Богдан, Владислав, Всеволод, Ростислав, Святослав, Станислав, Ярослав, Богдана, Лада, Снежана.*

Анализ именника первых ревизских сказок показал, что в результате исторической адаптации к произносительным нормам заимствованные имена кардинально видоизменялись, что делало их привычными для общего потока народной речи.

В именнике первых переписных документов изучаемого региона наблюдаются следующие фонетические изменения:

а) редукция безударных гласных, приводящая к «фонетическому» написанию: *Анисим, Динис, Казьма;*

б) стяжение двойных гласных*: Абрам, Варлам, Гаврила, Данила*;

в) упрощение двойных согласных*: Авакум, Архип, Елисей, Кирил, Касьян, Фадей, Филип.*

В формах крестильных имен имеют место:

1) диереза и- в абсолютном начале слова перед всеми гласными и сонорными (аферезис): *Иосиф → Осип, Иоаким →Аким, Иаков → Яков, Иеремия →Еремей, Иероф →Ерофей, Иулиан → Ульян, Иулиана → Уляна, Иустин →Устин, Иустиния →Устинья, Иродион →Родион;*

2) диереза неначальных гласных (-и-): *Димитрий → Дмитрий*; и согласных: *Сампсон →Самсон;*

3) эпентеза губно-зубных согласных (в, н): *Родивон, Увар, Андреян, Кондрат, Милентий;*

4) диссимиляция по месту и способу образования: *Памфил →Панфил, Меркурий →Меркул, Авив →Авил;*

5) ассимиляция по месту образования: *Сухий →Сусий*;

6) ассимиляция согласных по твердости*: Нестер →Нестор, Сисой →Сысой*;

7) метатеза*: Георгий →Егорий →Егор, Флор →Фрол;*

8) упрощение групп согласных: *Евстрат →Елистрат;*

9) синкопа: *Феоктист →Фетис, Филарет →Филат;*

Помимо фонетических изменений, можно отметить и морфологические:

1) усечение основы, начала или конца слова: *Антон ← Антоний, Артем ←Артема, Влас ←Власий, Денис ←Дионисий, Ефим ←Ефимий, Епифан ←Епифаний, Игнат ← Игнатий, Калина ←Калиник, Лактион ←Галактион, Харлампи ←Харлампий, Корней ←Корнелий, Кондрат ←Кондратий;*

2) Утрата конечного –а, на базе ассоциаций с онимами женского рода: Антипа →Антип, Артема →Артем, Иона →Ион, Исай →Исайа, Зосима →Зосим, Мина →Минай. Обратный процесс произошел в имени Калиник → Калина.

Кроме имен, подвергшихся частичному или полному фонетическому изменению, в именнике ревизских сказок есть имена, которые являются кальками с греческого*: Пистис - Вера, Надежда - Элпис, Любовь – Агапия;* непереведенным осталось имя *Софья.*

Проведенный анализ именника первой половины XIX века позволяет сделать вывод о том, что изменения, происходящие в нем, носят комплексный характер, т.к. и фонетические, и морфологические изменения могут наблюдаться в одном и том же слове*: Потамий→ Потап, Евфросиния→ Ефросинья.* Например, в исконной форме *Киприан 'кипрский'* произошли комплексные изменения: диссимиляция гласного *и* по ряду (1), эпентеза интервокального *j (Куприян).* В ониме *Меркурий* имело место усечение финали (1) и диссимиляция по способу образования (*Меркул) и* т.д.

Мужской именник исследуемого региона за 1811год.

На территории изучаемого региона переписные документы первой половины XIX века представлены ревизским сказками 1811года, 1835, 1858 Состав населения не был постоянным, т.к. в течение первой половины XIX века шло интенсивное заселение данной территории переселенцами из различных губерний России. Частотность личных имен служит важным показателем, позволяющим определить динамику общерусского (здесь регионального) именника. Сведения о частотности русских мужских и женских личных имен трех групп (массового, широкого, ограниченного распространения) были получены в основном в 1960 –1970 гг. XXв. [5, с. 73-93].

В результате анализа именника, представленного в ревизских сказках 1811 года, мы пришли к выводу, что десять наиболее употребительных имен выглядят следующим образом (в порядке убывания частотности): *Иван, Семен, Федор, Михаил, Василий, Петр, Никита, Андрей, Алексей, Николай.* Собранные нами данные во многом повторяют общерусские закономерности. Так, к наиболее распространенным в XIX в. мужским русским именам относятся: *Иван, Василий, Михаил, Петр, Степан, Павел, Яков* [5, с. 79].

Среди уникальных и встречающихся в 1811году не более двух раз в изучаемом регионе зафиксированы следующие имена*: Ага-*

фон, Антип, Антроп, Астафий, Богдан, Васс, Владимир, Вукол, Влас, Демид, Епифан, Ермил, Зенон, Зиновий, Ипат, Клим, Корней, Конон, Мартын, Мелентий, Меркул, Мамонт, Митрофан, Моисей, Никон, Осип, Панфил, Пимен, Поликарп, Потап, Прокл, Свирид, Севастьян, Селиван, Симон, Ферапонт, Фирс.

Именник 1811года, отраженный в ревизских сказках, не дает четкого представление об орфографических нормах имен, т.к. написание имен зависело от произношения имяносителя и от уровня грамотности писца и. В связи с этим имеются варианты написания одного и того же имени*: Абрам/Аврам, Андрон/Андроник/Дрон, Варлам/Варлаам, Вакула/Викула/Вокул, Данило/Данила, Денис/ Динис, Ермей/Еремей и др.*

Мужской и женский именник исследуемого региона за 1835 года

Первую десятку в 1835 г. в изучаемых селениях среди мужских составляют имена *Иван, Василий, Федор, Николай, Григорий, Андрей, Семен, Петр, Михаил, Дмитрий.* Эти имена приходились на 734 человека, т.е. 43,7% от числа всех имяносителей. Первую десятку женских входят имена *Марья, Евдокия, Прасковья, Анна, Пелагея, Агафья, Аксинья, Татьяна, Дарья, Наталья*. Эти имена приходятся на 890 имяносителей, что составляет 52,5% всех женщин.

Среди уникальных и встречающихся в 1835 году не более двух раз в изучаемых селах зарегистрированы следующие имена: *Авила, Авакум, Андрон, Ананий, Анисим, Артамон, Астафий, Варфоломей, Вукол, Давид, Дементий, Демид, Демьян, Дрон, Евангел, Евсей, Елизар, Ерофей, Зенон, Зотик, Иуда, Иаков, Иларион, Иов, Ион, Исай, Касьян, Кирьян, Климент, Корнил, Лавр, Лазарь, Лактион, Лев, Леоний, Логвин, Мартын, Мелентий, Меркул, Минай, Михей, Митрофан, Моисей, Мокий, Наум, Нефед, Онисим, Осип, Пантелеймон, Парфен, Пимен, Платон, Прокл, Сава, Савелий, Севастьян, Селиван, Сидор, Симеон, Софрон, Тарас, Тит, Трифон, Ульян, Устин, Фадей, Федот, Фрол, Ферапонт, Фока, Христофор, Харламп; Алена, Евгения, Любовь, Нимфедора, Улита, Яна.*

Формирование системы личных имен в регионе во второй половине XIX в.

Проанализировав ревизские сказки исследуемого региона за 1858 г. мы пришли к выводу, что первую десятку среди мужских составляют имена: *Иван, Василий, Федор, Семен, Михаил, Андрей,*

Петр, Григорий, Алексей, Степан. Эти имена приходятся на 1501 человека, что составляет 42% имяносителей (ср. с 1811г. – 40% 864 человека). Первыми в десятке популярных женских имен были *Марья, Анна, Авдотья, Евдокия, Матрена, Аксинья, Агафья (Татьяна), Прасковья, Ирина (Пелагея), Акулина.* Эти имен принадлежат 1630 человек, что составляет 58% всех женщин.

Среди уникальных (единичных) и употребляющихся не более двух раз в 1858 году в селениях Пелагиада и Михайловское зарегистрированы следующие: *Абрам, Авдей, Аксен, Амос, Антроп, Артамон, Астафий, Вавила, Варлам, Гурий, Евангел, Евстратий, Евстафий, Иов, Ириний, Калина, Кирьян, Лавр, Лев, Леонид, Липат, Лукьян, Митрофан, Никандор, Никодим, Никон, Пимен, Прокл, Родион, Серафим, Симон, Тит, Трифон, Федот, Фирс, Юрий; Алена, Аполинария, Вера, Гликерия, Евгения, Нина, Нимфедора, Алимпиада, Пульхерия, Фиона.*

Динамика именника исследуемого региона на протяжении XIX века представлена о таблице 6.

Таблица 6

Десять продуктивных мужских имен северо-западной части Ставрополья первой половины XIX в.

1811г.	*1835*	*Всего*
Иван (226)	Иван (154)	Иван (380)
Федор (94)	Василий (145)	Василий (233)
Василий (88)	Федор (80)	Федор (174)
Семен (84)	Николай (68)	Семен (142)
Михаил (79)	Григорий (61)	Андрей (136)
Андрей (77)	Андрей (59)	Михаил (129)
Петр (74)	Семен (57)	Петр (125)
Григорий (49)	Петр (51)	Григорий (110)
Никита (47)	Михаил (51)	Гаврила (83)
Степан (45)	Дмитрий (44)	Дмитрий (77)

Таким образом, общая картина по изучаемому региону первой половины XIX в. с некоторыми изменениями совпадает с 1811г. и 1835г. Так, первая тройка имен *Иван, Василий, Федор* сохраняет

первенство в начале и в середине века, только *Федор и Василий* поменялись местами с начала века к концу. СИ *Семен, Андрей, Михаил, Петр, Григорий* занимают первую десятку во всех периодах, изменяется лишь количественный состав имяносителей. Девятое место в совокупности получил оним *Гаврила*, хотя в 1811 г. занимает 12 место, а в 1835 – 11, десятая строчка принадлежит имени *Дмитрий*, хотя в 1811 году это имя занимало 15 место. Женский именник представлен только в документах в 1835 года, поэтому возможности выявить динамику от начала века к первой трети у нас нет.

Перечень уникальных имен в начале и в первой трети XIX в. разный, что связано и с временным и локальными параметрами, причем к первой трети это список увеличивается:

1811год: Агафон, Антип, Антроп, Астафий, Богдан, Васс, Владимир, Вукол, Влас, Демид, Епифан, Ермил, Зенон, Зиновий, Ипат, Клим, Корней, Конон, Мартын, Мелентий, Меркул, Мамонт, Митрофан, Моисей, Никон, Осип, Панфил, Пимен, Поликарп, Потап, Прокл, Свирид, Севастьян, Селиван, Симон, Ферапонт, Фирс.

1835 год: Авила, Авакум, Андрон, Ананий, Анисим, Артамон, Астафий, Варфоломей, Вукол, Давид, Дементий, Демид, Демьян, Дрон, Евангел, Евсей, Елизар, Ерофей, Зенон, Зотик, Иуда, Иаков, Иларион, Иов, Ион, Исай, Касьян, Кирьян, Климент, Корнил, Лавр, Лазарь, Лактион, Лев, Леоний, Логвин, Мартын, Мелентий, Меркул, Минай, Михей, Митрофан, Моисей, Мокий, Наум, Нефед, Онисим, Осип, Пантелеймон, Парфен, Пимен, Платон, Прокл, Сава, Савелий, Севастьян, Селиван, Сидор, Симеон, Софрон, Тарас, Тит, Трифон, Ульян, Устин, Фадей, Федот, Фрол, Ферапонт, Фока, Христофор, Харламп; Алена, Евгения, Любовь, Нимфедора, Улита, Яна.

Представление о динамике мужских имен в селениях Пелагиаде и Михайловском 1811 и 1858 гг. дает таблица 7.

В результате мы видим, что первенство с большим количественным перевесом принадлежит имени *Иван* в обоих периодах. СИ *Василий и Федор* поменялись местами, *Семен, Михаил, Андрей, Петр, Григорий* сохранили свои позиции. Из первой десятки в 1858 г исчезает имя *Никита,* заменяясь *Алексеем, Никита* смещается на 12 место, СИ *Степан* также сохранило свои позиции.

Таблица 7

Динамика мужского именника селений Пелагиады и Михайловского с 1811 г. По 1858 г.

Первая десятка 1811года	*Первая десятка 1858года*
Иван (226)	Иван (362)
Федор (94)	Василий (176)
Василий (88)	Федор (170)
Семен (84)	Семен (153)
Михаил (79)	Михаил (125)
Андрей (77)	Андрей (123)
Петр (74)	Петр (106)
Григорий (49)	Григорий (98)
Никита (47)	Алексей (96)
Степан (45)	Степан (92)

По сравнению с 1811 г., в 1858 в списке уникальных имен произошли изменения: а) появились такие имена, как *Абрам, Авдей, Аксен, Гурий, Ириний, Калина, Никодим, Юрий*, б) исчезли из именника *Агафон, Антип, Вукол, Демид*; в) стали более частотными *Антроп, Богдан, Владимир, Зенон, Зиновий,Ипат, Клим, Конон, Мартын, Мелентий, Меркул, Мамонт, Осип, Поликарп, Потап,Свирид, Севастьян, Ферапонт и др.*

Как и в документах 1811г., в ревизских сказках 1858 г. нет единой формы написания имен*: Алексей/Алексий, Андрей/Андрий, Вакул/ Вокула, Варлаама/ Варлам, Вас/Васс, Гаврил/Гаврила, Данил/ Данила, Денис/Динисий, Димитрий/Дмитрий, Кузьма/Козьма Онисим/Анисим, Родион/Родивон, Савва/Сава, Филипп/Филип, Михаил/ Михайло, Анастасия/Настасья, Аграфена/Агрипина, Олимпиада/ Алимпиада и др.*

Сравнивая динамику мужского и женского именника первой и второй половины XIX в., мы его выделили сходства и различия (см. табл. 8)

Таблица 8

Динамика мужского именника северо-западной части Ставрополья в первой и во второй половине XIX в.

Первая половина XIX в.	*Вторая половина XIXв.*
Иван (9,9%)	Иван (10,2%)
Василий (6,1%)	Василий (4,9%)
Федор (4,5%)	Федор (4,8%)
Семен (3,7%)	Семен (4,3%)
Андрей (3,5%)	Михаил (3,58%)
Михаил (3,3%)	Андрей (3,56%)
Петр (3,2%)	Петр (2,9%)
Григорий (2,8%)	Григорий (2,77%)
Гаврила (2,3%)	Алексей (2,71%)
Дмитрий (2%)	Степан (2,6%)

Таким образом, первые четыре имени *Иван, Василий, Федор, Семен* сохранили свои позиции и в первой половине XIX и во второй, поменялись местами СИ *Андрей и Михаил*, онимы *Петр и Григорий* находится соответственно на седьмой и восьмой позиции и в первой половине и во второй, а вот девятая и десятая позиции кардинально отличаются: СИ *Гаврила, Дмитрий* отсутствуют в первой десятке во второй половине века, а *Алексей, Степан* – в первой.

В женском именнике северо-западной части Ставрополья наблюдается следующая картина (см. табл.9)

Таблица 9

Женский именник первой и второй половины XIX века

Первая половина XIX в.	*Вторая половина XIX в.*
Мария (ья) (8,5%)	Мария (ья) (7,7%)
Евдокия (7,3%)	Анна (7,1%)
Прасковья (6,2%)	Авдотья (6%)
Анна (6%)	Евдокия (5%)
Пелагея (5,1%)	Матрена (4,7%)
Агафья (4,1%)	Аксинья (4,6%)
Аксинья (3,9%)	Татьяна (4,1%)
Татьяна (3,8%)	Прасковья (4%)
Акулина (Дарья) (3,5%)	Пелагея (3,6%)
Наталья (3,4%)	Акулина (Ирина) (3,5%)

В отличие от мужского именника, динамика женского в первой и во второй половине века отличается. Первенство и в том, и в другом периоде сохраняется за именем *Мария,* СИ *Евдокия* с первого опускается на четвертое, и, наоборот, СИ *Анна* с четвертого поднимается на второе, *Прасковья, Пелагея, Татьяна, Акулина, Аксинья* наблюдаются в первой десятке в обоих периодах, изменяется лишь их расстановка, из первой десятки в первой половине века исчезают имена *Дарья, Наталья,* а во второй половине появляются *Матрена, Ирина, Авдотья* (этот вариант имени *Евдокия* функционирует самостоятельно наравне с оригиналом, что подтверждают документальные записи в ревизских сказках). Таким образом, несмотря на то, что женский именник количественно намного уступает мужскому, он более динамичен, чем мужской, в котором сохранилась традиция называть детей по мужской линии именем деда.

Особенности регионального именника второй половины XX века – первой четверти XXI века

Современный именник представлен тремя периодами: 1946-1950, 1998-2002гг., 2015-2020 гг. Основными документами, послужившими источниками информации о собственных именах, являются похозяйственные книги, данные детских поликлиник, данные ЗАГС.

Именник 1946-50гг. характеризуется следующими параметрами:

Первую десятку среди мужских имен составляют *Алексей, Василий, Александр, Николай, Сергей, Андрей, Михаил, Григорий, Владимир, Константин*.

В первую десятку среди женских входят имена *Анна, Валентина, Нина, Любовь, Галина, Елена, Мария, Антонина, Раиса, Татьяна*.

Среди уникальных и встречающихся не более двух раз можно выделить следующие имена: *Архип, Герман, Глеб, Иосиф, Клим, Лев, Мстислав, Руслан, Спартак, Тарас, Ярослав; Алена, Ангелина, Анфиса, Арина, Василиса, Глафира, Елизавета, Зимфира, Маргарита, Муза, Нонна, Октябрина, Пелагея, Серафима, Таисия, Феона, Христина, Юлия, Янина.*

Именник 1998 –2002 гг. характеризуется следующими парметрами:

Первую десятку среди мужских составляют имена *Александр, Сергей, Андрей, Алексей, Дмитрий, Даниил(а), Вадим, Артем, Евгений, Никита*. Среди женских имен первая десятка составлена из имен *Анастасия, Татьяна, Юлия, Елена, Екатерина, Анна, Дарья, Наталья, Ирина, Мария.*

Среди уникальных имен 1998 – 2002 гг. можно выделить следующие: *Арсений, Валентин, Василий, Глеб, Давид, Захар, Клим, Лаврентий, Ларион, Лев, Леонид, Макар, Прохор, Роберт, Руслан, Савелий, Святослав, Степан, Тимофей, Тихон, Федор, Юлиан, Яков; Анфиса, Алена, Богдана, Василиса, Зимфира, Клавдия, Милада, Нонна, Тамара.*

Представление о динамике первой десятки мужских и женских имен середины XX века и конца XX дает таблица10:

Таблица 10

Мужские имена		**Женские имена**	
1946-50гг.	**1998-2002гг.**	**1946 – 50 гг.**	**1998-2002гг.**
Алексей 69	Александр 240	Анна 90	Анастасия 126
Василий 52	Сергей 143	Валентина 64	Татьяна 96
Александр 51	Андрей 130	Нина 47	Юлия 86
Николай 50	Алексей 115	Любовь 43	Елена 84
Сергей 40	Дмитрий 94	Галина 31	Екатерина 81
Андрей 36	Даниил (а) 77	Елена 27	Анна 66
Михаил 31	Вадим 47	Мария 25	Дарья 60
Григорий 29	Артем 36	Раиса 21	Наталья 57
Владимир 28	Евгений 33	Антонина 20	Ирина 43
Константин 27	Никита 31	Татьяна 19	Мария 39

Имена *Алексей, Александр, Андрей, Сергей* сохранили свою позицию в первой десятке с середины XX века к концу, поменялись местами расположения лишь некоторые СИ: *Александр* с третьего вышел на первое, *Алексей* опустился на четвертое, *Сергей* с пятого передвинулся на второе, *Андрей* с шестого переместился на третье. Имена *Василий, Николай, Михаил, Владимир, Константин, Григорий* вышли из первой десятки, их заменили другие имена.

В женском именнике соотношение имен почти совпадает с мужским: четыре имени *Анна, Татьяна, Мария, Елена* сохранили свою позицию в первой десятке, изменив местоположение*: Татьяна* с десятого поднялась на первое, *Анна* с первого переместилась на шестое, *Мария* опустилась с седьмого на десятое, а *Елена* поднялась с шестого на четвертое. Остальные имена первой десятки середины века покинули ее.

Именник 2015 –2020 гг. характеризуется следующими параметрами:

По данным ЗАГС Ставропольского края в **2015 г.,** в первую десятку самых популярных имен входили: *Александр, Максим, Кирилл, Иван, Даниил, Дмитрий, Макар, Арсений и Тимофей, Андрей,* а среди женских по популярности лидируют *Анастасия, Мария, Анна, Дарья, Виктория, Варвара, Арина, Ксения, Полина, Софья*. Кроме того, распространёнными мужскими именами были *Владислав, Егор, Захар, Матвей, Михаил, Прохор, Ярослав*. Остаются популярными такие имена для девочек, как *Алиса, Василиса, Валерия, Ева, Кира, Ульяна*.

Редкие мужские имена: *Лукьян, Ефим, Гордей, Авдей, Евсей, Яромир, Ясмин, Демьян, Ратибор, Леонард, Трифон, Соломон, Марсель, Эльбрус*. Женские: *Агата, Адель, Аксинья, Божена, Глафира, Версавия, Леонсия, Серафима, Пелагея, Моника, Николь, Марфа, Оделия, Тина, Юстина, Леонсия, Эльфина, Эльвира, Эстела, Оливия*. Помимо редких имен можно отметить и экзотические: *Парижан, Оскар, Алмаз, Золушка, Царица, Юнона* [7].

По данным ЗАГС Ставропольского края в **2016 г.,** в десятку популярных мужских имен входили: *Артем, Александр, Максим, Иван, Дмитрий, Сергей, Игорь, Кирилл, Даниил, Арсений*, а девочек – *София, Мария, Анастасия, Виктория, Дарья, Арина, Анна, Ксения, Полина, Ирина.*

Среди самых редких имен, которыми детей называют в крае, есть как *Фома, Феодора, Фадей, Харлампий, Филат, Стефанида, Пантелеимон, Евпатий, Емельян, Агафия, Кузьма*, а также *Царина, Принц, Мир, Тиффани, Успех, Граф, Графиня, Госпожа, Дар, Мадона.*

А некоторые из казавшихся экзотическими еще год назад имен, похоже, становятся нормой. Так, Князей в текущем году в крае родилось уже четыре, Добрынь – также четыре, а еще три Майора, две Забавы и две Любавы [6].

По данным ЗАГС Ставропольского края в **2017 г.,** самыми популярными именами мальчиков на Ставрополье были: *Артем, Александр, Максим, Иван, Михаил, Дмитрий, Владимир, Кирилл, Матвей и Егор*. У девочек – *София, Мария, Виктория, Анастасия, Дарья, Анна, Полина, Варвара, Арина и Ева*.

Редкими можно назвать имена: *Адам, Давид, Даниэль, Елисей, Герман, Марк, Платон, Христофор, Ян*. Необычные имена сре-

ди девочек: *Амалия, Евангелина, Доминика, Камилла, Каролина, Мелисса, Лея*.

Модными мужскими в этом году стали имена, взятые из Святцев: *Архип, Захар, Евсей, Ерема, Ермак, Евдоким, Клим, Демьян, Добрыня, Фома.* Женские: *Аполлинария, Акулина, Ефросинья, Пелагея, Устинья, Матрона, Марфа, Христина*.

В 2017 г. появились на свет малыши с «ягодными» именами. Одного мальчика назвали *Виноград*, а двух девочек – *Малиной* [7].

По данным ЗАГС Ставропольского края в **2018 г.,** самыми популярными именами мальчиков на Ставрополье были: *Артём, Александр, Максим, Алексей, Сергей, Даниил, Андрей, Семен, Арсений, Никита*. Самые популярные имена среди девочек – *София, Мария, Анастасия, Арина, Виктория, Ксения, Полина, Анна, Елена, Дарья.* Среди редких имен, встречавшихся в 2018 году: *Соломон, Авдей, Ратибор, Лазарь, Фрол* – для мальчиков и *Агафья, Ассоль, Божена* – для девочек [7].

По данным ЗАГС Ставропольского края в **2019 г.,** самыми популярными мужскими именами были: *Артем, Александр, Иван, Михаил, Никита, Максим, Данила, Дмитрий, Кирилл, Егор*, а женскими стали *София (Софья), Мария, Милана, Ева, Алиса, Полина, Ксения, Анна, Анастасия, Наталья.* Некоторые родители называли детей в старорусской традиции: *Карп, Добромир, Тихомир, Яросвет* – для мальчиков; *Агафья, Ефросинья, Любава и Феврония* – для девочек. Среди редких: *Свет, Ной, Отелло, Джозефина, Биотриссия, Эванжелина*. В одном из отделов ЗАГС края зарегистрировали Луну и Зоро [7].

По данным Управления ЗАГС Ставропольского края, за 9 месяцев 2020 года зарегистрировано более 20 тысяч малышей. Лидерами среди мужских имен, по-прежнему, остаются Артём и Александр, Михаил, Максим, Иван, *Артем, Матвей, Алексей, Никита, Данила*. Среди женских имен первое место стабильно занимает София, затем идут Мария, Милана, Алиса, Виктория, Анастасия, Арина, Ксения, Анна, Полина. Список редких имен пополнился такими, как: Бой, Воислав, Илларион, Святогор, Златаслава, Капитолина, Милагрос, Рубина. Некоторые родители решили дать детям двойные имена: Лисэль-Лилия, Лев-Ричард [7]. Изменения мужского и женского именника ставропольцев представлены в таблице 11,12.

Таблица 11

Динамика мужского именника на Ставрополье 2015-2020 гг.

№	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1.	Александр	Артем	Артем	Артем	Артем	Артем
2.	Максим	Александр	Александр	Александр	Александр	Александр
3.	Кирилл	Максим	Максим	Максим	Иван	Михаил
4.	Иван	Иван	Иван	Алексей	Михаил	Максим
5.	Даниил	Дмитрий	Михаил	Сергей	Никита	Иван
6.	Дмитрий	Сергей	Дмитрий	Даниил	Максим	Кирилл
7.	Макар	Игорь	Владимир	Андрей	Данила	Матвей
8.	Арсений	Кирилл	Кирилл	Семен	Дмитрий	Алексей
9.	Тимофей	Даниил	Матвей	Арсений	Кирилл	Никита
10.	Андрей	Арсений	Егор	Никита	Егор	Данила

Таблица 12

Динамика женского именника на Ставрополье 2015-2020 гг.

№	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1.	Анастасия	Софья	Софья	Софья	Софья	София
2.	Мария	Мария	Мария	Мария	Мария	Мария
3.	Анна	Анастасия	Виктория	Анастасия	Милена	Милана
4.	Дарья	Виктория	Анастасия	Арина	Ева	Алиса
5.	Виктория	Дарья	Дарья	Виктория	Алиса	Виктория
6.	Варвара	Арина	Анна	Ксения	Полина	Анастасия
7.	Арина	Анна	Полина	Полина	Ксения	Арина
8.	Ксения	Ксения	Варвара	Анна	Анна	Ксения
9.	Полина	Полина	Арина	Елена	Анастасия	Анна
10.	Софья	Ирина	Ева	Дарья	Наталья	Полина

Сопоставляя мужской именник ставропольцев с 2015 по 2020 г., стоит отметить стабильность имени *Артем*, которое лидирует в течение четырех лет, не отстает от него традиционное для русского имянаречения имя *Александр*. В целом десятка имен выглядит вполне традиционно и коррелирует с именником, представленным в начале 2000-х годов. Та же тенденция представлена и в женском именники в первых рядах имена Софья и Мария, сохраняются в десятке

и популярные в 2000-х годах имена *Анастасия и Ксения*, что также можно считать традиционным каноном имянаречения.

Если мы будем говорить о традициях имянаречения XIX и XX, XXI вв., то представления о номинации поменялись. Для XIX в. это, конечно, наречение по Святцам, которое редко нарушалось. В XX и XXI в. большую роль играет своеобразная «именная мода», которая связана с популярность той или иной личности, хотя стоит отметить, что определенный традиционализм имянаречения, как мужского, так и женского, сохраняется на протяжении уже двух столетий, что не может не радовать, т.к. этот факт говорит о сохранении и продолжении культурных традиций в современном обществе.

Таким образом, динамика именника в исследуемом регионе отражает общерусские ономастические тенденции. В XIX в. выбор личных имен полностью определялся временем появления ребенка на свет, датой его крещения. В XXв. подобные ограничения практически отсутствуют, выбор имени определяется волей родителей, а не государства (в лице церкви). Личность начинает проявлять себя не только в качестве члена социума, но и как номинатор.

2.1.1. Формирование категории отчества в исследуемом регионе

На современном этапе развития языка отчество формально указывает на близкое родство, принадлежность к семье, глава которой зовется определенным именем. В том виде, в каком отчества функционируют сейчас, они появились не сразу. Этому способствовал долгий процесс формирования категории. Так, в ревизской сказке, датируемой 1798 годом, форма именования выглядит следующим образом: *Степан Иванов сын, Ерофей Семенов сын* [8,Оп.2. Д.2125].

Полноценными отчествами такую форму именования назвать нельзя. В данной ревизской сказке зафиксировано лишь имя главы семьи и имена детей мужского пола, женщины не фиксировались.

В ревизской сказке с. Пелагиада за 1811год (см. табл. 4) мы наблюдаем, что употребляется та же формула именования, что и в предыдущем документе, т.е. с использованием слова «сын». Но в этой ревизской сказке уже отчетливо фиксируется фамильный оним, что

дает нам возможность в более четком разграничении будущей трехчленной формулы именования.

В ревизских сказках 1811 г. с. Михайловского и др. наблюдается та же ситуация, что и в ревизской сказке с. Пелагиады. Так, из переписного документа с. Михайловского за 1811г. (см. табл.5), что на исследуемой территории на период начала XIX в. категория отчества только начала формироваться.

Как мы уже отмечали, к середине XIX в. в переписных документах Ставропольской губернии возникает трех- или четырехчленное именование (см. табл.7), где в большинстве своем именование по отцу стояло на втором месте, а за ним следовал фамильный компонент. Как отмечает Суперанская А.В., «непосредственное отношение к главе семьи выражалось суффиксом -ов, отчества на -ов были приняты в России в качестве официальных». [5, с.154]. В переписных документах крестьян середины XIX в. отчеств с финалью -ич зафиксировано не было. Также нерегулярный характер носит употребление перед второй частью именования слова «сын».

Таким образом, категория отчества в том виде, в каком она была общепринятой для крестьянства того периода, вполне сформировалась у ставропольских переселенцев к середине XIX в. К 50-ым годам XIX в. в ревизских сказках стал указываться женский пол, но, как мы видим, элемент именования по отцу у женщин отсутствует. Вследствие этого, информация о женских отчествах отсутствует.

Следует отметить, что трехчленное именование, куда входит отчество с финалью -ич, мы встречаем у представителей дворянского рода еще в документах 1835 года. Например: «Ревизская сказка 1835 года 19 марта Кавказской области Ставропольского округа деревни Тугулука помещика Подноводтикова Василия Яковлевича» [9, Оп.2. Д. 615].

Категория отчества у большинства населения исследуемого региона оформилась до конца только после 1917 года, когда трехчленное именование стало обязательным для всех жителей страны, т.е. отчества получили и женщины, которые до этого их не имели.

2.1.2. Производящие основы фамильных онимов в регионе

Устройство и организация существующего мира подчиняются когнитивной естественной логике познанного в языке бытия. Общие представления человечества об основах мироздания обусловлены

языковой моделью действительности (структурно-системной организацией составляющих ее элементов). Расчленение и систематизация действительности человеком во многом доступны окружающим благодаря наличию мира *оязыковленного* (термин И.А. Бодуэна де Куртене). Известно, что наряду с логической язык несет в себе аксиологическую – ценностную интерпретацию мира. Таким образом, «когнитивно-аксиологическая модель – это непрерывно развивающаяся система, конденсирующая социальный опыт «языкового коллектива» [10, с. 67].

Предпосылкой формирования когнитивно-аксиологической системы являются внутренние формы слова – наиболее явные признаки предмета, имеющие принципиальное значение для носителей языка. Изначальное существование подобных признаков у всех без исключения слов на разных стадиях формирования вербального канала общения делает чрезвычайно важным для понимания картины мира этимологический анализ, данные которого привлекались нами для достижения целей работы (в отдельных ее фрагментах). Одним из таких участков ономастикона являются фамильные онимы, изучение которых специалисты сравнивают с археологией: «раскрытое имя, как и найденный в земле предмет многовековой давности, позволяет узнать о людях, живших в прошлом, об их культуре, быте, взаимоотношениях, вкусах и занятиях, верованиях и надеждах» [11, с. 4]. Словари русского языка (диалектные, исторические, толковые, этимологические и др.) С.Б. Веселовского 1974, В.И. Даля 2002, А.Г. Преображенского, И.И. Срезневского, М. Фасмера 1986-87, П.Я. Черных 1994, М.М. Маковского 1996 и церковнославянского позволяют проследить утраченные на современном этапе внутренние формы фамилий русского языка. В своей работе мы используем также материалы современных словарей русских фамилий (Вединой, 1999, Ганжиной И.М. 2001, Никонова В.А. 1993, Суперанской А.В. 1998, Сусловой А.В. 1981, Федосюка Ю.А. 1980 и др.).

Систематизация производящих основ для образования фамилий может быть построена на различных принципах. При наличии множества природных и социальных объектов внешнего мира, подчиненных разнохарактерным взаимосвязям и взаимозависимостям, идеографические (лексико-семантические, понятийные, тематические) классификации неизбежно неоднородны (ср. классифика-

ции: Ю.Н. Караулова, Х. Касареса, Г. Майера, В.В. Морковкина, А.В. Уфимцевой и мн.др.).

Фамильные онимы возникают на базе осмысления самых различных сфер материального мира: растений, живых существ – разумных и лишенных разума [12, с. 21]. Однако, занимая ядерное положение в ономастическом поле, эти онимы теснее всего связаны с миром человека, т.е. микромиром. Лицо, получающее индивидуальное именование, интересует имядателя в трех ипостасях: как существо живое, разумное и общественное. При этом творческий процесс включает «информацию о переживании субъектом «чувства-состояния», «чувства-отношения»,… сведения об эмоциональной реакции субъекта» [13, с. 288].

Еще древнерусском языку в XII – XIV вв. был присущ набор номинантов, отражающих специфическую этнокультурную картину мира в семантике наименований лиц. Для нарицательных имен исследователи называют три базовых лексико-семантических поля (ЛСП): 1. *ЛСП наименований лица по социальному статусу,* включающее такие лексико-семантические группы (ЛСГ), как наименования лиц по признаку «свой»/«чужой», по подчиненности/неподчиненности, по этнической принадлежности, по возрасту, по локальному признаку, по родству (группы, занимающие периферийную зону поля);

II. ЛСП *наименований лица по должностному статусу*, включая три ЛСГ (полная иерархия церковных, светских и воинских чинов);

III. ЛСП *наименований лица по роду деятельности* с ЛСГ наименований лица по гражданским и церковным родам деятельности, по военному, по преступному роду деятельности [13, с.291-294].

Принципы деления фамилий на группы в новейших лингвистических изданиях различны. Например, О.А. Леонович предлагает расчленение массива фамилий на четыре основные группы: 1) отантропонимические (генеалогические, патронимические); 2) местные (по месту проживания); 3) профессионально-должностные (по роду занятий); 4) описательные. А.И. Рыбакин выделяет классы фамилий, образованных 1) от топонимов, 2) от антропонимов [15, с.10-11]. В классическом труде Б.О. Унбегауна фамилии как лингвистическое явление, свойственное многим языкам мира, подразделяются на а) патронимические б) непатронимические в) матронимические. Тем самым внешнелингвистический аспект (исконные – заимствованные, адаптированные – неадаптированные) «разводятся»

со структурно-языковыми (мотивационно-словообразовательными) [16, с. 15-21, 32-37]. Взяв за основу типологию русских фамилий Б.О. Унбегауна, мы выделили 5 основных групп производящих:

I). Крестильные имена: а) в полной (канонической) форме;

б) в деминутивной форме;

II). Прозвища;

III). Род деятельности;

IV). Географические названия;

V). Другие тематические группы (ТГ).

Производящие крестильные имена в полной канонической форме

Известно, что система русских имен складывается из нескольких пластов: 1. Христианских имен греческого, латинского, древнееврейского, арабского происхождения, канонизированных церковью;

2. Старорусских и славянских имен (общеславянских или бытовавших в одной или нескольких группах славянских языков);

3. Новых имен, конструируемых из ресурсов русского языка;

4. Заимствованных в новое и новейшее время имен [17, с. 10-11].

Наибольшей степенью членимости обладают, как нам кажется, фамилии, созданные на базе крестильных имен. Если неканонические собственные имена прочно смыкаются в современном сознании с нарицательными (*например, Буян, Волк, Дурак, Заяц, Косой и т.п.),* аналогично некоторым калькам с греческого (*Вера, Надежда, Любовь*), то ориентация на известные субъектам канонические имена русского языка позволяет быстрее определять морфемно-словообразовательную структуру онимов. Список всех употребляющихся русским народом личных собственных имен очень богат, многочислен и составляет вместе с производными около 21 тысячи единиц.

В нашем языковом материале производящими антропонимами в полной форме выступают следующие имена мужского рода (в скобках указаны производные): *Аврам (Авраменко), Агапий (Агапов), Азарий (Азаров), Алексей (Алексеев), Андрей (Андреев), Андроник (Андронников), Антип (а) (Антипов), Артемий (Артемьев), Власий (Власов), Глеб (Глебов), Григорий (Григорьев), Данила (Данилов), Евдоким (Евдокимов), Евстафий (Евстафьев), Егор (Егоров), Емельян (Емельянов), Ермил (Ермилов), Ефим (Ефимов, Ефименко), Зосим (Зосимов, Зосименко), Игнатий (Игнатов), Капитон (Капитонов), Карп (Карпов), Клим (Климов), Конон (Кононов, Кононенко), Лавр*

(Лавров), Логин (Логинов)/Логвин (Логвинов), Лука (Лукин, Луценко), Мартын (Мартынов), Мамонт (Мамонтов), Марк (Марков), Меркул (Меркулов), Минай (Минаев), Михаил (Михайлов), Никита (Никитин), Павел (Павлов), Парамон (Парамонов), Пахомий (Пахомов), Петр (Петров), Прокопий (Прокопьев), Роман (Романов), Сафрон (Сафронов), Сергей (Сергеев), Сидор (Сидоров), Симон (Симонов), Тит (Титов), Тимофей (Тимофеев), Трофим (Трофимов), Увар (Уваров), Устин (Устинов), Фарафон (Фарафонов), Филимон (Филимонов), Фока (Фокин), Фома (Фомин), Яков (Яковлев), Ян (Яновский). 75% производящих личных имен к настоящему моменту принадлежат архаической лексике: *Агапий, Азарий, Андроник, Антип, Власий, Евстафий, Емельян, Ермил, Евдоким, Капитон, Карп, Конон, Лавр, Меркул и мн.др.*

Из производящих нехристианских мужских имен назовем а) славянские (или калькированные старославянским с греческого): *Борис, Богдан, Неждан, Некрас, Немил, и др.;* б) неславянские (тюркские): *Аслан'лев' (Асланов), Балаш 'драгоценный камень' (Балашов).*

Отличительной особенностью личных имен в русском языке является их исключительная способность к изменениям и преобразованиям, связанным с выражением различных эмоциональных, стилистических оттенков и значений, отражающих богатую гамму межличностных отношений. Количество образований от канонического (официального, документального) имени его народных (разговорных, просторечных) вариантов в нашем материале превышает количество производящих в полной форме.

«Образование производных уменьшительных форм, лишено на первый взгляд каких-либо закономерностей, на самом деле подчинено строгим законам» [17, с. 18]. Модели фонетических изменений в своем большинстве известны теории языка как диереза, эпентеза, метатеза, протеза, гаплология. Как правило, в словарях трансформации представлены пооперационно; например, в «Словаре русских личных имен» Н.А. Петровского об изменениях производящей основы написано: «нередко производящая основа создается в результате выпадения звуков: *Константин – Костя, Котя; Станислав – Стива*»; производящая основа может состоять… из звуков, взятых из середины полного имени: *Василий – Васюра – Сюра, Александр – Саня»* [17, с. 19]. Типы трансформаций производящих основ отантропонимических фамилий достаточно разнообразны. В «чистом»

виде в нашем материале встретились следующие:

1. Ассимиляция а) гласных корня: *Сисой → Сысой;*

б) согласных корня: *Косьма → Козьма;*

2. Диереза гласных корня в середине слова:

Амвросий → Авросий, Феодор→ Федор, Феофан →Фофан;

3. Усечение начального а) звука: *Афиноген→ Финоген*;

б) слога: *Галактион→ Лактион, Илларион → Ларион, Ипполит→ Полит;*

4.Усечение финали слова из нескольких звуков: *Артемий →Артем, Захария →Захар, Зотик→Зот;*

5. Эпентеза согласного: *Иоанн→ Иван;*

6. Протеза согласного*: Ипат →Липат.*

Однако чаще всего народно-разговорные и просторечные варианты производящих личных имен возникают под воздействием комплекса процессов. В таблице 13 представлены образцы подобных трансформаций производящих канонических имен.

Фактором, осложняющим образование вариантных форм производящих, являются фонетические альтернации

а) гласных: *Фарафон← Ферапонт, Зина← Зенон, Кузьма← Козьма;*

б) согласных: *Аноха ←Анос, Гапон← Агафон*.

Единичны фамилии, образованные от а) канонических женских личных имен *(Марьин← Марья*); б) вариантных форм личных имен (*Авдотьин← Авдотья← Евдокия*); Некоторые СИ, принадлежащие к общему роду, допускают возможность двух производящих – мужского и женского родов; например: *Анисин←Анисий/Анисья, Ханин← Ганя Гавриил/Ганна.*

По нашим подсчетам, патронимические фамилии составляют в обследованном нами фамильном фонде региона 24,7%%, в то время как матронимические – только 1,5%. Экстралингвистической причиной сложившегося соотношения можно считать патриархальное устройство семьи, где главой и владельцем земли (в крестьянской среде) был мужчина. Трансляция семейных ценностей, в том числе «группового антропонимикона» – фамилии, велась от деда к внукам. Основаниями для образования матронимической фамилии могли служить: вдовство, солдатчина, незаконное рождение ребенка. Таким образом, основное различие в моделях фамилий состоит в том, что должно или не должно сообщаться говорящим.

Таблица 13

Характер изменений основы	Канонический вариант производящего	Варианты производящего	Производное (фамилия)
диереза [а], диссимиляция звука[в] звуку [р]	Авраам	раз. Абрам	Абрамов
диереза [в], усечение финали, чередование э//о в корне	Авксентий	раз. Аксён	Аксёнов
Усечение слога в начале слова, усечение финали	Андроник	Дрон	Дронов
Ассимиляция звука [э] звуку [а], диереза [в]	Евстафий	прост. Астафий	Астафьев
протеза [j], эпентеза [j]между гласными, диереза [и]	Эмилиан	Емельян	Емельянов
усечение слога в середине слова, усечение финали	Епифаний	Ефан	Ефанов
протеза [и], усечение финали	Зотик	Изот	Изотов
эпентеза [j], диереза[и]	Касиан	Касьян	Касьянов
метатеза ри→ ир, усечение финали	Хрисанфий	Кирсан	Кирсанов

Производящие крестильные имена в деминутивной форме. Признание вариативности форм имен требует принятия какой-либо формы за исходную точку. В нашем материале таковыми являлись официальные полные (паспортные) формы, несмотря на то, что, по мнению ряда ученых, эти формы имеют оттенок официальности, т.е. маркированы по стилистическим признакам [18, с. 66].

Деминутивные (деминутивно-мелиоративные) и пейоративно-аргументативные формы антропонимов [18, с. 66] распределены в количественном отношении неравномерно: первые явно преобладают. Уничижительный характер в большей мере реализуется не через семантику основы, но через комплекс «основа + суффикс». Подобный уничижительный характер нельзя приписывать и одному суффиксу х (а) /*Алеха/; ср. Ероха от Ерохий/Ерофей* (с нулевым аффиксом).

Реже используется термин *полуимена* (без подчеркивания эмоциональных, экспрессивных сем), обозначающий формы, связанные материально с официальными именами, но различающиеся с ними в семантико-функциональном и структурном отношениях [19, с. 165]. Образование уменьшительных, семейно-обиходных имен собственных, следуя некоторым общим закономерностям, в целом фразеологично, хотя в значительной мере закреплено нормой. При этом всегда остаётся и некоторый простор для индивидуального творчества.

Обычный образец выглядит следующим образом: для уменьшительного личного собственного имени: «финаль полного имени собственного усекается на согласном (на морфемном шве, которого в полных именах собственных нет), и к оставшейся части присоединяется система флексий существительных типа *стена: Аля, Боря, Вадя, Валя, Вася, Галя*» [20, с. 435].

Количество производящих деминутивов христианских имен в нашем материале, как и следовало ожидать в свете общерусских тенденций формообразования антропонимов, оказалось значительным. Среди уменьшительно-ласкательных и оценочных форм встречаются следующие производящие фамилий (последние приводятся в скобках*): Акимка ←Акимий (Акимкиин), Алеша← Алексей (Алешин), Андрос← Андроник (Андросов), Богданчик← Богдан (Богданчиков), Вася← Василий (Васин), Васька← Василий (Васьков), Ваня ← Иван (Ванин), Влад←Владислав (Владченко), Власик← Власий (Власиков), Гриня ← Григорий (Гринин), Гриша← Григорий (Гришаков), Гридя ← Григорий (Гридин), Даня ←Даниил (Данин), Демид← Домиан (Демидов), Дорош← Дорофей (Дорошенко), Ероха ←Ерохий (Ерошенко), Ивашка ← Иван (Ивашкин), Ишко ←(укр.) Иоанн (Ишков), Коля ← Николай (Колин), Костя ←Константин (Костин), Лёха← Алеха - Алексей (Лехин), Лукьянчик- Лукиан (Лукьянчиков), Матюша← Матвей (Матюшин), Митя← Дмитрий (Митин),*

Никиша ←Никита (Никишин), Пашка← Павел (Пашков), Петя ←Петр (Петин), Саня← Александр (Санченко), Саша← Александр (Сашин), Тимошка ←Тимоха← Тимофей (Тимошкин), Федя← Федор (Федченко), Фостик ←Фостирий (Фостиков), Шура ←Сашура ← Александр (Шурин), Юра← Юрий (Юренко). Наиболее частотными являются гипокористические формы: *Костя, Миша, Паша, Петя, Федя, Юра.* Несколько меньше форм образовано при помощи суффикса -к(а) *(Акимка, Акулька, Васька, Дашка, Тимошка* и т.п.) и его варианта –шка(а) (*Ивашка, Ишка).* Единичны – н(я) *(Гриня*), -ш(а) (*Дуняша, Марфуша*).

Немногочисленные фамилии, образованные от личных женских имен-деминутивов, представлены следующими примерами: *Дашка←Даша ←Дарья (Дашков), Дуняша← Дуня ← Евдокия (Дуняшин), Марфушка← Марфа (Марфушкин), Надя←Надежда (Надин).*

Анализ списка дворян Ставропольской, Терской, Кубанской областей, родословной книги с 1795 по декабрь 1912 года выявляет, что 30,2% (за 100% взяты все дворянские фамилии региона) фамилий, образованно от крестильных имен: *Анисимов, Андреев, Григоревский, Лукьянченко, Симонов, Тимофеев* и др. Трансформированные формы имен единичны 2% (*Авраменко, Аносов, Самойленко*): деминутивных форм еще меньше 0,8%: *Костин, Янковский*.

Итак, массовый характер использования личных имен, включенных в перечень канонизированных христианской церковью, свидетельствует об исторической победе системы именования по образцам христианского мира над системой присвоения имен в дохристианский период. Смена язычества христианской религией заметна, в частности, по тому, что наиболее частотным именам в заговорах – при высочайшей вариативности в них СИ – оказалось имя *Мария* – функциональный синоним слова «Богородица».

Отпрозвищные фамильные онимы

Известно, что в исторической перспективе прозвища как форма номинации предшествуют фамилиям, особенно в условиях переселенческой жизни. В украинском языке слово *прізвище* переводится как ’фамилия’, что свидетельствует о тесной связи данных форм именования лиц.

Прозвищные онимы появляются не спонтанно, а имеют под собой определенную мотивацию; они ситуативны. Однако, подобно большинству языковых стандартных метафор, метонимий, прозви-

ща могут быть сгруппированы на базе соотношения с образами реалий (или на базе названий самих реалий, если конкретная информация отсутствует). Фамилии, образованные на базе прозвищ, составляю подавляющее большенство в исследуемом регионе 73, 8%.

Производящие основы, образованные от наименований реалий с архисемой ’человек’, в нашем исследовании разделены на три базовые группы:

1.Человек как живое существо;

2. Человек как разумное существо;

3. Человек как общественное существо.

1. Человек как живое существо

Прозвища данной группы характеризуют человека, в первую очередь, со стороны внешних признаков, что отчасти свидетельствует об их исторической первичности. Наш языковой материал вполне укладывается в рамки предложенной схемы.

I. а) соматизмы;

II. б) внешний облик человека;

в) физические особенности, состояние человека;

г) фазы жизни;

д) речь.

а). К соматизмам относятся производные следующих фамилий: *Белобородько, Бородин, Усачев; Губа, Губан, Губорев; Гулин (от гуля, гугля ’шишка, нарост’), Горбачев, Горбунов; Дзюба (рябой), Зубов, Щербинин, Коленкин, Лапин, Ногин, Ступня; Криволапов, Криворучко, Лаптев, Руков, Шестопалов, Шульга; Шеин, Мордиков, Щетинин.* Отдельную подгруппу составляют названия цвета волос: *Бурцов (от бурец ’человек с рыжими волосами’), Воронцов, Рыжков, Серов, Сивцов, Черников, Чернов, Чернышов.*

Исходя из того, что норма, в отличие от не-нормы, обычно не маркируется языковыми средствами, исследователи пытаются моделировать знания, входящие в поле не-нормы прозвищных фамилий, производных от соматизмов [21, с.333]. При этом фиксируются знания об 1) отсутствии элемента; 2) наличии его же с отклонением от нормы; 3) наличии элемента [21, с. 333];

б) общее впечатление от внешности: *Гладкой, Красной, Миловидов, Миленин, Румянов, Хорошев;*

- по росту**:** *Мастюгин (*от мастюга ’ маленький’);

- по объему: *Бутенко* (от бутеня ’толстый’), *Курбатов* (от курбат’круглый, толстый’), *Толстиков, Толстой, Доброй* (дородный), *Худяк;*

в) физические способности, состояние человека: *Выродов, Гнилов, Глушко, Моргунов, Небитов, Нелюбов, Неходин, Нужной (больной), Одинокой, Понуренко* (Понура, кто ходит, повесив голову, грустный; кто глядит исподлобья) [22, с.288].

г) фазы жизни: *Мальцов, Меньшиков, Старой;*

д) речь: *Молчанов, Немов, Рыкунов, Гаркуша (от гаркать - громко кричать), Хрипов, Шипилов.*

2. Человек как разумное существо

а) интеллект, умственные способности: *Башкатов, Мозговой, Дурнев, Дураков, Тупиков, Тупица;*

б) поведение: *Булгаков (от булгак ’беспокойный’), Ветер, Дерзенко, Победный, Смиренко, Смирный, Неправов;*

в) черты характера: *Скряга, Злобин*.

Многие из этих фамилий восходят к диалектным основам и на синхронном уровне значение производящих неясно: *Дзюба* (рябой в оспинах человек [22, с. 435]); *Нарышков* (нарышка ’неприятный запах изо рта’), *Кураков* (курак ’пустой, высохший’) [23], *Воронцов (*брюнет), *Сивцов* (сивый ’седой, пестрый’) и нек.др.

3.Человек как общественное существо

а) родственные отношения: *Бабин, Бабков, Бабенков, Батюшков, Батьков, Братков, Братишко, Вдовин, Девятков, Матушкин, Дочкин, Сестрин, Семибрат, Сватов, Блюзняк (от близнюк ’близнец’);*

б) этнические отношения*: Варяжский, Карелов, Литвинов, Поляков, Сербин, Татаринов, Цыганьков, Черкасов, Иноземцев*. Языковой материал не выявляет семы враждебности по признаку «свой/чужой» [ср. 13, с. 298];

в) локальные отношения:

- от гидронимов: *Донец, Донченко, Жигулев;*
- от топонимов*: Воротынцев (Воротынск – город недалеко от Калуги), Ельцов (г. Елец), Заболоцкий, Завгородский, Мещеряков, Москвитин, Моравский, Рязанец, Самарин; Караченцев (житель воронежского села Карачан), Крыжановский (житель села Крыжановки Винницкой губернии).* Во многих случаях образование фамилий возможно через несколько ступеней, например: *Карачан –*

караченец – караченцев; Крыж (крест) – Крыжанов – Крыжановка – Крыжановский;

г) должностной статус:

- церковный*: Дьяков, Протопопов, Попов, Пономарев, Титаренко* (от ктитор ’церковный староста’), *Монастырский;*

- светский: *Баскаков, Князев, Короленко, Панов;*

- военный: *Есаулов, Сотников, Солдатов, Казаков;*

д) характер, род деятельности:

- церковный: *Проскурин* ’выпекающий просфоры’*;*

- светский: *Барышников, Бондарев, Винокуров, Гончаров, Гонтарь, Дехтерев, Житников, Дударев, Золоторев, Коваленко, Кожевников, Коробейников, Кравцов, Кравченко, Краморенко, Кузнецов, Кучеров, Мельников, Мирошниченко, Нищенко, Огородников, Олейников, Плахотченко, Писарев, Писач, Почтаренко, Рыбаков, Рыбалка, Седельников, Скоморохов, Солодовников, Токарев, Шаповалов, Шевцов.*

В связи с тем, что многие из перечисленных ремесел утрачены, выявление значения производящих основ потребовало этимологических справок по словарям В.И. Даля, М. Фасмера, и нек.др. См.: *Винокуров* (тот, кто изготавливает (курит) вино), *Гонтарь* (человек, изготавливающий щепу для крыши), *Дехтерев* (дегтер тот, кто делает деготь*), Кравцов, Кравченко* (зап. кравец ’портной’), *Краморенко* (крамарь ’мелкий торговец’), *Олейников* (олейник ’человек, изготавливающий олей’ (растительное масло), *Плахотченко* (плахотник ’палач на плахе’), *Проскурин* (’выпекающий просфоры’*), Седельников* (седельник ’тот, кто изготавливает седельные сумки’), *Титаренко* (титарь ’церковный староста’), *Трембач (*трембита ’музыкальный инструмент’), *Чеботарев* (чеботарь ’тот, кто делает обувь’), *Шаповалов* (шаповал ’тот, кто валяет войлок), *Шевцов* (швец ’портной’).

4. К наименованию профессий, рода деятельности близки обозначения <u>объектов человеческой деятельности,</u> в частности, названия материалов: *Берестовой, Бязев, Бутов, Деревяк, Железнов, Зола, Золотин, Камнев, Медников, Оловкин, Синьков, Ситцев, Хинин;*

- орудий труда: *Багров, Веревкин, Лопатин, Ножин, Решетов, Топорков, Шилов;*

- оружия*: Порохов, Саблин, Стрельников*;

- помещений, бытовых предметов: *Базов, Домов, Кут, Сараев, Жердев, Поленов, Ведро, Дудкин, Хомутов, Коробка, Кольцов и др.*

- пищевых продуктов (кушаний): а) мучных изделий: *Алябьев (алябья 'блинчик'), Баранков, Блинов, Варенников, Гренкин, Колобов, Рогалин, Сухарев, Житный, Овсянников, Пшеничной, Яровой; б)* первые блюда: *Борщ, Супов, Юшков, Уховый;* в) жидкости*: Киселев, Сиропков.*

Обращает на себя внимание обилие производящих – мучных изделий, что отражает бытовые реалии, традиции ставропольчан.

5. Формирование представлений о себе подобных происходит на базе данных о макромире и его природных явлениях (*Зимин, Мороз, Снегов, Стужов, Туманов, Холод);*

- животном мире:

а) от названий домашних животных и птиц: *Баранин, Бычков, Жеребцов, Козлов, Конев, Котов, Собакин, Гусев, Петухов;*

б) диких животных, птиц, насекомых, рыб: *Бобрышев, Волков, Зайцов, Медведев, Соболев, Хорьков; Воробьев, Дятлов, Зозуля, Зозулевский, Куликов, Лебедев, Лунев, Орлов, Селезнев, Скворцов, Соколовский, Соловьев, Чижов, Щеглов, Шпакович (шпак укр.'скворец'); Жуков, Комарь, Ершов, Рыбка, Сомов;*

- растительном мире*: Березев, Березуцкий, Грибов, Грушецкий, Кизилов, Липов, Репин, Редькин, Хмель, Яворский;*

В результате исследования современных фамильных онимов жителей Ставропольского края с точки зрения семантического аспекта мы пришли к выводу, что 40% (за 100% взяты все русские фамилии региона, около 20% составляют иноязычные фамилии (армянские Таводян, Меликян; грузинские и абхазские Банзамадзе, Карааба, тюркские по происхождению Автарханов, Адзаков; немецкие Меллер, Зельман, Камерер, китайские Ли, Ким, которые нашему анализу не подвергались) фамилий, образованно от крестильных имен: Авилов, Александров, Алексеев, *Анисимов, Андреев, Григоревский,* Ефремов, *Лукьянченко, Симонов, Тимофеев* и др. Трансформированные формы имен единичны 2% (*Авраменко, Аносов, Самойленко*): деминутивных форм еще меньше 0,8%: *Костин, Янковский*.

Отпрозвищные фамилии составляю 60%(4827) от всех русских исследованных фамилий. По семантическим основаниям фамилии делятся следующим образом (в основу мы взяли классификацию Б. Унбегауна): человек как живое существо. Прозвища данной группы характеризуют человека, в первую очередь, со стороны внешних признаков, что отчасти свидетельствует об их исторической первично-

сти. Наш языковой материал вполне укладывается в рамки предложенной схемы: соматизмы Губан, внешний облик: Беспалый, фазы жизни Первяк;Интеллект: Дураков; родственный отношения: Бабин; профессия: Гонтарь, Бондарев Винокур; названия животных: Козлов, Зайцев. К сожалению, не все исследованные фамилии нам удалось разгадать с семантической точки зрения. Многие фамилии имеют затемненную семантику и на синхронном уровне раскодировать их невозможно. Например: Грень, Зюляев, Сугак, Субин, Рымаренко, Подоляк и др.

Таким образом, сопоставительный анализ семантики фамилий XIX, XX и XXI вв. говорит о том, что семантические основания фамильных онимов не изменились, хотя многие диалектные фамилии утратились, либо идентификация некоторые фамилии на современном этапе развития язык невозможна.

Список литературы

1. ГАСК.Ф.459.Оп.2. Д. 2069.Ревизская сказка 1811г. сентября 30 Кавказской губернии, Ставропольского округа, селения Пелагиады мужского пола казенного населения.
2. ГАСК.Ф.459. Оп.2.Д. 1764. Ревизская сказка 1811г. Кавказской губернии, Ставропольского округа, селения Михайловского мужского пола казенного населения.
3. ГАСК.Ф. 459. Оп.2.Д.618. Ревизская сказка Ставропольской губернии, Ставропольского уезда, селения Пелагиады крестьян мужского и женского пола 1858г.
4. Щетинин Л.М. Имена и фамилии. – Ростов-на-Дону.: Крестьянин, 1982. – 65с.
5. Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. – Л., 1991.– 220с.
6. Управление ЗАГС по Ставропольскому краю / https://stavregion.ru/govdep/departments/uprzags/
7. Вести. Ставропольский край https://stavropolye.tv/news/141288
8. ГАСК.Ф.444.Оп.1.Д.249. Циркуляр МВД о наблюдении за выполнением правил для устройства селений.
9. ГАСК.Ф.459.Оп.2. Д.960. Ревизская сказка Кавказской области, Ставропольского округа, деревни Тугулука помещика Подновойтикова Василия Яковлевича 1835г.

10. Салмина Л.М. Имена прецерентных феноменов в когнитивно-аксиологической системе языкового сознания// Проблемы региональной ономастики: Материалы 2-ой всероссийской научной конференции. Майкоп: Изд-во Адыг. гос. университета, 2000. – С. 221-222.

11. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. – М.: Изд-во Астрель; АСТ, 2001. – 672с.

12. Морковин В.В. Идеографические словари. М.: Наука, 1970.

13. Алешина Л.Н. Статус лица в древнерусском языке XII – XIV вв.//Антропоцентрическая парадигма в филологии: Материалы международной научной конференции.Ч.2. Лингвистика / Ред. – сост. Л.П. Егорова. – Ставрополь: Из-во СГУ, 2003. – С. 286-295.

14. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – 2-е. изд. – М.: Наука, 1994 – 608 с.

15. Рыбкина являются А.И. «Словарь английских личных имен». – М,1990.

16. Унбегаун Б. Русские фамилии/ Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1995.- 448с.

17. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: более 3000 единиц. – М.: Рус. словари, 2000.- 480с.

18. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. – Волгоград.: Перемена, 2000. – 172с.

19. Мусаева Р.А. Типы и разновидности полуимен в подгорном диалекте кумыкского языка// Проблемы региональной ономастики: Материалы 4-ой всероссийской научной конференции. Майкоп: Изд-во Адыг. гос. университета, 2004. – С.161-165.

20. Янко-Триницкая Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 504с.

21. Беляева М.Ю. Феномен имени собственного: функции онимов// Проблемы региональной ономастики: Материалы 4-ой всероссийской научной конференции. Майкоп: Изд-во Адыг. гос. университета, 2004.– С. 40-42.

22. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. – М.: Рус.яз., 2002. – Т.1.699с; Т.2. 779с; Т.3. 555с; Т.4.688с.

23. Федосюк Ю.А. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. – М.: Дет. лит., 1972. – 239с.

2.2. Функционирование топонимов Ставропольского края как отражение наивной картины мира первопоселенцев

Сфера географических названий достаточно разнообразна, увлекательна, занимательна, любопытна. Эти названия имеют отношение к различным историческим периодам, языкам. Ежедневно мы неоднократно сталкиваемся с ними в газетах, интернете, на телевидении. Обращаясь к карте, атласу, мы не можем обойтись без географических имен собственных. В жизни каждого человека какое-либо событие тем или иным образом соотносится с географическими названиями, и человек изредка задумываемся над их обозначением, этимологией.

Трудно представить себе существование современного общества без географических названий. С уверенностью можно сказать, что они являются визитной карточкой любой страны, города, населенного пункта, природного объекта. Вопросами этимологии топонимов, их модификацией занимается топонимика. С точки зрения лингвистики, топонимы – это слова языка, имена собственные. Они представляют собой целый пласт языка и отражают историю его становления и развития. Географические названия – это элемент лексики, категория лингвистическая, поэтому подчиняются законам языка и должны изучаться языковедами [10, с. 88].

Топонимика входит в состав языкознания, представляя в каждом языке свой специальный раздел со своими принципами и интересами, и может быть признана, прежде всего, лингвистической, языковедческой наукой, – пишет А.И. Попов, в работе «Географические названия. Введение в топонимику» [8, с. 7–8].

В статье «Топонимика» А.П. Нерознак пишет о том, что топонимика является разделом ономастики, исследующим географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени [6, с. 515]. Он не говорит, что это область географии, истории или лингвистики, но из контекста можно догадаться, что он имеет в виду лингвистику. В статье «Ономастика» Н.В. Подольская отмечает ономастику как «раздел языкознания» [7, с. 346]. Топонимику лингвистической наукой считает А. Доза (Франция), – «…география ввязалась в нее самоуверенно, с прекрасной отвагой юности

в область речных имен, иберийских и лигурийских, и погрязла в этих глубинах. Этот пример не должен быть забыт», но не хочет признать, исходя из своей лингвистической специальности, что топонимика – это отражение объекта, на основе чего возникают топонимы, то есть названия географических объектов.

Рассмотрим несколько трактовок понятия «топоним». Так, в «Современном толковом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремова дает следующее понимание термина: «Топоним – собственное наименование географического объекта (реки, поля и т.д.)» [4, с. 863].

В «Толковом словаре» под редакцией С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой сказано: «Топоним, а, муж. (спец.) – собственное название отдельного географического места (населенного пункта, реки, угодья и др.)» [Ожегов, Шведова 2003: 667].

В «Кратком понятийно-терминологическом справочнике по этимологии и исторической лексикологии» Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлева мы находим следующее определение: «Топоним греч.[/р] topos «место, местность» *ὄνομα «имя» - собственное имя любого географического объекта, местное имя» [*1, с. 457].

Таким образом, мы видим, что в различных словарях термин «топоним» имеет приблизительно одинаковое толкование. Однако при э том возникает необходимость разграничения терминов «топонимика» и «топонимия». Если топонимика «занимается исследованиями в области этимологии, эволюции, фонетики, орфоэпии географических наименований в целом» [10, с. 18], то топонимия – «наука, занимающаяся исследованием совокупности географических названий определенной территории» [Там же, с. 19].

Рассматривая топонимику в системе наук, видим, что она является интегральной научной дисциплиной. Прослеживается связь с рядом таких наук, как лингвистика, история, география. Они подвластны законам языка, являются компонентом лексики, некой лингвистической группой, следовательно, подлежат исследованию языковедами.

Как уже отмечалось ранее, топонимы берут начало в различных эпохах, являясь подтверждением исторических событий. У географических названий происходили метаморфозы как в плане выражения, так в и плане содержания. Определенные исторические события (война, миграция, межэтнические отношения) накладывали отпечаток на топонимию. С каждым событием в истории происходило попол-

нение географических названий. Таким образом, складывались индивидуальные асинхронные топонимические пласты. Географические названия встречаются также и в исторических документах, в которых они выступают объектом научного исследования, что доказывает прямое отношение топонимики к исторической науке.

Особое внимание топонимике уделяет география. Важнейшим элементом карты являются географические названия. Они обладают пространственной привязкой, мы узнаем по ним о ходе заселения, освоения территории, климатических условиях. С помощью топонимов мы можем узнать о характере ландшафта в прошлом. Знание топонимического материала дает географам предварительное представление о природных ландшафтах, знакомит их с характером хозяйственной деятельности населения, особенностями его этнической принадлежности.

Из вышесказанного следует, что топонимика является самостоятельной смежной наукой, которая развивается на стыке трех наук: лингвистики, истории и географии.

Интерес к топонимам, их этимологии, структурно-семантическим особенностям зарождался еще на начальных этапах становления культуры. Первые попытки описать, структурировать географические названия были замечены в древнеегипетских текстах. Тем не менее, аргументированность происхождения географических наименований той эпохи была разноплановой. Некоторые наименования привязывали не только к мифологии, а толкование давалось с опорой на знания греческого языка или латыни, но также давалось реальное описание объекта, его местоположение [11, с. 126].

Топонимика как научная дисциплина в большинстве своем благодарна своим отграничением в отдельный раздел вследствие практических научных запросов. Ученые XVIII – XIX вв. впервые накопили и применили наименования различных объектов в ходе их изучения, описания и картографирования.

С XVIII в. в отечественной науке появляется интерес к изучению географических имен собственных. *В.Н. Татищев* является одним из первых исследователей в области топонимики. Ученый предлагал рассматривать топонимию как фрагмент географии. По его мнению «… собственно география представляет описание коеялибо области или предела, в чем первое- имя, какого языка и что значит…» [12, с. 93].

С XIX века область применения топонимов расширяется. В частности широко применяются в географии. Исследованиями в данной области занимались такие ученые, как А.Х. Востоков, М.А. Кастрен, Я.К. Грот. Обратимся к работе Н.И. Надеждиной «Опыт исторической географии русского мира» (1837), где автор актуализирует внимание на картографическом методе в историко-географических исследованиях топонимического плана. А.К. Киркор является одним из первых белорусских исследователей, вложивший свою лепту в развитие топонимики. В своих трудах ученый говорит о том, что топонимы являются важным элементом для восстановления древних этнических границ.

Из вышесказанного следует, что в XVIII – XIX веках была накоплена основательная база топонимического материала, раскрыты единичные случаи закономерности в науке.

Неоценимый вклад в формирование и эволюцию современной топонимики внес академики Л.С. Берг и *В.П. Семенов-Тян-Шанский*. Преимущественно в первой половине XX века в своих работах Л.С. Берг отмечал весомость сбора, систематизации, исследования и применения географических терминов и названий. Ученый-географ отмечал: «Будучи результатом многовековых наблюдений постоянного местного населения и продуктом творчества такого гениального коллектива, каким является народ, народные термины заслуживают самого внимательного отношения, как филологов, так и в особенности географов» [1, с. 164]. Впервые ученым была выдвинута теория смыслового сдвига терминов.

Вторая половина XX века является следующим шагом на пути развития науки. Невероятных успехов в исследовании топонимов достигли многие лингвисты. *В.А. Никонов определил в*едущие законы топонимики, представил ее историчность, важность, сгруппировал и систематизировал топонимы. Свой вклад в развитие науки внесла *А.В. Суперанская,* разрабатывая концепцию имени собственного. *О.Н. Трубачев, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, А.И. Попов, Ю.А. Карпенко в своих работах анализировали географические наименования с точки зрения теории.*

Э.М. Мурзаева заслужено можно считать отцом одного из современных направлений в науке – геотопонимика. Обобщив анализируемый материал, ученый пришел к выводу, что возникает не-

обходимость применения народных географических терминов для получения данных географической направленности. Исследователь выдвинул суждение, что топонимы являются источником информации о географической обстановке, а также указывал на уникальную информативность народных топонимов. Все умозаключения, выводы, теории ученый изложил в огромном количестве трудов. Но по праву одним из главных считается «Словарь народных географических терминов». Е.М. Поспелов в своих работах отмечал различные приемы в топонимике, а именно математический, картографический [9, с. 26].

Исследованиями в области топонимики также занимались и зарубежные ученые в XX веке. Стали появляться школы, в которых особое внимание уделялось изучению топонимов. Значительный вклад в изучение географических названий различных регионов Земли внесли А. Доза, А. Шерпилё (Франция); Г. Краэ, М. Фасмер (Германия), Э. Экуолл, А. Смит, А.. Рум, С. Мэттьюз (Великобритания); А. Профоуз, В. Шмилауэр (Чехия); В. Тащицкий, Й. Сташевский, С. Роспонд, К. Рымут (Польша); В. Георгиев (Болгария); Л. Киш (Венгрия), И. Иордан, Г. Драгу (Румыния); М. Ольсон (Швеция); Дж. Р. Стюарт, Н. Холмер (США), Дж. Армстронг (Канада), А. Кардозу (Бразилия) и многие другие ученые. Таким образом, топонимика укоренилась в системе наук.

Формирование топонимической картины мира является актуальной задачей современной лингвистики, поскольку топоним обладает безусловной этнокультурной значимостью и интегративным статусом, а топонимическая система в вербализованном виде отражает историко-социальные, языковые и этнокультурные особенности этноса. Топоним выступает идентификатором географического объекта, при этом «само наречение преследует, в конечном счёте, описание мира, а не только обозначение всего сущего» [3, с. 327].

По мнению В.В. Молчановского, топоним является вместилищем знаний о стране, хранителем и трансформатором историко-культурной информации об этносе: «Национально-культурный компонент семантики топонимов отличается особой страноведческой репрезентативностью, богатством культурно-исторических ассоциаций» [3, с. 5]. Ономастический материал обладает огромным культуроведческим потенциалом, декларирует факт культурно-исторической ценности географического наименования.

Ономастическая лексика чутко и достаточно активно реагирует на общественно-политические, социальные, культурные преобразования, выполняя своеобразный социальный заказ того времени, в котором он рождается. Изучение имени собственного требует привлечения обширных экстралингвистических сведений (историко-этимологических, мифологических и т. п.). По мнению исследователей, топонимия – это уникальная подсистема языка, «часть культурной среды народа, его мироощущение, миропонимание и мироконструирование» [3, с. 7]. Топонимия любого региона содержит сведения о важнейших этапах истории материальной и духовной культуры народа, сформировавшего ее.

Безусловно, топоним отличает строгая региональная принадлежность. С одной стороны, географическое наименование передает значимую информацию экстралингвистического характера, а с другой – делает эту же информацию закрытой для «непосвященных», не владеющих необходимыми фоновыми знаниями, которые концентрируются в ономастической лексике. Образная номинация, заключенная в топониме, «всегда национально специфична в том смысле, что закрепляет в себе исторически сложившуюся в сознании народа – субъекта номинации картину мира» [2, с. 218].

Фоновые знания формируются в процессе культурно-исторического развития нации, в связи с чем выделяют актуальную и историческую, кратковременную и долговременную топонимическую информацию. Топонимы могут существовать на карте достаточно продолжительное время, и даже после его исчезновения они остаются актуальными на протяжении истории народа.

Лингвокультурологический анализ топонимов позволяет рассматривать их как вместилище знаний о языке и культуре страны. Географические наименования являются отражением истории нации, в них зафиксированы различные периоды развития и процветания языка и культуры общества. Изучение географических названий – одна из актуальных проблем современного языкознания, ибо, появляясь в различные исторические периоды, топонимы развиваются в зависимости от особенностей развития общества, отражая её различные пласты жизни и жизнедеятельности. Человек отбирает из внешнего мира и затем закрепляет в названии только то, что коррелирует с его знаниями об окружающей действительности, отражает его личный взгляд на мир и соответствует его бытийным.

Топонимы определенного региона составляют его ономастическое пространство. С точки зрения национально-этнической и исторической специфики ономастических представлений термин «ономастическое пространство», как правило, используют в двух смыслах:

1) как общелингвистическую категорию, то есть систему ономастических единиц, служащих для специального (более конкретного, индивидуализированного) выделения предметов действительности;

2) как категорию определенного языка в тот или иной период его истории [13, с. 67].

Народ, осваивая территорию, давал названия географическим объектам, учитывая свой опыт, свое знание географического объекта, его назначение. Процесс формирования названия в ходе естественной номинации длителен во времени. Большая часть топонимов возникает в результате естественной номинации, которая идет из глубокой древности и началом ее является знакомство окружающего населения с безымянными объектами, попавшими в сферу хозяйственно-экономической, культурной деятельности человека. Как правило, из суммы признаков, характерного для данного объекта, выделяется наиболее актуальный в тот или иной период жизни человеческого коллектива.

Признаков, по которым географический объект получает название, много, и их, как правило, объединяют, обобщают, в результате чего сформировалось понятие «принцип номинации» как общее направление, по которому идет наименование. Изучение ставропольских вообще, и петровских в частности, топонимов, большая часть которых возникла в ходе естественной номинации, показало, что здесь действуют в основном три принципа номинации:

1) по признакам самого географического объекта (*с. Каменная Балка*);

2) по отношению к человеку (*с. Константиновское, с. Благодатное*);

3) по отношению к другому объекту (*х. Цветочный, ул. Л. Толстого*).

Каждый из этих признаков включает в себя определенный набор признаков. Так, первый принцип номинации объединяет названия, созданные на основе актуализации признака формы, размера, внешних и внутренних качеств, цвета, местоположения.

В ходе естественной номинации активно работал и второй признак номинации. В разное время географические объекты назывались по именам владельцев, хозяев земли или воды, а также по первым жителям, основавшим селение, по охотникам, рыбакам, использовавшим тот или иной объект.

Третий признак номинации, хотя и объясняет меньшее число топонимов, тем не менее, он достаточно часто использовался в процессе естественной номинации.

Региональное топонимическое исследование имеет целью не только выявить состав и источники формирования топонимов, но и дать семантическую характеристику топонимов, указать принципы номинации топонимов разных типов.

Наша земля обильна большим количеством географических предметов, из числа которых предметы естественного возникновения (острова, пещеры, родники и т.п.) и предметы, сформированные народом (дороги, мегаполисы, промышленность и т.п.). Любому такому объекту необходимо наименование. Равно как в топонимике, таким и в ономастике они носят наименование объекты номинации (латинское *nominatio* – «называние») [11, с. 54].

Топонимы следует разбивать на классы (либо разновидности) в связи с особенностями предмета номинации. Исходя из вышесказанного, топонимическая группа (группа топонимов, топонимическая разновидность) – некая сумма наименований монотипных географических предметов.

Разумеется, что акцентируется ряд ключевых классов топонимов. Они ассоциируются с главными видами географических предметов. Тем не менее, число классов достаточно существенно, равно как существенным представляется и число всевозможных видов географических предметов.

Любая группа делится на подклассы (типы) топонимов, а именно:

Оронимы (от греческого ορος – «гора», ονομά – «имя») – группа топонимов, наименования конфигураций рельефа (объектов орографии). Названия гор, вершин, равнин, впадин, пещер, оврагов и прочих геоморфологических объектов, вступающих в структуру данного класса (*гора Куцай, гора Моргун*).

Гидронимы (от греческого ύδωρ – «вода», ονομά – «имя») – группа топонимов, охватывающая наименования абсолютно всех аква предметов – речек, ручьев, ключей, колодцев, прудов, озер, океанов

и их элементов (морей, заливов, проливов). Сюда можно отнести гидронимы Петровского района, например: *реки Мокрая Буйвола, Сухая Буйвола, Калаус, Карамык, Шангала, Большой Ставропольский канал, заказник Солёное Озеро, озеро Лушниковское*.

Группа ***ойконимов*** (от греческого οἶκος – «обитель», ονομά – «имя») содержит в себе наименования разных населенных пунктов. Класс ойконимов делится на подклассы. Астионимы – тип ойконимов, наименования поселений городского типа (Светлоград). Комонимы – тип ойконимов, содержащий в себе наименования сельских поселений (*села Ореховка, Высоцкое, Константиновское, Благодатное; поселки Прикалаусский, Маяк, Цветочный; хутор Солёное озеро*).

Обширной по числу наименований представляется разновидность ***урбанонимов*** (лат. urbanus – «городской», греч. ονομά – «имя».). Эта группа принадлежит к наименованиям разных внутригородских объектов – улиц, проулков, площадей и т.д.: *улица Красная, Трудовая, переулок Петухов, площадь 50 лет Октября, Выставочная*.

В нынешний период практически в полном объеме научная топонимическая терминология устоялась. Тем не менее, понятийный аппарат нуждается в стабильной систематизации и уточнении. Исследователи до конца не сформировали целостной картины к интерпретации топонимических классов.

Структурно топонимы Петровского района условно можно разделить на:

– однокомпонентные: *г. Светлоград, с. Константиновское, с. Благодатное, с. Гофицкое, с. Высоцкое, с. Ореховка, с. Шведино, с. Просянка, с. Шангала и др.*);

– двухкомпонентные: *с. Сухая Буйвола, с. Николина Балка, с. Рогатая Балка, с. Донская Балка, х. Солёное озеро*.

Анализируя топонимикон Петровского района с точки зрения словообразования, мы пришли к выводу, что большинство названий населенных пунктов образовано путем суффиксации, например, *с. Николина Балка, с. Ореховка, с. Шведино, с. Высоцкое, с. Константиновское*. Также отметим, что присутствуют названия, которые образованы путем сложения основ, например, *г. Светлоград, с. Благодатное*.

С семантической точки зрения мотивированность топонимов Петровского района может быть обусловлена следующими показателями по классификации лексико-семантических типов урбанонимов А.В. Суперанской (Таблица 14):

Таблица 14

Лексико-семантические типы топонимов Петровского района

№	лексико-семантический тип	Примеры
1	наименования в честь отдельных лиц	с. Гофицкое (названо именем активного участника Гражданской войны В. О. Гофицкого), с. Константиновское (название дал селу астраханский губернатор в честь наследника царского престола), с. Донская Балка (название село получило по донским казакам), с. Мартыновка (наименование связано с фамилией помещика Мартынова) [Шаповалов 2008 : 551, 555, 557].
2	наименования по группам лиц	х. Козинка (первыми жителями стала семья Казинских) [Шаповалов 2008 : 553]
3	наименования по внешнему виду или впечатлению	с. Высоцкое (находится на возвышенности)
4	наименования по искусственно созданным микрообъектам	с. Ореховка (расположено на реке Малая Буйвола и её маленьком притоке – Ореховке)
5	наименования по объектам природной микротопонимии	с. Сухая Буйвола (находится на р. Сухая Буйвола, в балке, окруженной двумя высотами, на сухом месте), с. Прикалаусский (расположилось на реке Калаус), с. Шведино (расположено на правом притоке реки Калаус – Шведянке) с. Шангала (расположилось на реке Шангала)
6	наименования, связанные с церковными названиями	с. Николина Балка (легенда гласит, что название селу дано в честь Николая Чудотворца)
7	символические наименования	с. *Благодатное* (от благодатных условий жизни в нем»), с. Рогатая Балка (название получило от двух сходящихся балок, сверху кажущихся рогами животного) [Шаповалов 2008 : 548, 557].

Национальность жителей осваиваемой территории, их социальная принадлежность – важный фактор описания топонимического пространства. Так, крестьяне из Курской, Тамбовской, Воронежской губерний дают названия таким населенным пунктам, как *Берестовка, Медведка, Ореховка*, что позволяет говорить о безграмотности имядателя, использующего словообразовательные средства, характерные для разговорной речи. Л.П. Воронина в статье «Семантика и прагматика деминутивных суффиксов в русском языке» утверждает, что «деминутивный суффикс имеет двухъядерную структуру: в его семантике существуют два взаимосвязанных компонента – семантический и прагматический. деминутивы с продуктивными суффиксами -ок, -ик, -чик, -к(а) и др. характеризуются наиболее широким спектром частнопрагматических функций и относятся к просторечию. Эти словообразовательные средства служат для выражения смыслов субъективной модальности. Причем один и тот же суффикс может выражать противоположные смыслы: от положительного до отрицательного. Производные, образованные от производящих основ с конкретно- предметным значением, могут выражать значение «меньше нормы по объемным параметрам» и иметь уменьшительное значение. К уменьшительному значению могут добавляться эмоциональные компоненты положительного или отрицательного спектра. При этом деминутивы имеют уменьшительно-ласкательное значение или уменьшительно-уничижительное.

Мировосприятие нации в целом определяется не только рационально-логическим осмыслением мира, но и созерцанием, чувствованием, осмыслением и оценкой мира, которые реализуются в наименовании топонимов, в силу чего можно утверждать, что они играют важную роль в культурно-философском восприятии жизни нации. Географические наименования по праву можно отнести к лингвокультурологическим феноменам, функционирующим в коммуникативном пространстве языковой личности, образующим и несущим своеобразный национальный колорит. Связь между топонимом и обозначаемым объектом сложна, она не прямая, а опосредованная. Значение топонима – это не столько отношение к самому обозначаемому объекту, сколько к его образу в сознании индивида. Ономастическое пространство определяется моделью мира, существующей в представлениях данного народа в конкретное время.

Географические объекты, объединенные единством территории, получают названия в рамках исторически сложившейся топонимической системы региона. Термин «топонимическая система» многозначен. С одной стороны, это сумма или совокупность топонимов, находящихся в данное время на данной территории [1]. С другой стороны, акцент может быть проставлен на понятии системы – механизма, преобразующего топонимический материал в соответствии с определенными признаками анализа топонимических моделей, образцов [2, с. 5]. Помимо инвентаря образующих средств и территории их распространения, в понятие системы иногда включают оппозицию образующих элементов. Сочетание социального, территориального, историко-этнического с сугубо лингвистическими критериями (например, функциональностью) порождает комплексные определения топонимической системы: известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего его языкового коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности; совокупностью географических названий, организованных по территориальному и языковым признакам [3, с. 93-94]. Современная русская топонимия, имея дисперсное распределение по ономастическому континууму, отличается от объединений иных онимов (антропонимов, зоонимов, мифонимов и др.): здесь словесный знак «одновременно и означает и обозначает» (А.А. Уфимцева), этимология онимов поддерживается топонимическим и физико-географическим рядом. Топонимом, как известно, может оказаться имя любого объекта природы. Категориальная принадлежность налагает свою специфику на характер топонима. Сама классификация топонимов по соотношению с природным объектом столь разнопланова, что вызывает сомнения в принципиальной возможности создания таковой (В.Д. Беленькая).

Обзор имеющихся классификаций топонимов демонстрирует колебания их авторов между экстра- и интралингвистикой. В первых рядах стоят системы группировки материала Ф.Шварцем, В. Ташицким, во-вторых, Миклошичем [4].

Вслед за А.В. Суперанской, мы подразделяем географические объекты на топонимы и микротопонимы, топонимы – «индивидуальные названия природных и искусственно созданных объектов.

Они, как правило, не отражают каких-либо характеристик именуемых объектов» и микротопонимы – «это индивидуальные названия небольших природных и искусственно созданных объектов, обычно отражающих их характер и свойства» [4, с.48]; «название небольшого местного объекта, как правило, физико-географического или внутригеографического: луга, поля, рощи, улицы» [2, с.16].

По мнению Л.А. Климковой, «элемент «микро» в терминах «микротопоним», «микроантропоним» можно рассматривать как перенесенный с общественного, общеупотребительного, не вызывающего возражения термина «микросистема». Если для микроантропонимии это относится к одному коллективу какого-то учреждения, подразделения, семье, нескольким семьям, находящимся в родственных отношениях, то для микротопонима – это один населенный пункт большего или меньшего размера [5, с. 105]. Недостаток традиционного термина видят в том, что через компонент «микро» создается представление о размере объекта номинации. В действительности указанный элемент обращен к сфере бытования онима: функционирование категории «микро» ограничено рамками микросистемы [6, с. 170].

Выделение ядерных и периферийных компонентов в этом субполе зависит от различных факторов. Например, для В.И. Супруна к таковым относятся «объективная и общекультурная известность,… величина обозначаемого объекта, частотность употребления» [7, с. 104]. Согласно противоположному мнению, в понятие «микро» не входит степень значимости имени для носителей системы: для них все имена, которыми они пользуются повседневно, стали совершенно необходимыми, коммуникативно важными [5, с. 105]. Оппозиция макро- и микротопонимии зависит от социальных и индивидуальных критериев: небольшой географический объект может получить всемирную известность, и наоборот.

2.2.1. Этнолингвистический анализ гидронимов гидронимов региона

Общее количество поименованных водных объектов составляет 120 единиц, т.е. 29% от общего количества обследованных топонимов.

Ономасты придерживаются мнения, что легче всего изучать топонимические субстраты по названиям водных объектов, особенно крупных рек. В названиях крупнейших из них (на территории Ставропо-

лья) закреплены признаки, свойственные мощным горным рекам: *Кубань* от ’быстрый, бешеный’; *Терек* ’быстрый, сильный’. Термин вода во многих языках выступал в качестве обозначения рек; крупные водные потоки называли просто *реками*. Иллюстрацией действия данного номинативного принципа являются гидронимы *Сенгилей* (*сенг* ’поток’, *лей* ’река’) [8, с.379]; *Егорлык* - название одной из крупнейших рек Ставрополья (длина реки –388 км) с притоками *Ташл (Чла), Малая и Большая Кугульта* и др. переводится с тюркского как ергелик ’ручей’ [8, с. 218]. Родовое название *лиман* запечатлено в топониме – обозначении пруда (*Лиман).*

В названии левого притока *р. Егорлык – р. Темной* (длина 19 км.) – лежит колоративный принцип номинации. Строго говоря, речь идет не о названии цвета (слова *светлый, яркий, тусклый, блестящий, пестрый* не принадлежат к цветообозначениям), но о квалификаторах яркости. Известно, что традиционно относимые к цветообозначениям собственные имена *Белый и Черный* (не говоря уже о *Седой)* в названиях водных объектов синонимичны квалификаторам яркости: *Белый = Светлый, Черный = Темный*. Основанием для вывода служит анализ «изобразительных толкований», указывающих на типичный объект, обладающий данным цветом: черный – «цвет сажи, угля», белый – «цвет снега или мела» [9, с. 58].Топоним *Белый* использован для называния пруда, ключа; *Черный* – пруда, колодца; *Темный* – реки и пруда; *Светлый, Седой* – колодца. На темный непрозрачный вид воды указывает и топоним *Мутнянка* (река). Большое разнообразие цветовой гаммы отличает СИ родников – *Малиновый, Лиловый, Серебряный*. Поскольку первый цвет по-разному воспринимается носителями языка (красный/ красный с фиолетовым оттенком) [9, с.58], то имеет смысл отнести название к синестетическим (характеристика «сладкого» вкуса воды; ср. малиновый звон), сугубо национальным.

Вкусовые качества воды как основа жизни нас и наших предков оценена в названиях рек (*Горькая);* озер колодцев, родников, (*Соленое, Соленый, Сладкий*). Название *Соленое* характеризует озеро с самоосадочной солью. В данных примерах внешний признак (вкусовые ощущения) дополнен функциональным (степень пригодности для питья). Количество малопригодных объектов несколько больше, составляя с пригодным соотношением 3:2. Подобным объектам приписывается влияние потусторонних сил: *Змеиный ключ* – «вода в нем соленая, для питья не годится».

С позиции функциональности родников оценивается их объем (*Глубокий / Малый*), пригодность в хозяйственной деятельности: *пруд Поливной, родник Охотничий, Заячий, Безрыбный, Карасёвый.* Здесь снова вступают в силу представления наших предков о нечисти, влияющей на окружающие топосы: *Бисов омут* – «глубокое место в реке, где много людей утонуло; все его стороной обходят, даже рыба там не ловится».

Традиционный для славян принцип номинации рек по характеру прибрежных фитонимов реализован в региональной топонимике в полной мере. Это относится к таким онимам, как р. *Вербовка, мыс Вишнёвый, р. Грушовка, балка Дубнячок, х. Дубовый, х. Калиновый, пруд Камышовый, балки Кизиловка, Терник, Терновка*. Характерно, что название *р. Кугульта* в переводе с калмыцкого означает «место с терновником», что свидетельствует об объективном отражении признака денотата. Функциональный подход, проявленный через семантику производящих, заставляет маркировать в основном плодоносящие культуры (вишня, груша, калина, терн, кизил). Знание о зарослях камыша или заиленности дна в названиях прудов *Камышовый, Иловый* служило сигналом для «плавсредств» или промысловиков (рыбаков, охотников). Признак наличия/ отсутствия растительности около воды обнаруживаем в ониме *Плешивый* (пруд), живых организмов в гидрониме *Журавка* (левый приток р. *Томузловки,* где в долине водились журавли); *Вшивое озеро*. Последнее в настоящее время представляет собой реликтовый водоем в 3 км. от п. *Дёмино,* объявленный зоологическим заказником из-за большого количества водяных блох, циклопов, мелких рачков («вшей») [10, с. 136].

Система координат, дошедшая до нас через время, имеет в топонимии региона несколько облегченный вид (отсутствующие СИ взяты в скобки):

Северным назван ключ и пруд, *Верхний Егорлык*. Как видим, «юго-восточное» пространство региона ничем не маркировано.

Объекты ориентации могут быть естественными (*Горовой, Подгорный колодец*) и искусственными (*Запрудный пруд*).

Коннотативный компонент включен (хотя бы на этапе создания имен) в значение топонимов *Забавный, Кривой (пруды), Беспутка (река), Тоненький (пруд), Тоненькая топь (река)*. Экспрессивные характеристики ощущений температуры воды в *ключе Калёный, родниках Ледяной, Холодный*. Если «узелками» культурной памяти, по выражению А.Т. Хроленко, могут оказаться синонимы, то именно цепочка (*Ледяной – Холодный – Каленый*) напоминает о сходстве реакций организма как на высокие, так и на низкие температуры.

Названия отантропонимических гидронимов могут вести начало от а) владельцев территории, объектов; б) лиц, приложивших усилия к созданию искусственных объектов; в) примечательных чем-либо иным личностей. На уровне синхронного анализа выбор одного из трех возможных ответов редко когда доступен исследователю. Например, *Федорова запруда* – «Федор Малахов сделал от Егорлыка запруду и зарыбил её»; ср. с: *Николин ключ* – «считается, что если прочитать молитву Николаю Угоднику и набрать воды из родника, то вода становится целебной».

Формальными показателями служат суффиксы со значением принадлежности -ев/-ов, -ин/-ын, например: *Алёнкин, Зеночкин* (ключи), *Пашков, Бирючков* (колодцы) и др. Среди производящих личных имен отмечены: *Алёнка, Аня, Манька, Глаша, Петр, Пашка, Татьяна;* фамилии *Беляев, Волобуев, Зеночкин, Желябов, Лопатин, Москвитин, Черников* и др. На принадлежности природных объектов (прудов) может указывать формант –ский: *Батуринский, Ектерининский, Ивановский, Калиновский, Муравский, Чигоревский, Ясиновский.*

Признак «национальность» вписывается в противопоставление «свое – чужое», согласно закону относительной негативности географических названий, к «своим» относятся названия леса, реки (*Русский, Русская*); к полю «чужой» – дримонимы *Татарский, балка Татарская, село Татарка*, – с одной стороны, с другой – *Ляхова (балка), Польская равнина (поле), Польский (хутор), Польская окраина (часть села).*

СИ *Татарка* используется для обозначения как правого, так и левого притока *р. Егорлык*, левого притока р. *Карамык*; обознача-

ет оно и сельский населенный пункт. Выделение объектов из ряда других берет истоки в этнопсихологии русских переселенцев, для которых все тюркоязычные местные жители осознавались как *татары.* Репрезентация этнокультурной информации в плане «образа чужого или врага» частично совпадает с ситацией, описанной Е.Л. Березович, где обе эти функции объединяют поляков (ляхов) и татар. Однако при единстве предмета действительности здесь налицо различие содержаний, т.е. значений лексических единиц: «татары» воспринимались в первую очередь как реальные представители других этносов (а значит других традиций и ментальности), а не как мифологические «татары» северных топонимических легенд. Русские поселенцы на Ставрополье селились на территории с уже сложившейся топонимической традицией и заимствовали существующие тюркские топонимические названия. По свидетельству Ф.А. Щербины в 1779 году, течение р. Егорлык было занято кочевьями ногайцев касаевской орды [11, с. 381].

Что касается поляков, мы имеем в виду реальных поселенцев, которые впервые попали на Кавказ как военнопленные после войны 1812 года (2 тыс. человек в Ставрополье в целом), а с первой трети XIX в. в ряды польских поселенцев влились шляхтичи, сосланные царским правительством на Северный Кавказ после подавления антиправительственного восстания. Хутор *Польский*, к примеру, был создан как поселение из 18 семей поляков (1833г.) «Цыганские» места сосредоточения разбросаны по всей территории России, исследуемый регион не является исключением *Цыганская окраина* (как часть села), *Цыганская плешь* (место стоянки цыган).

Если рассматривать проблему «своего – чужого» глубже, нежели на лексическом уровне (в его синхронном срезе), то отношения разноязычных этносов, оказавшихся соседями не территории вторичного заселения, предстанут не столь однозначными и «антагонистскими». Известно, что ценности в значительной мере определяются идеологией, общественными институтами, верованиями, потребностями. То, что ценностная картина мира проецируется на языковую, доказывают экскурсы в этимологию топонимов края. Так как наивной и универсальной бытийной ценностью является (при любых видах хозяйственной деятельности) вода, доминирующим пространственнообразующим объектом выступают гидронимы. На-

звание реки *Сенгилей* возводят к собственному имени, «бытовавшему у ногайцев до появления русских на северо-западе края» [12, с. 139].

Между тем тюркский язык позволяет выделить в слове два корня – *эсен* ’здоровый, богатый, обильный чем-либо’, *гелей* ’трава типчак’. Это позволяет В.А. Колесникову трактовать *Сенгилей* как «местность, изобилующая типчаком»: «для степняков-ногайцев, некогда кочевавших в этих местах, это имеет значение, ибо типчак произрастает большую часть года, что тогда было крайне важно для их стад, находившихся на постоянном подножном корме» [13, с. 148]. Поспелов Е.М. же дает такое трактование названия *Сенгилей* морд. *сянг* ’приток’*, лей* ’вода’ [8, с. 166].

Русские или приспосабливали непонятные им онимы по принципу подобной этимологии: *Ташла* ’река, текущая по камням’ – *Чла*; *Егерлик* ’ручей’ – *Егорлык* или адаптировались к уже имеющимся названиям, расширяя сферу их применения: *р. Кугульта* – от калм. *кугуль* (терновник), *р.Тугулучок* – от калм. *тугул* (ключевое поселение) [14, с. 291, 298]. Эти названия стали ойконимами *Тугулук и Кугульта.*

В результате преобразований многие тюркские топонимы-субстраты оказываются практически неузнаваемыми: утрачиваются или переосмысливаются корни и аффиксы, происходят фонетические изменения (устранение сингармонизма в *егерлик*). Например, калмыцкое *аршан булук* ’целебный родник’ русифицируется в *Аршанвода Аршаватка // -еватка Расшеватка.*

2.2.2. Этнолингвистический анализ геонимов региона

Количество топонимизировнных «сухопутных» (295) объектов от общего числа географических объектов превышает количество гидронимов (120).

Ойконимия исследуемого региона представлена такими крупными селами: *Пелагиада, Надежда, Казинка, Дубовка, Тугулук, Кугульта, Старомарьевка*, двумя станицами *Новомарьевской и Темнолесской* и одним гордом *Михайловском,* районным центром. Все эти населенные пункты сохранили свои названия в основном без изменений с момента основания, т.е. с конца XVIII начала XIX века.

Официальных сведений о происхождении этих ойконимов по большей части не сохранилось, но существует множество версий

и легенд. Отметим, что названия *Надежда, Михайловск, Пелагиада, Старомарьевка, Новомарьевская* имеют именные топоосновы. О возникновении онимов *Пелагиада, Надежда и Михайловское* официальных сведений нет, но существуют различные легенды. По одной из них, все три села получили свои названия от имен детей командира Хоперского полка, ведавшего расселением однодворцев, *Конона Устинова: Михаил, Пелагея и Надежда*. Наряду с этой версией, у каждого села есть своя легенда о возникновении названия. Так, село *Пелагиада,* основанное в 1794 году, было названо по имени цыганки Гиады. Табор девушки кочевал в окрестностях поселения, где находился гусарский полк. Прекрасное пение девушки пленило гусар, и один из них влюбился в Гиаду. Отец цыганки не давал согласия на свадьбу, и тогда влюбленные решили бежать, но отец догнал их и убил Гиаду. То место, где стоял табор и пела цыганка, назвали *Пелагиадой,* а там, где она погибла – *Палагиадой.*

Селение *Михайловское* было основано курскими однодворцами в 1784 году, которые назвали новое поселение в честь родной слободы *Михайловской,* После 1945 года оно получило название *Шпаковское*, в честь красноармейского командира Фомы Григорьевича Шпака, но с 1 января 1999 года преобразовано в город *Михайловск.*

Село *Надежда*, основанное в 1783г., первоначально называлось *Мамайским* - по реке *Мамайке* (по берегам этой реки обильно рос камыш, и в нем легко было спрятаться горцам, которые в то время очень часто совершали набеги на вновь образованное селение), но через несколько лет оно было переименовано в *Надежду*. Станица названа *Новомарьевской* командиром казаков станицы *Ставропольской,* согласно легенде у него была любимая женщина в *Марьино (ныне Старомарьевское*). Как-то находясь на охоте в лесу, он встретил женщину редкой красоты и влюбился в нее. Красавица была жительницей станицы, звали ее Марья. К прежней возлюбленной он уже не ездил. И когда казаков спрашивали, где ваш командир, те дружно отвечали – поехал к новой Марье. Отсюда и *Новомарьевская* (записано Т.К. со слов жителей станицы Новомарьевской Катренко Л.П.).

Темнолесская (расположена у подножия Темного леса) и *Дубовка* (в Дубовой балке) имеют естественно-географический характер именования. Названия *Тугулук и Кугульта* имеют тюркские корни (см. выше) [14, с. 291, 298]. Село *Казинка*, по данным ревизской

сказки 1835 года, называлось отселком *Казинским* и принадлежало богатому крестьянину селения Пелагиады Козинскому. К этим муниципальным образованиям примыкает множество хуторов, названных по особенностям расположения населенного пункта: *Холодногорский* (у подножия горы Холодной), *Северный, Нижнерусский* (расположен у подножия Русского леса), *Степной, Приозёрный, Верхнеегорлыкский* (по течению реки Егорлык), *Ближний, Верхнедубовский, Гремучий* (по течению р. Гремучей), *Калиновый, Балки, Рынки, Садовый* и др.

Населенные пункты не представляют неделимого целого и дробятся на *Центр* (часть села) и окраины *(Польская, Цыганская, Сибирка*), углы (*Казачий, Красный, Чёртов*). Внутри периферийныйх объектов (полей, мостов и т.д.), относящихся к сфере обитания и хозяйственной деятельности человека, встречаем СИ сенокосов *Окольный, Правый околок (*ср.: околица, около). Указания координат типа «право – лево» редки: кроме вышеназванного, к ним принадлежит *Левый стёг* (сенокос). Ось «верхний – нижний» проявляется в топонимах *Верхняя Сотня* (часть селения), *Нижний (*сенокос). Концентры идут от исходной точки (селения) через его окраинные зоны к периферии хозяйственной деятельности (сады, поля), через мосты и дороги в природное окружение (леса, балки, горы и др.). Последние рассматривались в двух аспектах – функциональности и опасности для жизни. «Живя в стране степной, среди постоянных опасностей, от которых нужно было, покидая жилища, искать убежища в лесах и укрепленных городах, значительную часть времени посвящая на разъезды вдали от домов и семейств», жители «не могли не приобрести равнодушия ко всему, что может иметь место только при жизни мирной и спокойной, т.е. к удобствам жизни, к промышленности. Вместе с тем, на их характере должна была отпечататься некоторая суровость и жестокость, переходящая от поколения к поколению» [15, с. 224].

Опасность для жизни русскоязычного населения исходила от а) природных объектов б) и военно-политической обстановки, что отразилось в СИ:

горы*: а) Гремучая, Волчьи ворота, Крутяк, Острый курган, Чёрная, Холодная, Лысая, Шпиль; б) Недреманная, Бикет, Стрижамент;*

леса: *а) Долгенький, Тёмный; б) Татарский, Воровской, Войсковой;*

балки*: а) Тёмная, Невдоба, Перерванка, Смерть-балка, Глубокая, Морока, Чёрная; б) Татарская, Ляхова, Солдатская.*

Реальную опасность могли представлять и искусственно созданные объекты, более близкие к центральной точке радиальной пространственной модели, например: *Собачий, Лисий (сады); Загиб, Кривой, Опасный (мосты); Змеиный (сенокос); Тёмный шлях (дороги).*

Состояние сознания, переходящее от предчувствия опасности к надежде и благополучному исходу, отражено в топонимах: *Бикет ' пикет', Недреманная* (горы; ожидание опасности), *Надежда* – (селение), *Рыданчик* (лес), *Ясный* (поселок), *Весёлый* (хутор), *Благодатное, Счастливое* (поля), *Дивный* (сенокос), *Извещательный* (хутор, сенокос; предупреждение об опасности).

Указания на опасность погибнуть в стычках или более масштабных сражениях заключены в лексических и фразеологических единицах, реализующих концепт «война»: *Солдатская (балка), Верхняя сотня (мост), Казачий угол (район), Гетманов, Есаулов (сады)*. Значительное количество хуторов действительно принадлежало высоким воинским чинам: хутор *Цимлянский* (по фамилии есаула Цимлянского), х. *Колюжный* (принадлежал помещику Колюжному), х. *Липовчанский* (по фамилии есаула Липовчанского).

«Некоторая суровость и жестокость», замеченные Г. Германовым, свойственны номинации природных объектов. Точнее будет сказать, что грубоватые народные названия явно отражали мужскую культуру, преобладание которой чувствуется в походных условиях жизни первопоселенцев. Таковы агронимы: *Бычий клин, Сапог, Штаны* (в последних использовано родовое название формы поля), сенокосы*: Пупок, Чёртов угол, Бабий клин*; дромонимы: *Алёхина дорога, Собачий (сад), Калгановка* (часть села) и др.

Первичной семиотической моделью является наименование по внешнему признаку. Чаще всего номинация географических объектов идет по следам зрительного восприятия: *Два брата, Двойчатка, Шпиль, Лысая* и др. (горы), редко – дактильных, реальных и виртуальных (*Холодная, Острый Курган*) и слуховых (*Гремучая*). Впрочем, как считал Б.А. Рыбаков ритуальные возвышенности с широко распространенными у славян названиями Лысая гора, были названы так потому, что их верхняя часть расчищалась под «требище», ритуальное сборище [16, с. 286].

Многочисленную группу составляют микротопонимы, в которых реализуется гендерный принцип разграничения пространства, связанный с реализацией обобщенных образов мужчины и женщины. В силу своей социальной роли женщина осваивает пространство очень замкнуто, в небольшом диапазоне, в результате чего женские топонимы реализуют «непространственный способ выражения пространственных отношений, являясь маркером близкого расположения объекта к дому» [17, с. 72]. Мужчинам принадлежит все оставшееся пространство, находящееся за пределами женского влияния.

В образовании микротопонимов чаще всего используются топоосновы, отражающие либо женский именник, либо анатомические детали облика женщины. *Аниськина межа* – «узкий кусочек земли, находящийся между двумя огородами, принадлежавший сварливой бабке Анисье» (записано Т.К. со слов Башкатовой А.И. жителя с. Пелагиады), *Сенин мост* – «за этим мостом живет знахарка Сенька, к которой ходят порчу снимать» (информант тот же), *Марькин пуп* – «небольшой курган в пахотном поле, который создает неудобства для пахоты» (записано Т.К. со слов Блевцак Т.И жителя х. Польского), *Бабья ляжка* – «покос на горе, сверху широкий и сужающийся к подножью» (информант тот же), *Марькин вражок* – «овражек, куда бабка Марья мусор с огорода выносила » (записано Т.К. со слов Золоторевой Т.И жителя ст. Темнолесской), *Вдовий покос* – «покос принадлежал вдовой казачке» (информант тот же). В женских топонимах отражается сакральная идея плодородия, связанная с землей.

Мужской образ в микротопонимах отражен в меньшей степени, чем женский. Во многом он связан с охотой и рыболовством, и предания, связанные с этими онимами известны узкому кругу людей. *Дедова фашина* – «небольшой овраг, скрепленный изгородью из прутьев, чтобы его не размывало; хорошее место для охоты, где на зарянке лежит заяц» (записано Т.К со слов Блевцак Ю.Я. жителя х. Польского), *Лопатин лес* – «принадлежал помещику Лопатину» (информант тот же), *Кузимина гора* – «на самом высоком месте стояла хата одинокого деда Кузьмы» (записано Т.К. со слов Головкова А.М. жителя с. Пелагиады).

Особый интерес представляют микротопонимы, отражающие представления о сверхъестественном, о «виртуальной реальности». За этими онимами всегда скрывается либо неподдельный страх,

либо особое почитание, так как за этими названиями стоят архаические представления о `темных` и `светлых ` силах. *Ведьмин выпас* – «там растет много травы, которая в народе называется `змеиное молоко`: если растение надломить, то появляется млечный сок, от которого на коже появляется ожог, его используют для приворота» (записано Т.К. со слов Нечаевой Р.В. жителя г. Михайловска). Нередко с нечистым местом связана кошка, как проводник в потусторонний мир. *Кошачья задница* – «место, которое надо обходить, либо плевать через левое плечо, а то счастья не будет» (записано Т.К. со слов Лудановой О.М жителя с. Пелагиады), *Кошкин камень* – «если через него переступишь – заболеешь» (записано Т.К. со слов Орловского К. М. жителя с. Надежды).

Микротопонимов, связанных со святыми местами на данной территории намного меньше. *Крестный холм* – «на холме поставлен поклонный крест погибшим войнам, поэтому это место считается священным».

Взаимодействие традиционной крестьянской культуры с новыми средствами массовой информации приводит «к обновлению арсенала лексических средств и, соответственно, смене стилевой тональности топонимии…» [17, с. 93], например, *Камень Любви, Дорога влюбленных*.

Представления о животном мире дают названия балок: *Ежовая, Лисья, Орловая; сенокосов: Змеиный, Заячий, Воловий, Овечий и др.*

Благодаря отфитонимической лексике, мы имеем представление о природном окружении поселенцев*: Дубовая, Кизиловая, Терновая, Тутовая* (балки), *Дубняки (поле); Виноградники, Ковылёвый, Сурепий, Земляничный (сенокосы), Грушевый, Ранетка, Семеренский, Черешневый, Яблоневый* (сады). Как видно, высокой частотностью обладает корень *дуб* – (*Дубовая, Дубовый, Дубняки, Дубовый шлях*), что свидетельствует также о ценностной ориентации имятворцев. К тому же, отфитонимы также подчиняются этнокультурному делению на «своих» и « чужих». К последним, скорее всего, относятся экзотические *виноград, кизил, тутовник.*

Как отмечает Д.И. Багалей, слишком много своих сил однодворцы отдавали на защиту государства, и слишком мало оставалось для них самих, для поднятия собственного экономического благосостояния и увеличения своих культурных потребностей. Считают, что селения их в целом были беднее сел экономических крестьян или

малороссов [Цит. 13, с.43]. Очевидно, обогащению не способствовали и природные условия, о чем говорят названия полей: *Ветровое, Открытое* [ветрам и врагам – Т.К.], *Голое, Босое, Нагое, Нищее, Лысое;* сенокосов: *Колючий, Подзольный, Невдоба, Песчаный.*

В этой нами был проанализирован состав производящих основ для различных видов собственных, бытующих на территории северо-запада Ставропольского края, с точки зрения их способности отражать взгляд на мир жителей региона.

Набор мотивационных принципов для создания онимов каждого из видов сочетает закономерности русской онимической системы со спецификой регионолекта внутри общенациональной территории, т.е. отвечает диалектике общего и частного.

Антропонимическое подполе представлено микрополями фамильных онимов, прозвищ.

Из двух групп (антропонимических и прозвищных) производящих слов для фамильных онимов в обследованном нами регионе группа патронимических производящих личных имен составляет 26,2%. от всех фамилий региона. Её отличает архаичность производящих личных имен – крестильных имен. Трансформации официально-паспортных имен в простонародные обычно носят комплексный характер. Разнообразие деминутивных и пейоративных форм невелико; максимальное количество форм от одного производящего не превышает трех - четырех: *Алексей – Алеха – Леха; Васильй – Вася – Васька; Иван – Ивашка – Иваха – Ишко – Ваня.*

Женские имена, особенно в полной канонической форме, фактически единичны (1,5%), что объясняется традицией наследования по мужской линии.

Дворянские фамилии образуются, за редким исключением, от полных официальных личных имен.

Среди отпрозвищных фамилий, которые составляют 73,8% всех исследуемы фамилий) наименьшим удельным весом обладает группа признаков, нерелевантных для называния абстрактных понятий: «Человек как разумное существо». Широко представлены такие признаки, как характер, род деятельности лица; подчеркивается сходство с животными, птицами. Характеристики внешности и рода деятельности человека содержат обширную информацию о диалектном характере многих основ, что обращает исследование языка в русло исследования культуры переселенцев.

Разнообразие признаков номинации, традиционно свойственных топонимии в связи с охватом большого количества географических объектов естественного и искусственного характера, наличествует в региональном топонимиконе. Метафорический и метонимический принцип позволяют выделить ценностные для русскоязычных переселенцев предметы и явления окружающей действительности.

Среди групп производящих наличествуют фитонимы, зоонимы (апеллятивная лексика), отражающие окружающую среду как в названиях геонимов (оронимов, ойконимов), так и в гидронимии. Реалии, характерные для быта переселенцев (*бударка, клин, сараи* и т.п.), наименования лиц (*вдова, бобыль; есаул, гетман)*, действий *(брык*), сравнение с которыми служит основой для вторичных топонимических номинаций, позволяют представить коллективную языковую личность жителей северо-западной части Ставрополья.

Региональная специфика топообразования определяется концептом «военные действия, служба», пресекающимся с концептом «чужие». Неофициальные, грубоватые народные названия природных (гор, рек, озер, балок, лесов) и созданных объектов корреспондируют с образом закаленного трудностями крестьянина-однодворца, который верит как в покровительство светлых сил (*Николин ключ*), так и в противоборство их с нечистыми (*Бисов омут, Змеиный ключ)* в окружающем мире.

Географические названия оказывают большую услугу при изучении региона, его истории. Микротопонимы данный тематической группы несут информацию об особенностях местности, о характерных признаках и свойствах окружающей среды, объектов и в большинстве своем обусловлены их реальным содержанием.

2.3. Система ценностных ориентиров в топонимиконе Ставропольского края

Каждая нация или народность – уникальное порождение многих эпох со своими традициями, обычаями, культурой, территорией, духовной и религиозной приверженностью, языком, а также своей национальной ономастикой.

Названия географических объектов являются одним из важнейших памятников истории, языка и требуют бережного сохранения,

научного исследования. В названиях рек, гор, урочищ Ставропольского края зафиксированы этапы заселения региона, освоения его природных богатств человеком, отражены памятные события, имена жителей. Факты материальной и духовной культуры, объективированные словом национального языка, особенно рельефно выступают в топонимии. Географические имена собственные – ключ к духовной культуре народа, к оценочному потенциалу имени, бытующему в народной среде. В качестве творца топонимического материала выступает коллективный носитель языкового сознания, чьи мировоззренческие основы базируются на мифологической основе или на материале преданий, связанных с заселением Предкавказья в ходе или после Кавказских войн.

Будучи текстом культуры [7, с. 178], историко-культурной биографией осваиваемого пространства, русская топонимия Северного Кавказа содержит как экстралингвистическую, так и лингвистическую информацию пространства, и, как отмечает Л.П. Ефанова, «состоит из адресно-идентификационного, хронологического, этимологического, историко-культурного, перифрастического, нормативно-речевого, структурно-образовательного, ассоциативно-текстового блоков. Это все фоновая информация различного статуса, и она включается нами как составная часть духовной культуры субэтноса, осваивающего новые территории, как его топонимное сознание» [3, с. 193].

Мир души русского человека, черты его национального характера, смысловые доминанты топонимикона – все это средства выявления духовной культуры этноса, вошедшей в контакт с ментальностью кочевых и полукочевых народов.

Топонимика входит в состав языкознания, «представляя в каждом языке свой специальный раздел со своими принципами и интересами, и может быть признана, прежде всего, лингвистической, языковедческой наукой» [4, с. 140].

Система ценностных ориентиров топообъектов основана на знаниях о мире, она порождается исходно видением: Дубовая балка, Липовая балка, Красный яр, Красная поляна, затем – ведением: Тихая улица, но Тихий омут; Рясная поляна, но Рясное болото – в этих случаях коннотации опорного слова являются определяющими факторами, прогнозирующими уход в метафору или иносказание сочетающихся с ними прилагательных. Исследователями приводятся

примеры подобной пограничной локализации топообъектов, противопоставленных по нечистоте/святости; в нашем случае оппозиция усиливается еще и тем, что задействованы компоненты ментального содержания: с идеей святости связано представление о блеске, чистоте, сиянии воды, о ее движении(проточности), эти места, как правило, полезны в хозяйственном отношении, они расположены в доступном месте, которое возделывается или приносит пользу, даже идея «своей» или «не своей» смерти связана соответственно с «чистым» и «нечистым» местом, что и закрепляется в названии топообъекта: Татьянин пруд/ Марьины колодцы; Чистый ручей/ Темная вода; Богов угол/ Чертов угол; Свинячий пруд/Святое озеро. Следует отметить и такую особенность, что освящение места может привести к вытеснению из народной памяти названий, связанных с нечистыми свойствами локуса: пещера Сатаны // Святая пещера; Чертов мост // мост Отшельника. Иными словами, мы должны говорить о зависимости оценки от «человеческого фактора», от интенсивности оценок, показывающих причины и степень эмоционального напряжение имядателя.

Система ценностных ориентиров позволяет отразить особенности эпохи, в которую создавались топообъекты, что рассматривается нами на материале урбанонимов города Ставрополя. На 1960-1970 годы приходится пик промышленного строительства в Ставрополе, за этот период были введены в эксплуатацию, обновлены и реконструированы десятки предприятий машиностроения, легкой, химической, строительной, пищевой, перерабатывающей и других отраслей.

С ростом населения и развитием экономической и культурной жизни рос и сам город. Застраивалась территория верхней части Ставрополя под названием Новый город, в западном и в юго-западном направлении. Одной из первых построек было трехкорпусное здание военного госпиталя, состоящее из каменных одноэтажных домов по проекту архитекторов братьев Бернардацци (ныне Ставропольское Президентское Кадетское Училище). Летом и осенью в 1847 году в этом госпитале работал Николай Иванович Пирогов – основатель русской военно-полевой хирургии. Около госпиталя располагались казармы Кавказского линейного батальона, за ними дома, которые принадлежали женатым солдатам батальона и мещанам. Тут же по равнине тянулась Воробьевка, получившая свое название от бывшего когда-то однодворца Воробьева, поставившего

там первый свой хутор. Быстрое заселение Воробьевки началось с 1836 года и примыкавшая Солдатская слободка, населенная бедными жителями города, к середине XIX века совершенно слились в единое предместье. Этот район не отличался своими постройками, но в климатическом отношении считался лучшим в городе. Здесь находились обширные сады, огороды. Эта часть города состояла из одной улицы, которая простиралась в длину более как на целую версту.

В нижней части города улица пересекала Театральную улицу и вниз от Театральной (нынешняя улица Дзержинского), называлась в начале прошлого века – Третьей, а потом Александровской. В местах Воробьевки неоднократно бывал М.Ю. Лермонтов, когда приезжал в Ставрополь. В его честь в первой половине XIX века верхняя часть улицы называлась – Лермонтовской.

В 1937 году три улицы – Александровская, Лермонтовская и соединявшая их Вельяминовская – были объединены в одну и назвали ее улицей Дзержинского. На этой улице что ни квартал, то история. На том месте, где стоит высотное здание Ставропольгазпрома, работала когда-то типография Минкина. В1905 году в ней одними из первых забастовали печатники. Рядом со Ставропольгазпромом расположен краевой музей изобразительных искусств. А в старом дворике, напротив входа в парк, сохранился небольшой и уютный домик, где в 90-х годах XIX века жил писатель-демократ Коста Леванович Хетагуров, деятельность которого тесно связана с нашим городом. На углу бывших улиц Театральной и Вельяминовской расположено здание краевого управления МВД (бывшая гостиница Пахалова), далее было здание Командующего Кавказской линии (бывший Дом книги). Примечательным является и старинное здание краеведческого музея.

Если в прошлом топонимы получали названия в честь известных людей, которые внесли вклад в историю города, то в наше время все большую популярность набирают топонимы с эмоциональной окраской. Так, например, в октябрьском районе г. Ставрополя наблюдается тенденция к использованию в наименованиях топонимов прилагательных, которые выражают различные оттенки чувств, эмоций и свойств: Надежный переулок, Любимая улица, Мирный проезд, Спокойная улица, Уютный переулок, Верный проезд, Благодатная улица.

В Промышленном же районе видна ориентация на креативную, созидательную составляющую топообъектов (Узорная улица, Ма-

стеровая улица, Творческая улица, Контурная улица, Алмазная улица, Живописная улица, бульвар Архитекторов), связанность с какими-либо фруктами, ягодами, цветами, например, Малиновая улица, Солнечная улица, Кизиловая улица, Ландышевая улица, улица Роз.

В Ленинском районе, в частности в 204 квартале, можно так же, как и в Промышленном районе, наблюдать тенденцию использования топонимов, связанных с растениями и творческой компонентой (улица Кольцо Ажурное, улица Маков, улица Мимоз, Изумрудный проезд, Яблочный проезд).

Можно сделать вывод о том, что в г. Ставрополе наблюдается отхождение от топообъектов, связанных с революцией (например, ул. 50 лет ВЛКСМ) и переход к более позитивным и эмоционально окрашенным (ул. Спокойная).

Основная закономерность конструирования образов святых и нечистых мест все-таки связана с идеей «природности» и «домашности», ибо все освоенное, очеловеченное пространство в первую очередь признается святым или Боговым. И в этом органичная, присущая всей праславянской культуре идея «mir – текст»: «мир – вселенная», «мир – земля», « мир – народ», «мир – община», «мир – покой», «мир – согласие» – внутреннее единство всего того разнообразия, которое покрывается и скрепляется корнем mir – и единство происхождения этого элемента во всех случаях его применения, объясняемое некоей общей исходной ситуацией, которая – «…важнейшее конкретное достижение праславянской культуры и умозрительной «теоретико-спекулятивной» сфере, имеющее «энтропическое» значение, ибо «формирование «mir – текста» и было праславянским вариантом «своего» сотериологического плана: в центре этого текста и этого плана – спасенный мир».

Семантико-грамматическая природа оценки в наших случаях основывается, с одной стороны, на поведении слова в процессе коммуникации (закрепленные смыслы), с другой стороны – на историко-топологическом факторе, который на каком-то этапе был определяющим (условия «ползучей» колонизации и Кавказских войн). Появление большого числа работ, описывающих участие языка в процессах мышления человека и имеющих перспективу характеристики человека через посредство языка (Апресян,1995; Булыгина, Шмелев А.Д. 1996; Вендина,1996; Гак,1994; Караулов,1987;

Маковский, 1992, 1995; Сорокин, 1995; Уфимцева,1995; Яковлева,1994,1995), позволяет искать «путь анализа влияния человека на язык и языка на человека, т.е. феномена первичной и вторичной антропологизации человека; позволяет говорить о языковой картине мира, о языке и ценностях человека, о языке и познании, о nomina propia – в «зеркале культуры», ибо оценочное значение пронизывает живой «организм» языка, в нашем случае топонимию, «кровеносными» сосудами человеческого отношения» [1, с. 149].

Прагматический и лингвистический статус имен собственных ставит их в центр мифопоэтической модели мира, ибо язык и культура здесь сопряжены теснейшим образом. Функционируя в качестве своеобразных индексов, познавательные схемы восприятия: база, профиль, сканирование, точка наблюдения, распределение внимания, силовая динамика, барьер – легко просматриваются при ономастическом осмыслении топонимов и микротопонимов (теория обозначения). Выделяя в объекте мотивирующий признак, человек сопоставляет предметы один с другим или перемещается вдоль границ объекта, учитывая не только то, что на поверхности, но и то, что часто скрыто. Оправданный хронотопически культурно-языковой контакт с кочевавшими здесь ранее тюрко- и монголоязычными народами обусловил освоение исходных гидронимов и топонимов в славянской речевой стихии и связанную с этим неизбежную интерференцию, что привело к возникновению достаточно спорного понятия «русская топонимия Северного Кавказа», в которой соединились наименования вновь возникающих, как правило, вдоль рек поселений и обрастание гидронимов русскими аффиксами и окончаниями (Ташла, Ахтырка, Бешпагирка), а иногда имела место и народная этимология, переводящая незнакомое наименование – р. Бибала – в знакомое и мотивированное семейной леген¬дой – р. Буйвола с вариантами – Сухая и Мокрая).

При этом внутренняя форма оказывается не столько мотивировкой топонима, сколько мотивом предания, ибо феномен фольклорной ремотивации коренится в закономерностях восприятия топонимов. Возникали неизбежно особенности произношения ранее имевших место топонимов, микротопонимов и гидронимов (Каясула/Куяслы, Ашикулак/Ачикулак, Новкус/Невкус), поскольку топонимы сотнями незримых нитей связаны с культурной жизнью человека,

а следовательно, каждый топоним может рассматриваться как культурный памятник своей эпохи. Языковая картина мира кочевников, где человек, как вершина мироздания, смысл всех её составляющих, был главным её персонажем, для «новоселов» потребовала, с одной стороны, проникновения во внутреннюю форму бытовавших ранее образований, с другой – постижение дополнительных оттенков значения, или коннотаций, включающих стилистическую маркированность, экспрессивную окрашенность, ассоциативный потенциал, фоновый компонент семантики (г. Куцай, с. Летняя Ставка, х. Доброжеланный).

Социолингвистическая модель эволюции языковой личности ребенка – обширная и совершенно неизученная область антропоцентрического языкознания, которая нуждается в приложении усилий многих ученых. Пытаясь в первом приближении вскрыть причины эволюции социолингвистической компетенции ребенка, мы сконцентрировали своё внимание на ономастиконе (системе онимических полей), который входит в сознание ребенка в опыте семьи, школы, социума как составная часть историко-культурной информации, наслаивающейся на потенциал языковой личности. А к 15-16 годам «происходит формирование стадии смыслообразования, которая включает в себя сложные семантические процессы перевода знаковой информации с языка словесных значений на универсально-предметный код интеллекта и обратные перекодировки личностных смыслов в вербально-линейную структуру» [1, с. 21]. И вот здесь окружающая подростка действительность, смысловой потенциал номинаций становятся не столько объектом изображения, сколько объектом вербальной рефлексии, получая субъективную оценку. Топоним «предстает в проблесках культуры» потомственного земледельца, а его когнитивный паспорт включает различные блоки информации: денотативный, оценочный, мотивационный, эмотивный, стилистический, – отражая окультуренное мировидение: села Привольное, Изобильное, Прохладное, Благодатное, Благодарное, Подлужное, Дивное, Урожайное, Отрадное.

Ценностными основами этнокультурного воспитания подростков в контексте глобализациионных процессов должны выступать во имя искоренения утверждающегося всё шире и шире «духовного бродяжничества» ценности семейного общения, доброты, милосердия, порядочности, честности, нравственности, высоких жизнен-

ных мотиваций, способствующие сохранению и укреплению этнокультурной идентичности, стремлению к сбережению своей культуры, языка, наследия прошлого и среды обитания, сохранению и упрочению культурно-исторической матрицы страны в условиях языковых ментальностей представителей многоязычного социума.

Обрыв нитей, связывающих образование с христианской антропологией и культурой, осуществленный официально после 1917 года, к концу XX века дал свои страшные плоды: свободного от уз нравственности человека, сменившего «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык» на крайнюю скудность, убогую нищету нашей повседневной речи, на мрачный, блатной цинизм криминального жаргона, на страшную проказу ставшей «структурно и семантически необходимой» матерщины. В этих условиях гуманитарное знание, как смежно категориальная сущность, как творческий разум человечества, должно проводить различение истинных и ложных путей развития человечества и обозначать действительные шаги претворения народного духа в общественной практике.

Топонимы возникают в результате сознательного наречения объектов, специального создания названий. Топоним, как и любое имя собственное, является «свернутым символом, сложным образом соотносимым с природой индивида» [7, с. 205]. Географическое имя собственное информативно не только тем, что в нем есть, но и тем, чего в нем нет. Когда из множества признаков топонима избирается для его названия только один, то для этого имеются очень веские основания. Как известно, выбор признака объекта для образования его имени регулируется принципом относительной дифференциальности или относительной негативности. Породить название объекта может лишь тот признак, который в глазах авторов названия (имядателей) отличает его от других объектов. Примером этому может служить специфика именования топонимических объектов Петровского района.

Село Шангала Петровского района Ставропольского края основано в 1918 году. Старожилы рассказывают, что заселяли эти земли кочевники во главе с ханом Батыем. Селению дали наименование Шангалы, что означает «желтый ребенок» (с языка шорцев – кочевники, заселявшие те земли; позже были изгнаны на Южный Урал). У Батыя было много детей, но самой любимой была дочь Шангалык. Однажды Шангалык затосковала. Причину никто найти не мог никто.

Виною этому был прекрасный молодой человек, джигит, словно луч солнца. Шангалык и ее возлюбленный решили бежать, что не понравилось хану Батыю. Настигли воины хана молодых людей. Шангалык Батый убил вмиг одним ударом сабли, а ее возлюбленного хан велел привязать к хвостам лошадей и гнать их по полю. С того времени рака названа Шангалык, а село, образованное на берегах реки, именуется Шангала. А когда заходит солнце, его лучи отражаются в водной глади – это молодой джигит, подобно солнечному лучу, целует Шангалык.

Существует еще одна легенда, имеющая отношение к горе Куцай. Старожилы рассказывают, что давно здесь жила нечисть. Устраивали они шабаши, пропадали дети. После основания села Петровского решили выстроить церковь, создать покой и порядок, что не одобрили черти и в селе начали происходить странные вещи. Это продолжалось до тех пор, пока не поселился на этой земле отшельник Кусай. И после этого бесы затихли. По словам Кусая, черти оставят эти земли, когда на первое мая високосного года выпадет Пасха. Тем временем старец в ночь перед Пасхой выложит крест через всю гору. Люди смеялись, а бесы боялись. И такой год действительно наступил. Нечисть начала собираться на шабаш. Принесли на это место ребенка, оставшегося некрещённым для жертвоприношения, а в это время Кусай начал выкладывать из камней крест. Нечисть стала разбегаться. Это наказание для старца за то, что он ограбил монастырь и искупить свою вину перед Богом он сможет, когда в ночь перед Пасхой високосного года, приходящуюся на первое мая, на горе выложит на нечистой безымянной горе крест. Знаком прощения станет возникший из ниоткуда храм, который простоит пять минут. В это время всходило солнце и с первым лучом на горе возник храм, внутри которого было слышно пение ангелов. Простоял пять минут и исчез. С тех пор каждый високосный год, когда Пасха выпадает на первое мая, утром на горе возникает храм. Стоит он пять минут, и если успеть забежать в него – он останется здесь навсегда.

В целом, народная этимология позволяет описать прошлое земли, прошлое тех, кто в сложных условиях осваивал землю, на которой предстояло жить детям и внукам. Информация, которую несет каждое топонимическое название, это либо смешные моменты (Голопузовка – района города Светлограда, Сиротское), либо место гуляния (Центр, Бродвей, Стрелка) оценочные подразделе-

ния (река Томузловка, Шангала, Куцай). Закодированная информация может содержать:

1) языковую принадлежность;

2) местоположение объекта и его соотнесенность с другими объектами;

3) различного рода коннотативные признаки, причем коннотации могут входить в семантику исходного апеллятива, но могут и не содержаться в ней;

4) названия, отражающие связь объекта с определенным субъектом.

Региональное топонимическое исследование имеет целью не только выявить состав и источники формирования топонимов, но и дать семантическую характеристику топонимов, указать принципы номинации топонимов разных типов. Топонимическая система определенной территории подвержена воздействию не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов.

Список литературы

1. Варбот Ж. Ж., Журавлев А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. – М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка, 1998. – 615 с.

2. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе. М., 2008. 194 с.

3. Ефанова Л.П. Духовная культура переселенцев сквозь призму микротопонимии // Ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония). – Ставрополь: Изд–во СГУ, 2008. – 292 с.

4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Астрель, 2006. – 1168 с.

5. Луговая Е.А., Луговой Д.Б. Народная этимология в топонимии мест вторичного заселения // Academic science – problems and achievements V (1-2 декабря 2014 г.), North Charleston, USA. p. 140-142.

6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 2012. – 498 с.

7. Попов А. И. Географические названия: Введение в топонимику. – М.: Наука, 1999. – 181 с.

8. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М.: Астрель, 2002. – 512 с.

9. Смолицкая Г.П. Занимательная топонимика. – М.: Просвещение, 1998. – 321с.

10. Суперанская А.В., Подольская Н.В. Терминология ономастики // Вопросы языкознания. – 1969. – №4. – С.140.

11. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2010. – 172 с.

12. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. – М., 1950. – 248 с.

13. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995. – 367 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ономастика как наука имеет давние традиции, но официальный статус особой лингвистической дисциплины она получила сравнительно недавно. Присущие ей закономерности выделяли проприальную лексику как особую подсистему языка и в зарубежной, и в отечественной науке.

Освоение региональной антропонимики дает возможность узнать, принципы номинации личным именем, выявить особенности изменения традиций имянаречения в поликультурном регионе на протяжении двух столетий.

Этнолингвистический анализ фамильных онимов позволил идентифицировать диалектные семантические основы современных фамилий, которые не имеют мотивированной основы в современном русском языке. Например, фамилия Дзюба восходит к диалектному слову южнорусского говора «дзюбый» – “рябой “, т.е. покрытый оспинами. В результате исследования мы выявили, что фамильный фонд переселенцев в большинстве своем остался стабильным, т.е. одни и те же онимы прослеживаются в одном и том же населенном пункте на протяжении двух веков. Это факт говорит о том, что сельское население сохранило оседлый сельскохозяйственный уклад жизни со своими традициями и обычаями.

Региональное топонимическое исследование имеет целью не только выявить состав и источники формирования топонимов, но и дать семантическую характеристику топонимов, указать принципы номинации топонимов разных типов. Топонимическая система определенной территории подвержена воздействию не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов.

При характеристике статуса топонимов мы учитывали, что географические наименования по праву можно отнести к лингвокультурологическим феноменам, функционирующим в коммуникативном пространстве языковой личности, образующим и несущим своеобразный национальный колорит. Связь между топонимом и обозначаемым объектом сложна, она не прямая, а опосредованная. Значение топонима – это не столько отношение к самому обозначаемому объекту, сколько к его образу в сознании индивида. Топонимическое пространство определяется моделью мира, существующей в представлениях данного народа в конкретное время.

Поликультурный и многоязычный ландшафт России, и Ставрополья в частности, создает плодотворную базу для межкультурной коммуникации. И если учесть тот факт, что регионы Российской Федерации наделены правом и обязанностью выбора собственной образовательной стратегии, создания собственной программы развития образования в соответствии с социально-экономическими, географическими, культурно-демографическими и другими условиями, то приоритетная тема «Этнокультура славян и современность», может и должна стать одной из сквозных во всех учебных дисциплинах гуманитарного цикла и в Днях славянской письменности и культуры, которые мы предлагаем считать итоговым мероприятием в образовательно-воспитательном процессе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Басик С.Н. Общая топонимика: Учебное пособие для студентов географического факультета. – Мн.: БГУ, 2006. – 200 с.

2. Березович Е.Л. Русская ономастика на современном этапе: Критические заметки // Изд-во АП. Сер. лит. и язык. – 2001. – Т.60. – №6. – С. 34-40.

3. Буров А.А. Когниолингвистические вариации на тему современной русской языковой картины мира. Монография: Из-во ПГЛУ, Пятигорск, 2003 – 358с.

4. Варбот Ж. Ж., Журавлев А. Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. – М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка, 1998. – 615 с.

5. Воробьева И.А. Ономастика в школе. – Барнаул,1984. – 64 с.

6. Герман Р.Э. Социальное и экономическое развитие Ставрополья в контексте геополитики России на Кавказе: конец XII – начало 60-х гг. XIX века : монография. – Ставрополь : Ставролит, 2017. – 204 с.

7. Германов Г. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Записки Императорского русского географического общества.– СПб. 1857. Т. XII.

8. Гниловский В.Г. Занимательное краеведение. Ставрополь,: Ставр. книж. изд-во, 1974.– 432 с.

9. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе. М., 2008. 194 с.

10. Ефанова Л.П. Ставропольская топонимия как отражение картины мира. // «Сельская Россия: прошлое и настоящее»: Доклады и сообщения 8-й рос. науч.-практ. конф. – М., 2001.-С.235-236.

11. Ефанова Л.П. Выявление компонентов этнокультурного сознания в ономастиконе Ставропольского края // Этнос. Язык. Культура: национальное и индивидуальное мировидение: Материалы 3-ей Всерос. науч. конф. – Вып.3. – Славянск –на –Кубани, 2001. – С.84-88.

12. Ефанова Л.П. Духовная культура переселенцев сквозь призму микротопонимии // Ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония). – Ставрополь: Изд–во СГУ, 2008. – 292 с.

13. Ефанова Л.П. Духовная культура переселенцев сквозь призму микротопонимии // Ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония). – Ставрополь: Изд–во СГУ, 2008. – 292 с.

14. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Астрель, 2006. – 1168 с.

15. История городов и сел Ставрополья: Краткие очерки. – Ставрополь, 2002. –702с.

16. Климкова Л.А. Микроантропонимия как составная часть региональной топонимики// Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994. – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1996. – С.104-114.

17. Колесников В.А. Казаки-однодворцы. – СПб.: Нестор, 2000. – 319 с.

18. Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской (1801-2001): к 200-летию со дня основания. – Ставрополь, «Юркит», 2001. –368 с.

19. Лосев А.Ф. Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы. – СПб.: Алтея, 1997.-614с.

20. Луговая Е.А., Луговой Д.Б. Народная этимология в топонимии мест вторичного заселения // Academic science – problems and achievements V (1-2 декабря 2014 г.), North Charleston, USA. p. 140-142.

21. Луговой Д.Б. Русский ономастикон Ставропольского края (на материале антропо-, топо- и зоонимии еверо-западного региона): Дисс. … кандидата филологических наук. Ставрополь, 2013. – 254 с.

22. Майорова Т.В. Лингвистическое краеведение и его роль в формировании личностных качеств подростка. – Тула, 2007. – 285 с.

23. Немашкалов П. Г. Образование Кавказской епархии и ее роль в жизни Северного Кавказа в 1840-е годы: монография. – Ставрополь: СГПИ, 2017.- 186 с. 15 экз.

24. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 2011. – 349 с.

25. Паустовский К.Г. Мещерская сторона. – М.: Просвещение, 1969. – Т.6. – 647 с.

26. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 2012. – 498 с.

27. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Учеб. пособие для студентов вузов

и системы повышения квалификации педагогических кадров. – М: Издательский Центр «Академия», 2001. – 286 с.

28. Попов А. И. Географические названия: Введение в топонимику. – М.: Наука, 1999. – 181 с.

29. Поспелов Е.М. Топонимический словарь около 1500 географических названий мира. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – 229с.

30. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М.: Астрель, 2002. – 512 с.

31. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – 2-е. изд. – М.: Наука, 1994. – 608 с.

32. Скаткин М.Н. Проблемы современной дидактики. – М.: Педагогика, 1984. – 96 с.

33. Смолицкая Г.П. Занимательная топонимика. – М.: Просвещение, 1998. – 321с.

34. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М: Наука, 1973. – 214 с. 28.

35. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.:Наука, 1989. – 124с.

36. Суперанская А.В. Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. - 175 с.

37. Суперанская А.В., Подольская Н.В. Терминология ономастики // Вопросы языкознания. – 1969. – №4. – С.140.

38. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография. – Волгоград.: Перемена, 2000. – 172с.

39. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград: Перемена, 2010. – 172 с.

40. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. – М., 1950. – 248 с.

41. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношении. – Ставрополь, 1897. – 750с.

42. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс, 1995.- 624с.

43. Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. В 2 томах / О. Н. Топоров. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 243с.

44. Ушаков Н.Н. Прозвища и личные неофициальные имена // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С.146-172.

45. Физическая география Ставропольского края / Н.И. Бутенко, В.В. Савельева. – Ставрополь, 2000. – 176 с.

46. Хроленко А.Т. Проблемы современного лингвокультуроведения //Этнос. Язык. Культура: национальное и индивидуальное мировидение: Материалы 3-ей Всерос. науч. конф. – Вып.3. – Славянск –на –Кубани, 2001.- С.3-11.

47. Чуденцова В.Н. Колоративные номинации и их мотивация // Филология, журналистика, культурология в парадигме современного научного знания: Материалы 49 научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». Ч.2. Лингвистика. – Ставрополь, 2004. – С.58-60.

48. Шамова Т.И. Активизация учения школьников. – М.: Педагогика, 1982. – 204 с.

49. «Школа 2100» // Непрерывное образование: начальная, основная и старшая школа, 2001. – Вып.5. – 239с.

50. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т.1. История края. – Екатеринодар, 1910.

51. Язык и культура Алтая: Сборник, посвященный памяти проф. П.А. Воробьевой. – Барнаул: Изд-во Алтайского. гос ун-та, 2001. – 133с.

52. Caucasica. Кавказоведение. Страницы прошлого. По материалам архива библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С. М. Кирова (1926-1937) : антология / сост. : К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. – Ростов н/Д.: Полиграф-Сервис, 2017. – 1148 с.

Приложение 1.

Легенда о Шангале

В Петровском районе, пожалуй, значение единственного топонима – Шангала – невозможно объяснить. Я задалась вопросом – что же это за слово и что оно обозначает? Есть много историй о происхождении тех или иных названий. Такая легенда есть и в Шангале.

Давным-давно жил на свете хан Бату, сын Джучи, внук Чингисхана. Родился он у подножия Алтайских гор. Есть на севере, где реки впадают в холодные моря, селение Шангалы, что в переводе с языка шорцев, кочевников, живших в тех местах и вытесненных во времена Чингисхана на Южный Урал, означает желтый ребенок.

Богат был хан Батый. Стада у него были до горизонта. Но земли в наследство ему не досталось, так как был он лишь вторым сыном у Джучи. А дед его приказал выбрать его ханом Орды в 18 лет. Рано повзрослел Бату. Земли для своего улуса добывал он огнем и саблей. И отвоевал он много земли: от края до края земли. От подножия гор Алтайских до седого Кавказа простиралась его империя.

Много жен было у Батыя и много детей. Но самой любимой была красавица Шангалык.

Славной невестой была Шангалык. Все умела. Любую работу делала играючи, помощницей была для матери. Любимицу свою Бату-хан научил всем премудростям кочевой жизни. Не отставала она в скачке на добром скакуне от лучших наездников, стреляла из лука метко, разила саблей любого, кто попадался на ее пути.

Занедужила однажды Шангалык. В чем причина ее болезни никто не знал. Спросила мать у Шангалык, что случилось с ее драгоценной красавицей. Спросил отец у своей любимицы о причине недуга. Ничего не отвечала Шангалык. Только отворачивала свое лицо от родных и все больше смотрела на закат. Потому что причиной ее тоски был молодой джигит, что похож на луч солнца. Он красив и ловок. Он самый отважный воин в отцовском улусе. Но нет богатства у юноши, кроме рук его ловких да друзей верных.

Они-то и помогли Шангалык и ее возлюбленному бежать от власти ее отца.

Чернее тучи стал хан Батый, когда услышал горькую весть. Нельзя доверять женщине, даже родной дочери нет веры. Предала своего отца Шангалык. Бросился хан со своими слугами в погоню.

А беглецы побежали в сторону заката. И когда солнечные лучи стали походить на лепестки тюльпанов, растущих в степи, они остановились в живописной долине на берегу безымянной реки.

Быстрыми были кони Батыя. Догнали они девушку и ее возлюбленного. Дочь свою, любимицу Шангалык, хан убил ударом сабли. А юношу привязали к хвостам лошадей и понеслись добрые кони по степи, только пыльное облачко осталось.

С тех пор зовется река – Шангалык, и село, которое образовалось на ее берегах стало зваться Шангала. А на закате солнечные лучи отражаются в глади шангалинских прудов, это юноша, похожий на луч солнца, целует свою Шангалык.

Приложение 2

Происхождение реки Томузловка

О происхождении реки Томузловки любопытную легенду записал в 1900 году Г.Н. Прозрителев, известный на Ставрополье этнограф, архивист, организатор и попечитель музея Северного Кавказа в Ставрополе. Услышал он ее от странницы, которую встретил в селе Северное на постоялом дворе.

«После потопа, Господь в своем милосердии, – так начала свой рассказ странница, - послал на землю ангела посмотреть, что и как там делается: «Может быть, есть какой утопленник и из праведников». Летал, летал он и видит, что и дьявол сухого места ищет». Рассказчица вздохнула и продолжала: «Конечно, хоть и грешная, а все же душа, обсушиться надо, ведь дождь лил сорок дней и сорок ночей».

«Вот они летали, летали, – продолжала рассказчица, – и сошлись на Северской горе. Дьявол и говорит: «Ну, ты иди по правую сторону, а я пойду по левую; я здесь город заложу и людей соберу, а то вы неравно их опять потопите... И пошел ангел направо, а дьявол налево, и земля-матушка угнулась под их стопами, так балочками и вышла. Пошел дьявол, ножищи тяжелые, где ступнет, так земля там камнем и зашкварится. А у ангела, – продолжала она нежным голосом, – ножки тоненькие, идет, и не слышно, и только крылышками машет. А дьявол тем временем первым делом ворота поставил, страшенные, что на горе стоят; стал каменья собирать, а там стену повел и постройку заложил на первой горе. Шел, шел ангел и видит, что дьявол к работе приступил, построит город и людей в полон заберет, сел и заплакал. Сидит это он, да так горько плачет, слезы падают, по земле льются. И вот идет старичок. «Что ты, друг, плачешь?» – спрашивает он ангела. «Да как же мне не плакать: вот тот город строить будет, людей всех в полон заберет, а у меня нет ни камушка, ни деревца, не за что мне и взяться». «Ну, не плачь, друг. – отвечает старичок – На, вот тебе эти семечки, возьми их и брось по ветру. А слезы твои людям на пользу будут». И скрылся. Взял ангел семечки, бросил их по ветру и пошла от них трава, да разная зелень и деревья всякие, а с того места, где слезы падали, речка тому назло протекла. И пошли тут люди и заняли всю правую сторону. А на ту сторону

никто не пошел: дьявол, что день строил, то ночью обвалилось; он на другое место, выстроит, а ночью развалится; он – на третье и там тоже. Так он мучился, да и стал в исступлении своем камни по долине разбрасывать, а на эту сторону все-таки добросить не может. И сделалось все это ему назло, и прозвалась речка Томузлов».

Прозрителев вспоминал: «В какой мере легенда эта принадлежит данной местности, трудно сказать, но она превосходно применена к этой долине, где и странное обрушение каменных громад на отдельных выступах возвышенностей имеет вид каких-то гигантских построек, и две каменные глыбы при начале долины как бы ворота, и заселенная правая сторона с обильной растительностью, и разбросанные камни, все это замечательно соответствует тем подробностям, которые описываются в рассказе».

Научное объяснение явлению, услышанному Прозрителевым, дал профессор Ставропольского педагогического института В.Г. Гниловской: «...сухость и безжизненность крутого левого склона связана с тем, что он обращен к палящим лучам полуденного солнца, снег на нем не задерживается, потоки воды быстро скатываются и, смывая почву, не дают возможности укорениться растениям. Совсем иная картина на склоне, обращенном на север. Он затенен, снег здесь долго не тает, из мощной толщи песчаника, подстилаемого глиной, выходит много источников, снабжающих водой Томузловку, поэтому здесь разросся лес, возникли сады и огороды».

А песчаник, залегающий на горах Томузловки, по мнению В. Г. Гниловского, «был отложен древним Среднесарматским морем». Море это отступило из пределов Северного Кавказа не менее пяти миллионов лет назад. За такой срок песчаник, подвергаясь воздействию воды, солнца и ветра, сильно разрушился и из него образовались причудливые формы, которые именуют сегодня как «Каменный сарай», «Каменные ворота», «Каменная ящерица».

Приложение 3

Легенда о горе Куцай

С горой Куцай связана древняя красивая легенда. Говорят, раньше здесь колдуны, ведьмы и всякая нечисть шабаши устраивали. Делами непотребными занимались, детей губили. Пока разбойничал Пётр со своей шайкой, хорошо им было и привольно, когда же решил перейти к мирной жизни, основал село Петровское, выстроил храм, привёз священника — занервничали черти. Батюшка повенчал невенчанных, покрестил некрещённых — словом, начался в этих местах покой и порядок. Не понравилось это бесам, и начали они петровчанам досаждать.

У одного крестьянина курица всё лето петухом пела, а когда ей голову отрубили — выскочил из неё чертёнок, у другого корова влезла на крышу, у третьего бык то на передних, то на задних копытах ходил, на четвёртого мерин напал, до этого спокойный. И длились эти неприятности, пока не появился некий отшельник по прозвищу Кусай.

Поселился он прямо на горе, вначале в шалаше, потом вырыл себе землянку. Ходил и в жару и в стужу босиком в одной рясе, питался дикими плодами. Мясо не ел. Петровчане тоже несли ему овощи, хлеб и молоко. От молитв старца и самого его присутствия притихла нечисть.

Кусай любил говорить, что полностью бесы покинут эти места, когда Пасха на високосный год попадёт на первое мая, а он в предпасхальную ночь выложит крест через всю гору. Тогда возникнет на горе храм, который простоит пять минут. Многие смеялись, но многие и задумывались. А нечисть боялась.

И вот в один високосный год Пасха выпадала как раз на первое мая. Один молодой казак, Ваньша, похвалился в чистый четверг в кабаке перед друзьями, что увидит, как старец с нечистью бороться будет. Подкрался казак ночью к пещере и спрятался в кустах. Внезапно послышались крики и вой: нечисть начала слетаться на шабаш. Тут были и ведьмы на мётлах, и колдуны на козлах, и бесы самой разной величины и наружности. И принесли они ребёнка некрещённого, чтобы в жертву его принести. От ужаса Ваньша оцепенел.

И тут из пещеры вышел Кусай и начал, молясь, таскать камни и выкладывать из них православный восьмиконечный крест. Нечисть бросилась на него, но отшельник беспощадно кропил их святой во-

дой — и слуги Дьявола разбегались, вереща от боли. Вдруг появился демон смерти Невея, подкрался сзади к старцу и начал входить в него. Помертвел Кусай, камни посыпались у него из рук, но из последних сил он смог повернуться к демону и перекрестил его. Невея исчез, и тут как раз запели петухи. Под пение петухов отшельник положил последний камень.

Нечисть начала разбегаться в разные стороны, многие окаменевали и гибли. Ребёнок, к счастью, остался жив. Кусай подошёл к нему, окропил кропилом, прочитал молитву и нарёк его Георгием, в честь Георгия Победоносца. После чего покормил мальчика козьим молоком, и тот уснул.

Тогда старец вытащил из пещеры гроб, крышку, крест и позвал казака Ваньшу, присутствие которого почувствовал ещё тогда, когда тот спрятался рядом с пещерой.

Здесь и рассказал Кусай свою историю. Оказывается, был он некогда разбойником. Вместе со своей шайкой он ограбил монастырь, а потом убил святого отшельника. И начали мучить разбойника кошмары про ад и смерть. Долго он молился, перепуганный, Богу, и однажды явился к нему во сне отшельник. Рассказал он Кусаю, что простит Бог его только тогда, когда в предпасхальную ночь високосного года, выпадающую на первое мая, он выложит на нечистой безымянной горе крест. Знаком прощения станет возникший из ниоткуда храм, который простоит пять минут.

Завещал Кусай построить на этом месте храм с двумя приделами в честь Николая Чудотворца и апостолов Петра и Павла.

Как раз в это время взошло солнце, поднялся утренний туман, и лишь первый луч коснулся земли, как возник красивейший храм, внутри которого слышалось ангельское пение. Простоял пять минут и исчез. Кусай перекрестился, вздохнул, лёг в гроб, прошептал: «Упокой, Господи, душу грешную раба твоего Николая» и затих.

Казак схватил ребёнка и помчался вниз, в село. Здесь он всё рассказал атаману. Когда люди пришли на это место, они испугались страшных костей и окаменевших демонов, поэтому храм построили внизу. После имя Кусай народная молва изменила, и назвали гору Куцай.

Но каждый високосный год, когда Пасха выпадает на первое мая, утром на горе возникает храм. Стоит он пять минут, и если успеть забежать в него — он останется здесь навсегда.

Научное издание

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Монография

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 18.12.2020 г.
Формат 60х84 1/16. Усл. печ. л. 7,91.
Тираж 500 экз. Заказ 121.

Типография ИП Тимченко О.Г.
Идентификатор - 6044707
355000, РФ, г. Ставрополь, ул. Тухачевского, 26,
ИНН 263401442118

Телефон/факс (8-86-52)42-64-32
ideya_plus@mail.ru